

Московско́й здѣсь Парнасъ изобразилъ аидю,
Что чистой слога стиховъ и прозы всея въ Россію,
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргиліи былъ,
То онъ одинъ въ всея лончатіи аистилъ,
Открывъ натуры храмъ богатыи словомъ Россовъ,
Прижмъ ихъ остроуми въ науки Молмосовъ.

СОБРАНИЕ
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ

Михайлы Васильевича Ломоносова.

Изданіе новое исправленное,

съ присовокупленіемъ общошпелнаго описанія
сочиницелевой жизни, взятыхъ изъ Московскаго
и Академическаго изданія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

съ Указнаго дозволенія печатано въ типографіи
Шнора, 1803 года.

Ж И З Н Ъ

Михайлы Васильевича Ломоносова. (*)

Михайла Васильевичъ Ломоносовъ, Спашскій Совѣшникъ, Имперашорской Санкшпешербургской Академіи Наукъ Профессоръ, Спокгольмской и Бононской членъ, родился въ Холмогорахъ въ 1711 году отъ промышленника рыбныхъ ловлей. Юныя лѣта препроводилъ съ опцемъ своимъ; ѣздя на рыбные промыслы; но будучи обученъ Россійской грамашѣ и писашь, прилѣжалъ онъ болѣе всегда по врожденной склонности къ чтенію книгъ; и какъ по случаю попалась ему псалширь, преложенная въ стихи Симеономъ Полоцкимъ; по читавъ оную многократно, шакъ пристрасшилъ къ стихамъ, что получилъ желаніе обучашься стихошворшву. По чему спашь онъ навѣдывашься, гдѣ можно обучишья сему искусству. Услышавъ же, что въ Москвѣ ешть шакое училище, гдѣ преподаюшья правила сей науки, принялъ непремѣнное намѣреніе уйши отъ своего опца. Къ сему его побудило и упорное желаніе его родишеля,

(*) Взаша изъ Опыта Историческаго Словаря о Россійскихъ Писашеляхъ напечатаннаго въ Санкшпешербургѣ 1772 года.

*

дабы женишь его по неволѣ. Вскорѣ попомъ исполниль онъ свое намѣреніе, оставилъ домъ родишельскій, пришелъ въ Москву, и вступилъ въ Законоспасское Училище, въ кошоромъ съ великимъ прилѣжаніемъ обучался Лавинскому и Греческому языкамъ, Риторикѣ и Спихошворшву.

Въ 1734 году взяшь онъ былъ изъ онаго училища въ Императорскую Академію наукъ, и опсправленъ въ 1736 году Спуденшомъ въ Германію. По пріѣздѣ въ Марбургъ, что въ Гессенской землѣ, порученъ онъ былъ съ поварищами своими Райзеромъ и Виноградовымъ насшавленіямъ славнаго Барона Вольфа. Въ Марбургѣ пробыль онъ чешыре года, упражняясь въ Химіи и въ принадлежащихъ къ ней наукахъ. Попомъ поѣхалъ въ Саксонію, и шамъ подъ смотрѣніемъ славнаго Химика Генкеля осмолрѣлъ всѣ горныя и рудокопныя работы, въ горномъ округѣ производимыя. Наконецъ возвратился онъ въ Санкшпешербургъ въ 1741 году спуденшомъ же.

Около сего времени оказалъ онъ первые опыты споль гремѣвшаго не полько въ Россіи, но и въ чужеспранныхъ о-

бласпяхъ Лирическаго стихошворства, сочинивъ поржеспвенную оду и нѣсколь-ко по помъ другихъ. Между пѣмъ болѣе всего прилѣжалъ къ Химіи и къ прочимъ ея часпямъ, и сполько въ оной успѣлъ, что опъ Императорской Академіи Наукъ поручено ему было находящійся при Кунспкамерѣ минеральный кабинетъ привести въ порядокъ. Г. Ломоносовъ исполнилъ порученное ему дѣло съ такимъ искусствомъ, прилѣжаніемъ и исправностію, что Академія, уважая его знаніе и шруды, произвела его Адъюнктомъ въ 1742 году.

По произведеніи его продолжалъ упражняться онъ въ Химіи; а въ 1745 году по указу изъ Правительствующаго Сенапа, основанномъ на свидѣтельспвахъ всѣхъ членовъ Академіи наукъ, произведенъ онъ былъ Профессоромъ Химіи.

Въ 1751 году г. Ломоносовъ пожалованъ былъ Коллежскимъ Совѣшникомъ. Въ 1752 году по данной ему привилегіи учредилъ онъ бисерную Фабрику, и началъ упражняться въ мозаикѣ; и какъ въ Россіи первый былъ онъ изобрѣшатель мозаическаго искусства, по и поручено ему было шрудиться въ ссоставленіи большой мозаической каршины, предспвляа-

ющей знаменитѣйшія дѣла ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Г. Ломоносовъ окончилъ сей трудъ Россійскими матеріалами и масштабами безъ всякой помощи оныхъ иностранныхъ. Къ составленію сей картины изобрѣлъ онъ всѣ сосавы и разныя махины, и оную сдѣлалъ шакой величины, какой мозаической картины по сіе время въ цѣломъ свѣтѣ еще не бывало.

Въ 1751 году Февраля 13 дня определенъ онъ членомъ въ Академическую Канцелярію; а въ 1760 году Февраля 14 дня поручены въ полное его смотрѣніе Академическая Гимназія и Университетъ.

1764 года въ Декабрѣ мѣсяцѣ г. Ломоносовъ пожалованъ былъ Спашскимъ Совѣтникомъ, въ копоромъ чину и пробылъ онъ до кончины своей, воспослѣдовавшей 1765 года Апрѣля въ 4 день къ великому сожалѣнію всѣхъ любительей словесныхъ наукъ. Тѣло его съ богатою церемоніею погребено въ Александроневскомъ монастырѣ Императорскимъ иждивеніемъ; а на гробъ его поставленъ мраморный сполгъ иждивеніемъ покойнаго Канцлера Графа Михайла Ларіоновича Воронцова съ слѣдующими Россійскою и Латинскою надписями:

Въ память
славному мужу
М И Х А И Л У
Л О М О Н О С О В У,
родившемуся въ Холмогорахъ
въ 1711 году,
бывшему

Сшашскому Совѣшнику,
Императорской Санктпетербургской
Академіи Наукъ

Профессору
Сшокгольмской и Бононской
Члену,

Разумомъ и науками превосходному, знающимъ
украшеніемъ Ошечесшву служившему,

Краснорѣчія, Сшихошворстшва
и

Ишпоріи Россійской
учишелю,

Муси первому въ Россіи безъ руководстшва
и зобрѣшашелю,

преждевременною смершю ошъ Музъ и Ошече-
стшва на дняхъ свяшшья Пасхи 1785 года
похищенному,

ВОЗДВИГЪ СІЮ ГРОБНИЦУ
Г Р А Ф Ъ

М и х а й л о В о р о н ц о в ъ,
славя Ошечесшво съ шакowymъ гражданиномъ,
и горесшно собољзнуя о его кончинѣ.

Viro Celeberrimo,
MICHAËLI LOMONOSOW,
 Kholmogorodi nato, Anno MDCCXI.
Augustae Russiarum Imperatricis
Consiliario Status,
Professori Publico ordinario
Academiae Scientiarum
Petropolitanae,
 Holmensis et Bononiensis socio,
 Qui ingenio excellit et artibus,
Patriae decus, eximium,
Eloquentiae, Possesos
 et
Historiae Patriae Praeceptor,
Metri Russici institutor,
Tragediarum in Vernacula Auctor,
 Primus Musivi operis in Russia
pictor Avtodidactos.
 Praematura morte Musis
 Atque Patriae feriis Paschaes
MDCCCLXV scriptis
 et
operibus oblivioni ereptus:
Talem civem gratulans Patriae,
obitum eius lugens
MICHAËL COMESA WORONZOW
Rosuit.

Сей мужъ былъ великаго разума, високаго духа и глубокаго ученія. Сколь опимѣнна была его охота къ наукамъ и ко всѣмъ человѣчеству полезнымъ знаніямъ, споль мужественно и всупилъ онъ въ пушь къ доспженію желаемаго имъ предмета. Спремленіе преодолѣвапъ всѣ случавшіяся ему въ помѣ препяшствія награждено было благополучнымъ успѣжомъ. Бодрость и швердость его духа оказывались во всѣхъ его предпріятіяхъ. Начавъ учипся иноспраннымъ языкамъ въ шакихъ уже лѣсахъ, въ коихъ многіе за невозможность почишаюпъ въ нихъ упражняпся, доспигъ онъ до великаго совершенства. На Нѣмецкомъ языкѣ писалъ и говорилъ, какъ почи на своемъ природномъ. Латинской зналъ очень хорошо, и писалъ на немъ. Французской и Греческій разумѣлъ не худо; а въ знаніи Россійскаго языка, яко природнаго и имъ много вычищеннаго и обогащеннаго, почиался онъ въ свое время въ числѣ первыхъ. Слогъ его былъ великолѣпнъ, чиспъ, швердъ, громокъ и пріятнъ. Предпріимчивость сколь часто бываепъ въ другихъ порокомъ, споль многократно ему приобрѣшала похвалу. Онъ упра-

жнялся во всѣхъ философическихъ и словесныхъ наукахъ, въ Химіи съ ея разными часпями, а особливо прилѣжалъ къ Физикѣ экспериментальной, которую и перевелъ на языкъ Россійскій; въ Механикѣ и въ Исторіи нашего Отечества. Спихопворство и краснорѣчіе съ превосходными познаніями правилъ и красоты Россійскаго языка споль великую принесли ему похвалу не сполько въ Россіи, но и въ иносшранныхъ обласпяхъ, что онъ почиается въ числѣ наилучшихъ лириковъ и ораторовъ. Его похвальныя оды, надписи, поема ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ и похвальныя слова принесли ему безмершную славу. Нравъ имѣлъ онъ веселый, говорилъ коротко и оспроумно, и любилъ въ разговорахъ упошреблять ошпрія шушки. Къ Отечеству и друзьямъ своимъ былъ вѣренъ; кровопшельствовалъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ и ободрялъ ихъ. Въ обхожденіи былъ по большой часпи ласковъ, къ искашелямъ его милосши щедръ; но при всемъ помъ былъ горячъ и вспылчивъ. Сочиненія его суть слѣдующія: Двѣ часпи разныхъ спихопвореній содержатъ въ себѣ духовныя и похвальныя оды,

надписи, двѣ пѣсни героической поэмы ПЕТРЪ ВЕЛИКІИ, похвальныя слова и другія спихошворенія; Россійская Грам-
машика, Рипорика, крапкой Россійской
лъшописецъ, первая книга древней Рос-
сійской Испоріи, крапкое поняпіе о Фи-
зикѣ, Мешаллургія, двѣ прагедіи Тами-
ра и Селимъ и Демофоншъ; и ученныя
разсужденія о разныхъ машеріяхъ. Вол-
фіанская экспериментальная физика съ
Лапшинскаго языка имъ переведенная. Я
не могу разпроспраниться въ похвалѣ
сему великому писашелю; а довольно бу-
дешъ, когда сообщу изъ эписполы г. Су-
марокова слѣдующіе спихи:

Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси:
Онъ нашихъ спранъ Малгербъ, онъ Пиндару по-
добенъ.

Также спихи Г. Поповскаго къ его
порпшепу:

Московской здѣсь Парнасъ изобразилъ Вишю,
Чшо чисшой слогъ спиховъ и прозы ввелъ въ
Россію;
Чшо въ Римѣ Цицеронъ и чшо Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ поняшій вмѣшилъ.
Открылъ нашурь храмъ богашымъ словомъ Рос-
совъ;

Примѣръ ихъ оспрошы въ наукахъ Ломоносовъ.

И наконецъ списки Михайла Маш-
вѣевича Хераскова.

Великій Ломоносовъ!

Ты долго прославлялъ
Гремящей лирой Россю
И всѣхъ насъ удивлялъ:
Россійскую державу,
Ея Монарховъ славу
Вознесши къ небесамъ,
Взлещь къ пуда и самъ.
Когда ЕЛИСАВЕТУ
Пѣвалъ ты передъ ней,
Всему вѣщалъ ты свѣшу
Спокойство нашихъ дней.
Рокъ люшый разрушаешь
Художество шрудный даръ:
Но въ вѣкъ не попушаешь
Писновъ сильной жаръ.
Твоихъ героевъ вѣчно
Свѣшь будешь почиашь,,
И будешь безконечно
Списки швои чишашь.
Почпо еще и нынѣ
На свѣшѣ не живешь?
Почпо ЕКАТЕРИНѢ
Похвалъ ты не поешь?

Твоя гремяща лира
 Доспойною была
 Для всѣхъ предѣловъ міра
 Воспѣшь Ея дѣла.
 Когда Анакреону
 Ошвѣшы дѣлалъ шы,
 Его имѣлъ корону,
 Его въ рукахъ цвѣшы;
 Въ спицахъ его погудки
 Пріятно повшорялъ,
 Къ любви прибавя шушки,
 Въ свирѣли шы игралъ:
 И лира и свирѣлки,
 И важность и бездѣлки
 Черезъ швой священный гласъ
 Пѣнись умѣла насъ.

Изъ сочиненій его переведены на и-
 ностранные языки слѣдующія: Грамма-
 тика, крапкой лѣпописецъ и Россійская
 Исторія на Нѣмецкій; упреннее и ве-
 чернее размышленія о величествѣ Бо-
 жіемъ на Французскій; похвальное слово
 ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНѢ перевелъ онъ
 самъ на Лапинской языкъ, а ПЕТРУ
 ВЕЛИКОМУ Панегерикъ переведенъ на
 Французской Барономъ Чуди. Г. Ломо-
 носовъ имѣлъ переписку со многими уче-
 ными людьми въ Европѣ: Библіошека его

и манускрипты по смерти его куплены Княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ.

При семъ такъ же для любопытства читателей въ доказательство, въ какомъ уваженіи и славѣ былъ Г. Ломоносовъ для учености своей и въ чужестранныхъ Государствахъ между учеными тогдашняго времени мужами, прилагаются нѣкоторое число отрывковъ выбранныхъ самимъ Г. Ломоносовымъ изъ писемъ, частію къ нему самому писанныхъ, а остъ частію къ Графу Кирилъ Григорьевичу Разумовскому и въ Академію.

1.

Одобреніе Г. Профессора Вольфа на Латинскомъ языкѣ писанное.

Молодой человекъ преимущественнаго оспроумія Михайло Ломоносовъ съ того времени, какъ для ученія въ Марбургъ приѣхалъ, прилжно Математическія, Философическія, а особливо Физическія лекціи слушалъ, и чрезвычайно привязанъ былъ къ основательному ученію. Ежели впредъ съ такимъ раченіемъ проспираешься будешь; то не сомнѣваюсь,

чтобы возвращаясь въ Отечество , не принесъ пользы ; чего сердечно желаю.
Дано въ Марбургѣ 1739 года Юля 20 дня.

Христіанъ Вольфъ

Акад: Марбург: Проректоръ.

2.

Сколь много я удивлялся пронца-
шельности и глубинѣ вашего оспроумія
въ изъясненіи крайне шрудныхъ химиче-
скихъ вопросовъ; такъ равномѣрно ваше
письмо мнѣ было пріятно.... Изъ сочине-
ній вашихъ съ превеликимъ удовольствіемъ
усмошрѣлъ я, что въ исполкованіи
химическихъ дѣйствій далече опъ приня-
шаго у Химиковъ порядка опспутили, и
съ обширнымъ искусствомъ въ практикѣ
высокое знаніе съ обширнымъ искусст-
вомъ всюду соединяете. По сему не
сумнѣваюсь, что бывы нешверды еще
и сомнишельныя основанія сея науки не
привели къ совершенной достовѣрности,
такъ что ей послѣ мѣсто въ Физикѣ
по справедливости дано бышь можетъ.
*Эйлеръ въ лисьмѣ къ Г. Лом: отъ 23
Марта 1748 года.*

3.

Колико тонки и глубоки ваши разсужденія, кошорыхъ сообщеніемъ вы дали мнѣ чувствительный знакъ своей ко мнѣ дружбы и благосклонности! . . . Прошу извинить меня, что я не могъ ранѣе сообщить своего отвѣта; ибо мысли о польѣ прудныхъ и сокровенныхъ вещахъ пребуютъ времени. *Онѣ же въ письмѣ отъ 24 Август: 1748 года.*

4.

Я съ великимъ удовольствіемъ увидѣлъ, что вы въ Академическихъ комменсаріяхъ ученому свѣшу себя показали; чѣмъ вы великую честь принесли своимъ соопчичамъ. Я желаю, чтобы вашему примѣру и другіе послѣдовали, и проч. *Вольфъ въ письмѣ изъ Галы отъ 6 Августа 1753 года.*

5.

Въ томъ же томѣ содержится экстрактъ XIV тома Академическихъ комменсаріевъ, гдѣ я проспранно и съ удовольствіемъ описалъ вашу изящную диссертацію о свѣплоспи мешалловъ. *Формей въ письмѣ изъ Берлина отъ 27 Октября 1753 года.*

6.

Всѣ сіи диссертаціи не токмо хороши, но и весьма превосходны: ибо онъ пишеть о матеріяхъ Физическихъ и Химическихъ весьма нужныхъ, которыхъ понынь не знали, и исполковаць не могли самые оспроумные люди, что онъ учинилъ съ такимъ успѣхомъ, что я совершенно увѣренъ о справедливости его изъясненій. При семъ случаѣ долженъ я опдѣлать справедливость Г. Ломоносову, что имѣеть превосходное дарованіе къ изъясненію Физическихъ и Химическихъ явленій. Желашельно, чтобы и другія Академіи въ соспоянніи были произвешъ пакія опкровенія, какія показаль Г. Ломоносовъ и проч. *Эйлеръ: въ письмѣ между протимъ къ Графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому.*

7.

Какъ я всегда удивлялся щаспливому вашему оспроумію, копорымъ въ шоль разныхъ наукахъ превосходствуете, и естественныя явленія съ особливымъ успѣхомъ теоретически изъясняете; шакъ пріятно мнѣ было ваше извѣстіе . . . Доспойное васъ ешь дѣло, что вы спеклу всевозможные дѣвѣшы даць може-

ше. Здѣшніе Химики сіе изобрѣшеніе по-
чипаюць за важное дѣло. *Эйлер: въ*
лисъмѣ изъ Берлина отъ 30 Марта
1754 году.

8.

Приношу вамъ должное мое благода-
реніе за актъ Академической и за про-
грамму, достойное вашей славы сочине-
ніе, сообщеніемъ котораго угодно было
вамъ удостоить меня, и проч. *Конда-*
мин: въ лисьмѣ изъ Пломберіи въ Ло-
тарингіи Августа дня 1754 года.

9.

Желая служишь вамъ во всемъ, что
полюко отъ меня зависить, и нашедши
случай отъ часпи по выполнишь, пре-
провожаю при семъ къ вамъ лиспки
изъ моего журнала, гдѣ оная ваша дис-
сертація напечатана. Самый долгъ пре-
баваль шого, чтобы защишишь поль
праведное ваше дѣло отъ шакихъ неспра-
ведливыхъ поносителей. *Формей изъ*
Берлина отъ 27 Маія 1755 года.

10.

Того ради стараніе пѣхъ, которые
въ семъ дѣлѣ шрудяся всегда великую
похвалу заслуживаешъ. Тѣмъ болѣе вамъ
должно отдавать всю справедливость,

что вы сей важный вопросъ изъ пымы изпоргнули, и положили счастливое начало его изъясненію. *Эйлеръ изъ Берлина отъ 11 Февраля 1755 года.*

II.

Проницательнаго Г. Ломоносова разсужденіе о печеніи сей шонкой маперіи въ облакахъ великою помощію послуживъ пымъ, копорые въ разрѣшеніи сего вопроса силы свои изслѣдовать пожелаютъ. Весьма пакъ же изрядны размышленія его о низхожденіи верхняго воздуха и о внезапныхъ ошъ шого морозахъ. *Эйлеръ въ Академію изъ Берлин. 1754 года.*

Ж И З Н Ъ

Его же пространнѣе описанная, взятая изъ полнаго собранія твореній его налегатаннхъ при Санктпетербургской Академіи Наукъ.

Михайла Васильевичъ Ломоносовъ родился 1711 года въ Двинскомъ уѣздѣ въ Куроспровской волости въ деревнѣ Денисовской, на болотѣ поже, на оспровѣ лежащемъ недалеко ошъ Холмогоръ.

Опець его Василій Дороеевъ Государственнoй креспьянинъ жипель сей волоспи былъ промысльмъ рыбаць (1). Началь братель его опъ десяти до шестнадцатилѣшняго возраста съ собою въ каждое лѣпо и каждую осень на рыбныя ловли въ Бѣлое и Сѣверное море. Бздиль съ нимъ даже до Колы, а иногда и въ сѣверной Океанъ до 70 градусовъ широпы мѣспа. Самъ онъ разсказываль объ обшояшельспвахъ сихъ спранъ, о ловлѣ киповъ и о другихъ промыслахъ.

- (1) Онъ первой изъ жипелей сего края соспроиль и по Европейски оснаспиль на рѣкъ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галиопъ, и прозваль его Чайкою; ходиль на немъ по сей рѣкъ, по Бѣлому Морю и сѣверному Океану для рыбныхъ промысловъ, и изъ найму возиль разные запасы, казенные и частныхъ людей опъ города Архангельскаго въ Пуспозерскъ, въ Соловецкой Монаспирь, Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Семояди и на рѣку Мезень.

Возвращаясь съ рыбныхъ промысловъ, провождалъ зиму дома. Въ селеніи своемъ научился у одного тамошняго священнослужителя (2) чипать и писать по Руски, чипаль обыкновенно одни полько церковныя книги, и когда прашиваль у учителя своего свѣпскихъ; шо сей обыкновенно ошвѣчалъ ему, что для приобрѣшенія большаго знанія и учености пребуешся знать языкъ Лапинской; а сему не индѣ можно научиться, какъ въ Москвѣ, въ Кіевѣ или Пепербургѣ; что въ сихъ полько городахъ довольно книгъ на помъ языкѣ. Проспой

-
- (2) Чрезъ два года учинился къ удивленію всѣхъ лучшимъ чпцомъ въ приходской своей церкви. Охоша его до чшенія на клиросѣ и за амвономъ была шакъ велика, что нерѣдко биванъ былъ не омъ сверспниковъ по лѣпамъ, но ошъ сверспниковъ по ученію за шо, что спыдилъ ихъ превосходспвомъ своимъ предъ ними произносишъ чипаемое къ мѣспу разспоновочно, вяшно, а при помъ и съ особою пріятноспію и ломкоспію голоса.

Ариѣмешикъ (3) выучился онъ самъ собою. (4)

Долгое время пишалъ онъ въ себѣ желаніе убѣжать въ копорой нибудь изъ сказанныхъ городовъ, чшобъ вдапья

(3) Въ домѣ Христофора Дудина увидѣлъ онъ въ первой въ жизни своей разѣ не духовныя книги. То были спаринная Славенская Грамашика и Ариѣмешика напечатанная въ Санкшпешербургѣ въ царспвованіе Петра Великаго для Навигацкихъ учениковъ. Неоспшупныя и усильныя прозѣбы, чшобъ спарикъ Дудинъ ссудилъ его ими на нѣсколько дней, оспавалися всегда шщепцными. Оспрокъ пылающій ревностію къ ученію, долгое время умышленно угождая прѣмъ спариковымъ сыновьямъ, довелъ ихъ до шого, чшо выдали они ему сіи книги. Ошъ сего самаго времени не распавался онъ съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою, и не преспанно чшпая, вышвердилъ наизуспъ. Самъ онъ попомъ называлъ ихъ врашами своей учености.

(4) На штринадцатомъ году младый его разумъ уогленъ былъ раскольниками, шакъ называемаго шолка Безпоповщины; держался онаго два года; но скоро позналъ, чшо заблуждаешъ.

шамъ наукамъ. Неперпѣливо нажидалъ случая. На 17 году возраспа своего на-
 послѣдокъ оной опкрѣлся. Изъ селенія
 его опсправлялся въ Москву караванъ съ
 мерзлою рыбою. Всячески скрывая свое
 намѣреніе, по упру смопрѣлъ, какъ буд-
 шо изъ одного любопытства, на выѣздъ
 сего каравана. Слѣдующею ночью, какъ
 всѣ въ домѣ опца его спали (5), надѣвъ
 двѣ рубашки и нагольной шулуць, по-
 гнался за онымъ въ слѣдъ. Въ шрешій день
 наспигъ его въ 70 уже верспахъ. Ка-
 раванной прикащикъ не хощьлъ прежде
 взячь его съ собою; но убѣжденъ былъ
 прозьбою и слезами, чшобъ даль ему посмо-
 прѣшь Москвы, наконецъ согласился. Чрезъ
 при недѣли прибыли въ сполічный сей
 городъ. Первую ночь проспалъ Ломоно-
 совъ въ обшевняхъ у рыбнаго ряду. На-
 завшрее проснулся шакъ рано, чшо еще
 всѣ шоварищи его спали. Въ Москвѣ не
 имѣлъ ни одного знакомаго чшловѣка;
 опъ рыбаковъ съ нимъ пріѣхавшихъ не могъ

(5) Не позабылъ взячь съ собою любезныхъ
 своихъ книгъ, соспалявшихъ погда всю его
 Библиошеку, ш. е. Грамматику и Ариѣметику.

ожидашь никакой помощи; они занимались продажей только рыбы своей, совсемъ объ немъ не помышляя. Овладѣла душею его скорбь; началъ горько плакать; палъ на колѣна; обратилъ глаза къ ближней церкви, и молилъ усердно Бога, чпобы его призрѣлъ и помиловалъ.

Какъ уже совсемъ разсвѣло, пришелъ какой по господской прикащикъ покупать изъ обоза рыбу. Былъ онъ землякъ Ломоносову, коего лице показалось ему знакомо. Узнавъ же, кто онъ шакъ и объ его намѣреніи, взялъ къ себѣ въ домъ и ошведь для жишья уголь между слугами шого дома.

У караваннаго прикащика былъ знакомой монахъ въ Заиконоспаскомъ монастырѣ, кошорой часшо къ нему хаживалъ. Чрезъ два дни послѣ приѣзда его въ Москву пришелъ съ нимъ повидаться. Представя онъ ему молодаго своего земляка, рассказалъ объ его обстоятельстввахъ, о чрезмѣрной охотѣ къ ученію, и просилъ усиленно посшараться, чпобы приняли его въ Заиконоспаское училище. Монахъ взялъ шо на себя, и исполнилъ самымъ дѣломъ. И шакъ учинился нашъ Ломоносовъ ученикомъ въ семъ монастырѣ.

рѣ (6). Дома между шѣмъ долго его искали, и не нашедъ нигдѣ, почипали пропавшимъ до возвращенія обоза по послѣдному зимнему пуши: погда уже узнали, гдѣ онъ и чпо онъ.

Въ Монаспырѣ обучался Ломоносовъ (7) съ великою охошою, и оказалъ при-

(6) А какъ не принимають въ сію семинарію положенныхъ въ подушной окладъ; по назвался Ломоносовъ дворяниномъ. Покойный Новгородскій Архіерей Теофанъ Прокоповичъ въ Кіевѣ его узнавъ, и полюбя за опмѣнные въ наукахъ успѣхи, призвалъ къ себѣ и сказалъ ему: ... „ Не бойся ничего; хощя бы со звономъ въ Московской соборной колоколь спали шебя публиковашъ самозванцемъ, я швой защишникъ.

(7) Вспупленіе его въ Законоспаское училище было въ 1722 году при Рекшорѣ Архимандрисѣ Германѣ Коцевичѣ и Префекшѣ Софроніи Мегалевичѣ.

За Лашинскую азбуку посадилъ его Геромонахъ Модеспъ Ипполишовичъ. Въ 1730 году переведенъ въ Лашинской Грамматической классъ учишеля Геромонаха Германа Канашевича.

Въ 1731 году Синшаксисъ преподавалъ ему бѣлецъ Тарасій Посниковъ.

Въ 1732 въ Лашинской и Россійской поэзій насшавлялъ Геромонахъ Теофилакшъ Квѣшницкій.

мѣрные успѣхи. По прошествіи перваго полугода перевели его изъ нижняго класса во вшорой, въ томъ же году изъ вшораго въ прешій классъ. Черезъ годъ послѣ того сполько спалъ онъ силенъ въ Лапшинскомъ языкѣ, что могъ уже на немъ сочинять небольшія стихошворенія. Тогда началъ учиться по Гречески, а въ свободные часы вмѣсто того, что другіе семинаристы проводили ихъ въ рѣзвости, рылся въ Монашырскомъ книгохранилицѣ. Находимыя въ ономъ книги утвердили его въ языкѣ Славенскомъ. Тамъ же сверхъ лѣпописей, сочиненій церковныхъ опцевъ и другихъ Богословскихъ книгъ попалось въ руки его малое число

Въ 1734, слушалъ Ришорику у Иеромонаха Порфирія Крайскаго, кошорой послѣ того заступилъ мѣсто Рекшора сего училища.

Въ Маѣ Мѣсяцѣ 1735 ради отличныхъ успѣховъ въ ученіи рекшоръ Архимандришъ Стефанъ и Префекшъ Антоній опсправили его въ Санкшпешербургскую Академію Наукъ.

Въ его время покойной Новгородской Преосвященнай Димитрій Сѣченой былъ еще не поссприженъ, и училъ читашъ и писашъ по Лашини.

Философическихъ, Физическихъ и Математическихъ книгъ.

Законоспаская Библіотека не могла насытити жадности его къ наукамъ; прибѣгнувъ къ Архимандриту съ усиленною прозьбою, чтобъ послать его на одинъ годъ въ Кіевъ учиться Философіи, Физикъ и Математикъ; но и въ Кіевѣ пропивъ чаянія своего нашель пусныя полько словопрѣнія Аристокелевой Философіи. Не имѣя же случаевъ успѣшь въ Физикъ и Математикъ, пробыль шамъ менѣе года, упражняясь болѣе въ чтеніи древнихъ лѣтописей и другихъ книгъ писанныхъ на Славенскомъ, Греческомъ и Латинскомъ языкахъ.

Скоро по возвращеніи его въ Спаское училище прислано въ оное было въ 1734 году (8) шребованіе, изъ Пешбургской

-
- (8) Показаніе жизни сего мужа напечатанной при изданіи его трудовъ 1778 года, буд-тобы переведенъ онъ былъ изъ Законоспаской въ Санктпешбургскую Академію 1734 года, естль несправедливо. Бывшимъ сего Монашья Рекшоромъ Павломъ, что нынѣ Архіепископъ Ярославскій, особю досшойною уваженія найдена своеручная росписка Г. Ломоносова въ приѣмъ жалованья за Генварскую шрепъ 1735 года шрепъ рублей пятидесяти копѣекъ.

Академіи наукъ о присылкѣ нѣсколькихъ семинарисповъ, копорые бы уже разумѣли по Лапину, для ученія Физикъ и Математикъ у Профессоровъ тамошнихъ. Ломоносовъ обрадовался давно желанному случаю, и неопшупно просилъ Архимандриша, чшобы шуда его послали. (9)

Онъ приѣхалъ съ прочими учениками изъ Спаскаго Монастыря въ Пешербургъ въ соспящую подъ вѣдомствомъ Академіи Гимназію. Тамъ слушалъ начальныя основанія Философіи и Математики, и прилѣжалъ къ тому съ крайнею охотою, упражняясь между шѣмъ и въ спихотворствѣ; но изъ сихъ послѣднихъ его трудовъ ничего въ печать не вышло. Ошмѣнную оказалъ склонность къ опытной Физикѣ, Химіи и Минералогіи. Учившись цѣлыя два года начальнымъ основаніямъ сихъ наукъ, и ушвердившись въ Математикѣ, назначень былъ съ товарищемъ своимъ Виноградовымъ въ Германію, прежде въ Марбургъ къ шогдашнему слав-

(9) Способшвовалъ ему въ шомъ послѣ бывшій Синодальнымъ Вице Президентомъ Новгородскій и Великолуцкій Архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ.

ному философу и Математику Христиану Вольфу.

По прошествіи прехъ лѣтъ отпра-
вленъ по совѣшу сего славнаго мужа
къ искусному Горному Совѣшнику Ген-
келю въ Фрейбергъ на Саксонскіе мѣд-
ные рудники учиться практической Ме-
шалургіи и Горному дѣлу.

Черезъ годъ возвратился въ Марбург-
ской Университетъ для продолженія
Теоріи въ сихъ наукахъ.

Не замедлил сдѣлаться сильнымъ
въ Нѣмецкомъ языкѣ, въ копоромъ еще
будучи въ Пешербургъ, положилъ хоро-
шее основаніе. Опъ обхожденія съ та-
мошними студентами, и слушая ихъ
пѣсни, возлюбилъ Нѣмецкое стихотвор-
ство. Лучшей для него писатель былъ
Гиншеръ. Многихъ знаменѣйшихъ стихо-
творцевъ выпвердилъ наизустъ. По та-
мошнимъ Ямбама, Хореямъ и Дактилямъ
началъ размѣрять стихи и въ Россій-
скихъ стихахъ совсѣмъ новымъ образомъ
несравненно глаже и согласнѣе прошивъ
прежнихъ въ чшеніи. Первый примѣръ
шакowych размѣровъ въ Рускихъ стихахъ

показаль въ 1739 (10) году поржеспвенною одою на побѣду одержанную Россійскими войсками надъ Ташарами и Турками, или на завоеваніе крѣпости Хопина. Сію оду прислалъ онъ изъ Марбурга къ погдашнему Санкшпепербургской Академіи Наукъ Президенту Г. Корфу. Опдана она была для просмопрѣнія Г. Адаурову обще съ нѣкоторыми Академиками. Удивились они размѣру стиховъ, которой до шого времени былъ во все неизвѣспень въ Россійскомъ стихошворспвѣ. Ода написана была Ямбическими спопами на вкусъ Гиншера подражапельно славной его одѣ.

Камергеръ Корфъ напечашавъ ее, подалъ въ поржеспвенный день Имперашрицѣ Аннѣ. Разнесена была ко всѣмъ придворнымъ: каждой чишаль ее со удовольспвіемъ.

(10) Изъ сего ясно, что Г. Ломоносовъ за долго предъ шѣмъ ввелъ спопы въ Россійское стихошворспво, какъ Г. Сумароковъ шолько что выпущенной въ семь самомъ году изъ Кадешскаго корпуса учинился извѣспнымъ стихошворцемъ.

Въ по самое время, по есть 1740 года женился Ломоносовъ въ Марбургъ шайно на дочери хозяина того дома, гдѣ жилъ, поршняго маспера, кошпорае еще до оплученія его изъ сего города опцемъ его учинила.

Живъ онъ въ Марбургъ городѣ недалекомъ опъ Гарцскихъ горъ однимъ жалованьемъ, кошорое получалъ изъ Пешербургской Академіи по шрепямъ, содержалъ порядочно свое семейство.

Академія по прошенію его позволила ему побывать на Гессенскихъ рудникахъ, что въ Гарцѣ. Тамъ познакомился онъ съ славнымъ горнымъ Совѣшникомъ и Мешалургомъ Г. Крамеромъ, имѣвшимъ тогда уже въ гошовности къ напечатанію прекрасное свое сочиненіе объ искусствѣ раздѣленія мешалловъ. У сего ученаго и искуснаго мужа жилъ онъ довольное время, и много успѣлъ въ практической Мешалургіи. Цѣлое лѣшо провелъ въ осмашриваніи плавильныхъ и разбивныхъ заводовъ; зимою возвращаясь въ Марбургъ, оспался шамъ до весны 1741 года.

Опъ неминуемыхъ издержекъ на содержаніе скрываемаго имъ семейства своего

и опть непорядочнаго, можешь бышь, хозяйства впалъ въ нищету и долги; дошелъ на конецъ почти до опчаяннаго состоянїя, шакъ что непрестанно былъ угрожаемъ опть должниковъ шюрмою, коихъ удовольствовашь не имѣлъ силы. Принужденнымъ себя увидѣлъ уйши изъ сего города, пишаясь милоспынею на дорогѣ. Изъ полученнаго имъ не задолго предъ шѣмъ прешнаго жалованья не оспавалось у него ни копѣйки. Расположился ишши или въ Любекъ, или въ Голландію, и послѣ опсправившись моремъ въ Пешербургъ.

Не проспившись ни съ кѣмъ, ниже съ женою своею, однимъ вечеромъ вышелъ со двора, и пушшился прямо по дорогѣ въ Голландію, шедъ всю ночь. На прешей день миновавъ Диссельдорфъ, ночевалъ по близости опть сего города въ небольшомъ селеніи на поспояломъ дворѣ. Нашелъ тамъ Прусскаго офицера съ солдапами, набиравшаго рекрушовъ. Здѣсь случилось съ нимъ спражное произшествіе. Пушникъ нашъ показался Прусакамъ годною рыбою на ихъ уду. Офицеръ просилъ его учшивымъ образомъ съсшь подлѣ себя, опшужинашь съ его

подчиненными, и вмѣстѣ выпить, шакъ ими называемую, *круговую рюмку*. Въ продолженіе спола разхваливали ему Королевскую Прусскую службу. Нашъ пушникъ шакъ былъ упошчиванъ, чшо не могъ помнишь, чшо производило съ нимъ ночью. Пробудясь, увидѣлъ на плашь своемъ красной ворошникъ; снялъ его. Въ карманахъ ошупалъ нѣсколько Прусскихъ денегъ. Прусской Офицеръ назвавъ его храбрымъ солдатомъ, далъ ему между шѣмъ знашь, чшо конечно сыщешъ онъ счастье, начавъ служишь въ Прусскомъ войскѣ. Подчиненные Офицера сего именовали его братомъ. . . „ *Какъ, ошвѣчалъ* „ *Ломоносовъ, я вашъ братъ? я Россіянинъ, сѣдовательно вамъ неродня. . .* „ *Какъ? закричалъ ему Прусской урядникъ, развѣ шы не совсѣмъ выпался, или забылъ, чшо вчерась при всѣхъ насъ* „ *вспушилъ въ Королевскую Прусскую службу; билъ съ Г. Порупчикомъ по рукамъ; взялъ деньги, пилъ съ нами* „ *круговую рюмку за свое и полку нашего здоровье, и побрапался съ нами?* „ *Не унывай шолько, и не думай ни о чемъ, шебъ у насъ полюбишся; дѣшина шы доброй, и годишься на лошадь.* „

Такимъ образомъ бѣдной нашъ Ломоносовъ сдѣлался Королевскимъ Прусскимъ Рейшаромъ. Палка Пруссаго Вахмиспра запечашлѣла у него успа. Дни чрезъ два опшведень былъ въ крѣпость Вессель съ прочими рекрушами, набранными по окрешностямямъ.

Принялъ однакоже самъ въ себѣ швердое намѣреніе вырваться изъ шяжкаго своего сосшоянія при первомъ случаѣ. Казалось ему, что за нимъ болѣе присмаприваюшть, нежели за другими рекрушами. Спаль пришворяшьяся веселымъ и полюбившимъ солдашскую жизнь. Къ счастью не поставили его постшоемъ въ городъ, а держали въ караульнѣ, гдѣ онъ и спаль на нарахъ.

Караульня находилась близко вала, заднимъ окномъ была къ скапу. Замѣшивъ онъ шо, и высмопрѣвъ другія удобности къ задуманному побѣгу, оной предпринялъ и совершилъ счастливо.

На каждой вечеръ ложился онъ спашь весьма рано, высыпался уже, когда другіе на марахъ были еще въ первомъ снѣ. Пробудясь по полуночи и примѣшя, что всѣ еще спали крѣпко, вылѣзъ, сколько могъ шише, въ заднее окно; взползъ на

валъ, и пользуясь темною ночью, влекся по оному на четверенкахъ, чтобы не примѣтили того спявше на валу часовые. Переплывъ главной ровъ, а за вѣшними укрѣпленіями и рavelинной, проминовалъ съ крайнимъ прудомъ конпрескарпъ, покрышой ходъ, палисадникъ и гласисъ, и увидѣлъ себя наконецъ на полѣ: оставалось зайти за Прусскую Границу. Бѣжалъ изо всей силы съ цѣлюю Нѣмецкую мило. Плащѣ на немъ было мокро. Спало между тѣмъ свѣпашъ. Услышалъ пушечной выстрѣлъ изъ крѣпости, обѣчайной знакъ погони за ушедшимъ рекрупомъ. Овладевшею имъ спрахъ придалъ силы. Ударился бѣжашъ, сколько могъ, скорѣе. Непрестанно оглядываясь, завидѣлъ вдали скачущаго за собою человека во весь опоръ; но успѣлъ однакожь онъ между тѣмъ перебѣжашъ за Вестфальскую границу.

Обошелъ изъ предосторожности Епископское селеніе находившимся поблизку лѣсомъ; ошпановилъ въ немъ ошдохнуть; сушилъ мокрое свое плащье; проспалъ спокойно до полудни. Возспановя такимъ образомъ силы свои, пуспилъ въ пушь, и прибылъ чрезъ Арнгеймъ и

Упрехпш въ Амспердамъ, называясь вездѣ бѣднымъ Саксонскимъ Спуденшомъ.

Въ послѣднемъ городѣ Россійскій Императорскій повѣренной въ дѣлахъ Г. Ольдекопъ изрядно его принявъ, отправилъ сходспвенно съ его желаніемъ въ Гагу къ Россійскому Послу Графу Головкину на шлюпкѣ. Сей Графъ довольствовавъ его чрезъ нѣсколько дней всеиъ нужнымъ, и давъ на дорогу денегъ, отпра- слалъ обрашно въ Амспердамъ, гдѣ скоро сыскалъ онъ удобной случай отпра- виться моремъ въ Санкшпешербургъ.

Еще до отпѣзда своего изъ Гаги увѣдомилъ онъ оспавленную въ Марбургъ жену свою чрезъ письмо о приѣздѣ своемъ въ Голландію къ Россійско-Императорскому Послу Графу Головкину, и чшобъ не писала къ нему прежде, пока не даспъ ей знашъ о будущемъ своемъ сосшояніи и о мѣспѣ своего пребыванія. Послѣ не могъ болѣе года переписываться съ нею можешъ бышъ для того, чшо по приѣздѣ въ Пешербургъ 1741 года, гдѣ скоро пожаловали его Адъюнкшомъ, обспояшельспва не позволяли объявишъ, чшо онъ женашъ, да и не сказывавъ о шомъ никому. Жену съ дочерью

по дороговизнѣ жизни Пешербургской не въ состояніи былъ содержать своимъ жалованьемъ.

На возвращеніи своемъ пути моремъ въ опечесиво единожды приснилось ему, что видишь выброшеннаго по разбиіи корабля опца своего на необитаемой оспровъ въ Ледовишомъ Морѣ, къ копорому въ молодости своей былъ нѣкогда съ нимъ занесенъ бурю. Сія мечта впечатлѣлась въ его мысляхъ. По прибытіи въ Пешербургъ первое его попеченіе было навѣдаться опъ Архангелогородцевъ и Холмогорцевъ объ опцѣ своемъ. Нашель шамъ роднаго брата своего, и услышавъ опъ него, что опецъ ихъ того же года по первомъ вскрытіи водъ опправился по обыкновенію своему въ море на рыбной промыселъ; что минуло тому уже чешыре мѣсяца, и ни онъ, ниже кто другой изъ его артели повѣвшихъ съ нимъ еще не воропились. Сказанной сонъ и брашнія слова наполнили его крайнимъ безпокойствомъ. Принялъ намѣреніе просишься въ оппускъ ѣхать искаць опца на оптъ самой оспровъ, копорой видѣлъ во снѣ, чтобы похоронить его съ

должною честию, если подлинно найдешь шамъ шѣло его.

Но обспояшельства не позволили ему произвестъ намѣренія сего въ дѣйство. Принужденъ былъ послать брапа своего, давъ ему на дорогу денегъ, въ Холмогоры съ письмомъ къ шамошней арпели рыбаковъ, усиленно ихъ въ ономъ прося, чпобъ при первомъ выѣздѣ на промысель заѣхали къ оспрову, коего положеніе и видъ береговъ почно и подробно имъ описаль; обыскали бы по всѣмъ мѣстамъ, и если найдутъ шѣло опца его, такъ бы предали землѣ.

Люди сіи не опrekliсь исполнишь прозьбы его, и въ шуже осень нашли подлинно шѣло Василья Ломоносова почно на шомъ пущомъ оспровѣ, и погребши, возложили на могилу большой камень. Наспунившею зимою былъ онъ о всемъ шомъ извѣщенъ. Внушрняя его скорьбь давно уже многими примѣченная, превращившись въ явную, со временемъ умѣрилась.

Умножилась его прилѣжноспь къ наукамъ и прудолубіе. Сочинилъ разсужденіе о Натуральной Испоріи и Химіи, доказавшія чинамъ Академіи изящноспь

его ума и глубокость его знанія, приобрьшшія ихъ къ нему уваженіе и опкрывшія ему путь къ достоинству Химіи Профессора.

Между шѣмъ оставленная въ Марбургѣ его жена ожидая впрочемъ ошъ него письма цѣлые два года, не знала, куда онъ дѣвался. Въ шакомъ спрахѣ и неизвѣспности наконецъ въ 1743 году въ Февралѣ мѣсяцѣ подала письмо Россійско-Императорскому въ Гагѣ Миниспру Графу Головкину, чрезъ котораго получила она, какъ выше упомянушо, первое мужино письмо; онымъ просила, чпобъ сдѣлалъ съ нею милость, упѣшилъ ея печалію снѣдаемое сердце и облегчилъ бы бѣдспвенное ея соспояніе увѣдомленіемъ, гдѣ находилъся мужъ ея Россійской спуденшъ Ломоносовъ; еще ли у него въ Гагѣ или въ иномъ мѣстѣ? приобщила къ шому письмо и къ мужу.

Графу Головкину извѣспно было полько, чшо Ломоносовъ за два уже предъ шѣмъ года выѣхалъ изъ Амспердама въ Пешербургъ, гдѣ и находилъся ему надлежало. Охотно взялъ на себя переслать послѣднее письмо, написавъ и ошъ себя собспвенно къ Канцлеру Графу Беспу-

жеву въ Пешербургъ, прося его объ опшвѣпѣ.

Графъ Беспужевъ приказаль опнеспи письмо къ Ломоносову, и взяпшъ для пересылки къ женѣ его опшвѣпѣ.

Никпо въ Пешербургъ не думаль, чтобы Ломоносовъ былъ женашъ. По прочпеніи письма сего вырвались у него слѣдующія слова: *Боже мой! могу ли я ее локинуть? Обстоятельства мѣшали мнѣ до сего времени не только вызвать ее сюда, но и лисать къ ней. Телерь же пусть она приѣдетъ: завтра же пошлю сто рублей на дорогу.* Чпо и исполниль дѣйспвишельно. Изъ Канцеляріи Графа Беспужева послано было письмо его и денги къ Графу Головкину въ Гагу, а опъ него въ Марбургъ. Тогоже года лѣпомъ прибыла жена Ломоносова съ дочерью и брапомъ на Любскомъ кораблѣ въ Пешербургъ; и нашла обрадовавшагося приѣздомъ своимъ мужа весела и здорова. Жиль онъ шогда въ Академическомъ домѣ подлѣ Химической лабораторіи.

Чпо Ломоносовъ въ 1746 году произведенъ Химіи и Экспериментальной Физики Профессоромъ, чпо вовсе переспро-

илъ Академическую лабораторію по новѣйшему и лучшему расположенію ; что многіе дѣлалъ опыты и новыя открытія ; шакъ же какія Академическія сочиненія писалъ и читалъ въ собраніяхъ Академіи ; какія изящныя похвальныя рѣчи говорилъ Великому ПЕТРУ и Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ ; какіе прекрасныя и сильныя сочинялъ стихи ; какія книги , напр: Ришорику , Россійскую Грамматику , руководство къ горному строенію и заводамъ ; какія издавалъ въ печать трагедіи въ стихахъ Россійскихъ , и какую Россійскую Исторію : все по не сущъ анекдоты , но труды повсюду извѣстные . Видѣвъ ихъ можно по порядку въ печатныхъ его сочиненіяхъ и въ прополокахъ Академическихъ Канцеляріи и Конференціи . Дарованіями и трудами своими снискалъ онъ Всевысочайшую къ себѣ милость блаженной памяти Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ . Во всенародное шому доказательство пожалована ему была сею Государынею дача *Коровалдай* на Финскомъ заливѣ , и взысканъ чинами сперва Коллежскаго , а по шомъ Императрицею Екашеринуо II и Спашскаго Со-

вѣшника. Достоинства его уважены были опмѣнно при Дворѣ и опъ знапныхъ особъ Государства, какъ напр: опъ Канцлера Графа Михайлы Ларіоновича Воронцова и всего его семейства; Ивана Ивановича и Графа Пепра Ивановича Шуваловыхъ, опъ погдашняго Академическаго Президента Графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, опъ своихъ и иностраннхъ славныхъ ученыхъ мужей и обществъ, изъ коихъ нѣкопоры имѣли его своимъ членомъ, какъ по Спокгольмская Академія наукъ, славное Бононское общество, и еще иныя.

Къ анекдотамъ касающимся до Г. Ломоносова, изъ копорыхъ многихъ Г. Спапской Совѣшникъ Шпелинъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, надлежитъ приобщить и слѣдующей. Ломоносовъ увидѣвъ въ первой разъ въ жизни своей мозаическую каршину, изображающую плачущаго Апостола Пепра, подаренную въ Римъ Папою Климентомъ Ламбершиномъ Канцлеру Графу Воронцову, восхотѣлъ шакую же сдѣлать и въ Россіи. Разсмотрѣвъ прилѣжно сосавленіе оной, дѣлалъ самъ въ пламальной своей печи изъ спекла вспа-

вные камни разныхъ цвѣтовъ и пѣней. Соспавиль попребный къ работѣ сей ма-
шникъ и изобразилъ довольно изрядно
для первой въ Россіи сдѣланной мозаи-
ческой карпины лице Пепра Великаго
съ Дангаурова подлинника. По шомъ не-
преспанно занимался симъ художествомъ.
Предпріялъ наконецъ по Сенашскому у-
казу сочиненіе большой мозаической
карпины величиною въ 12, а шириною
въ 8 фушовъ, предспавляющія сраженіе
подъ Полшавою, въ копорой бы люди
напереді были видны во весь человѣче-
ской роспъ. Сшоль великая карпина, по-
добно какъ и многія другія, долженспво-
вала бышъ посспавлена на украшеніе вну-
шреннихъ спѣвъ Санкшпнепербургской
церкви св. Апосполь Пепра и Павла.
Окончана имъ была чрезъ два года и нѣ-
сколько мѣсяцовъ съ нарочишымъ успѣхомъ.

Превосходству учености его, важно-
сти и красотѣ его пера опспавалъ справед-
ливостп покойной дѣйспвишельной Спаш-
ской Совѣшникъ и Кавалеръ Александръ
Пепровичъ Сумароковъ (*), не взирая на

(*) Смощри спраницу IX.

всегдашнюю и непримиримую съ нимъ вражду свою.

Ломоносовъ скончался на прешій день свяшья Пасхи 1765 года. За нѣсколько дней предъ своею кончиною говорилъ онъ Господину Совѣшнику Шпелину: „другъ мой! я примѣчаю, что мнѣ „скоро умереть: на смерть взираю ра- „внодушно; но сожалѣю шолько о томъ, „что не успѣлъ довершишь, что началъ „для пользы опечесшва, для славы наукъ и для чести Академіи. Къ сожалѣ- „нію вижу теперь, что благія намѣре- „нія мои исчезнушь вмѣстѣ со мною.,,

Во время великолѣпныхъ его похоронъ, на копорыхъ были Новгородской и Санктпетербургской Архіепископы со многимъ знашнымъ духовенствомъ, нѣкоторыя Сенаторы и инья знашныя особы, былъ и всегда не любившей его Г. Сумароковъ.

Всѣ оставшіяся послѣ Ломоносова бумаги выпросивъ Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ у вдовы его себѣ, поручилъ собрать Григорью Васильевичу Козицкому и заперѣшь въ особомъ покоѣ своего дома.

Черезъ нѣсколько времени по смерти Ломоносова Канцлеръ Графъ Воронцовъ изъ уваженія заслугъ его къ отечеству, вознамѣряся поставишь надъ гробомъ его въ Невскомъ Монастырѣ мраморный сполъ съ надписью, поручилъ Спашскому Совѣснику Шпелину нарисовать изображеніе камня по Флореншинскому размѣру и сочинишь надпись. Памятникъ сей иждивеніемъ его сіапельства выработанъ былъ въ Ливорнѣ изъ Каррерскаго бѣлаго мрамора точно по рисунку съ высѣченными прописями, и по привезеніи въ Пепербургъ воздвигнушь надъ пѣломъ Ломоносова въ помянутомъ Монастырѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ
СОЧИНТЕЛЕВО
О ПОЛЬЗѢ КНИГЪ ЦЕРКОВНЫХЪ
въ языкѣ Россійскомъ.

Въ древнія времена когда Славенскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, кошорыя тогда были пѣсно ограничены для невѣднїи многихъ вещей и дѣйствїей ученымъ народамъ извѣстныхъ; тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сїе богатство больше всего прїобрѣтено купно съ Греческимъ Христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ Греческаго языка на Славенскій для славословія Божїя. Опмѣнная красота, изобиліе, важность и сила Еллинскаго слова коль высоко почищается, о шомъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосееновъ и другихъ въ Еллинскомъ языкѣ Героевъ, ви-

пійспововали великіе Христіанскія церкви учинили и шворцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими Богословскими догматами и цареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣшь можно выкнущимъ въ книги церковныя на Славенскомъ языкѣ, коль, много мы ошъ перевода вѣхаго и новаго завѣша, пѣученій опеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскина и другихъ шворцевъ канонъ видимъ въ Славенскомъ языкѣ Греческаго изобилія, и опшуду умножаемъ довольство Россійскаго слова, копорое и собспвеннымъ своимъ доспашкомъ велико и къ прияшю Греческихъ красошъ посредствомъ Славенскаго; сродно. Правда, чшо многія мѣста оныхъ переводовъ недовольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При семъ хощя не лъзя прекословишь, чшо съ начала переводившіе съ Греческаго языка книги на Славенскій не могли миновашъ и довольно осперечься, чшобы не приняшъ въ переводъ свойствъ Греческихъ Славенскому языку спранныхъ; однако онныя чрезъ долгошу времени слуху Славенскому переспали бышъ прошивны, и вошли въ обычай. И шакъ, чшо предкамъ

нашимъ казалось невразумительно, что намъ нынѣ спало приято и полезно.

Справедливость сего доказываея сравненіемъ Россійскаго языка съ другими ему сродными. Поляки преклоняя издавна въ Каполицкую вѣру, оправаляюъ службу по своему обряду на Лапинскомъ языкѣ, на кошоромъ ихъ спихи и молишвы сочинены во времена варварскія по большой части оны худыхъ авшоровъ, и пошому ни изъ Греціи, ни оны Рима не могли снискашъ подобныхъ преимущеспвъ, каковы въ нашемъ языкѣ оны Греческаго приобрѣшены. Нѣмецкой языкъ по по время былъ 'убогъ, проспъ и безсилень, пока въ служеніи употреблялся языкъ Лапинской. Но какъ Нѣмецкой народъ спалъ священныя книги чипашъ и службу слушашъ на своемъ языкѣ, шогда богапштво его умножилось, и произошли искусные писашели. Напрошивъ шого въ Каполицкихъ обласпяхъ, гдѣ шолько одну Лапынь и по варварскую въ служеніи употребляюпъ, подобнаго успѣха въ чипшп Нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ маперіи, кошорыя словомъ человѣческимъ изображаюпся, различешву-

юшь по мѣрѣ разной своей важности ; шакъ и Россійскій языкъ чрезъ упошребленіе книгъ церковныхъ по прилично-сти имѣеть разные степени, *высокой, посредственной и низкой*. Сіе произходишь опъ шрехъ родовъ реченій Россійскаго языка. Къ первому причисаюшся, копорыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ обще упошребительны, на примѣръ: *Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю*. Ко второму принадлежаць, кои хошь обще упошребляюшся мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамошнымъ людямъ вразумительны, ни примѣръ: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю*. Неупошребительныя и весьма обешшаламя опсюда изключаются, какъ: *обаваю, расны, овогда, свѣнѣ* и симъ подобныя. Къ шрешьему роду опносяшся, копорыхъ нѣшь въ ошашкахъ Славенскаго языка, шо ешь въ церковныхъ книгахъ, на примѣръ: *говорю, ругей, которой, лока, лишь*. Выключаются опсюда презрѣнныя слова, копорыхъ ни въ какомъ шшилѣ упошребиць непришпойно, какъ *шолько* въ подлыхъ комедіяхъ.

Опъ разсудительнаго упошребленія и разбора сихъ шрехъ родовъ реченій

раждаются при шпиля: *высокой, посредственной и низкой*. Первой соспавляется изъ реченій Славенороссійскихъ, по еспь, упопрещельныхъ въ обѣихъ нарѣчїяхъ, изъ Славенскихъ Россїянамъ вразумительныхъ и нѣ весьма обещалыхъ. Симъ шпилемъ соспавляясь должны героическія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ маперїяхъ, копорымъ они опъ обыкновенной проспошы къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ шпилемъ преимущеспвуетъ Россїйскій языкъ предъ многими нынѣшними Европейскими, пользуясь языкомъ Славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.

Средней шпиль соспоятъ долженъ изъ реченій больше въ Россїйскомъ языкѣ упопрещельныхъ, куда можно принять нѣкопорыя реченія Славенскія въ высокомъ шпилѣ упопрещельныя, однако съ великою оспорожноспію, чпобы слогъ нѣ казался надупымъ. Равнымъ образомъ упопрещь въ немъ можно низкія слова; однако осперегапсь, чпобы не опуспнсь въ подлоспъ. И словомъ, въ семъ шпилѣ должно наблюдать всевозможную равноспъ, копорая особливо спѣмъ перяешся, когда реченіе

Славенское положено будетъ подлѣ Россійскаго простонароднаго. Сими шпильдемъ пишеть всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ пребуется обыкновенное человѣческое слово къ живому предшавленію дѣйствія. Однако можеть и перваго рода шпиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ пошребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжноспяхъ должно опъ шого удаляться. Спихотворныя дружескія письма, саширы, эклоги и элегии сего шпиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагають имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.

Низкой шпиль принимаетъ рѣченія прешьяго рода, шо есть, которыхъ нѣтъ въ Славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а опъ Славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могуць имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до

нарочнаго наспавленія о чистотѣ Россійскаго шпиля.

Сколько въ высокой Поезіи служатъ однимъ реченіемъ Славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причаспіями и дѣпричаспіями, въ обыкновенномъ Россійскомъ языкѣ неупопребишельными; по всякъ чувспвовань можешъ, кпо въ сочиненіи стиховъ испыпалъ свои силы.

Сія польза наша, что мы приобрѣли опъ книгъ церковныхъ богапспво къ сильному изображенію идей важныхъ и высокыхъ, хопя велика; однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки; и сіе вопервыхъ по мѣспу.

Народъ Россійскій по великому проспранспву обипаяющій, не взирая на дальнее розспояніе, говоритъ повсюду вразумишельнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напропивъ по-го въ нѣкошорыхъ другихъ государспвахъ, на примѣръ въ Германіи Баварской креспьянинъ мало разумѣешъ Мекленбургскаго; или Бранденбургской Швабскаго, хопя всѣ погожъ Нѣмецкаго народа.

Подшверждаешся вышешопянутое наше преимущеспво живущими за Дунаемъ

народами Славенскаго поколенія, копорые Греческаго исповѣданія держашся. Ибо хопя раздѣлены опъ насъ иноплеменными языками; однако для упопреленія Славенскихъ книгъ церковныхъ говоряшь языкомъ, Россіянамъ довольно вразумительнымъ, копорой весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели Польской, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.

По временижъ разсуждая, видимъ, что Россійскій языкъ опъ владѣнія Владимірова до нынѣшняго вѣку больше семи сотъ лѣтъ не сполько опмѣнился, чпобы спараго разумѣнь не можно было: не пакъ какъ многіе народы, не учась, не разумѣють языка, копорымъ предки ихъ за чепыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны случившейся чрезъ шо время.

Разсудивъ шаковую пользу опъ книгъ церковныхъ Славенскихъ въ Россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ опечеспвеннаго слова безприспрасно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собспвеннымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилѣжаніемъ чпшали всѣ церковныя книги, опъ чего къ общей и къ собспвенной

пользѣ воспослѣдуетъ : 1) по важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ Славенскому языку нѣкоторое особое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинишель мысли сугубо возвысиль. 2) Будеть всякъ умѣль разбирать высокія слова ошь подмыхъ и упопреляшь ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ спарательнымъ и оспорожнымъ упопреленіемъ сроднаго намъ кореннаго Славенскаго языка дупно съ Россійскимъ опврапясь дикія и спранныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ Греческаго, и по еще чрезъ Латынскоу. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чшенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительнѣ, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняють. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчешся; и Россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ ушвердился, коль долго цер-

ковъ Россійская славословіемъ Божиимъ на Славенскомъ языкѣ украшашься будешь.

Сіе краткое ²⁰²¹напомянутое доволно къ движению ревности въ шѣхъ, копорые къ прославлению Опечесства природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ падениемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей немало записана слава всего народа. Гдѣ древній языкъ Испанской, Галской, Брипанской и другіе съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о шѣхъ, копорые въ прочихъ частяхъ свѣта у безграмотныхъ жителей во многіе вѣки чрезъ преселенія и войны разрушились. Бывали и памъ Герои, бывали опмѣнные дѣла въ обществвахъ, бывали чудныя въ напурѣ явленія; но всѣ въ глубокомъ невѣденіи погрузились. Горацій говоритъ :

Герои были до Априда ;
 Но древность скрываетъ ихъ отъ насъ,
 Что дѣла ихъ не оставилъ вида
 Безсмертныи стихотворцевъ гласъ. (*)

(*) *Vixere fortes ante Agamemnona
 Multi; sed omnes illacrimabiles
 Vrgentur, ignotique longa
 Noctē, carent quia vate sacro.*

НОВАТ: Od: lib: IV. od: 8.

Счастливы Греки и Римляне предъ всѣми древними Европейскими народами. Ибо хошя ихъ владѣнiя разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленiя вышли; однако изъ самыхъ развалинь сквозь дымъ, сквозь звуки въ опдаленныхъ вѣкахъ слышанъ громкой гласъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ Героевъ, которыхъ любленiемъ и покровительствомъ ободрены были превозносишь ихъ купно съ опечесствомъ. Послѣдовавшiе поздныя пошомки, великою древностию и разспоянiемъ мѣспъ опдѣленные, внимающъ имъ съ шакимъ же движенiемъ сердца, какъ бы ихъ современные одоземцы. Кшо о Гекторѣ и Ахилесѣ чашаетъ у Гомера безъ рвенiя? Возможно ли безъ гнѣва слышашъ Цицероновъ громъ на Капилину? Возможно ли внимашъ Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату, равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель?

Подобное счастье оказалось нашему Опечесству опъ просвѣщенiя Петрова, и дѣйствительнo наспало и основалось щедрошою Великiя Ея Дщери. Ею ободренныя въ Россiи словесныя науки не

дадутъ никогда припши въ упадокъ Россійскому слову. Спануть чипашь самыя опдаленныя вѣки великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣка, и равно, какъ мы, чувствовашь сердечныя движенія. Какъ не бышь нынѣ Виргиліамъ и Гораціамъ? Царствуетъ Августа Елисавета; имѣемъ знашныхъ и Меценашу подобныхъ предшашелей, чрезъ ходашайство копорыхъ Ея опеческій градъ снабдѣнъ новыми приращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнасса, веселишя своимъ симъ украшеніемъ, и показывашь оное всѣмъ городамъ Россійскимъ, какъ вѣчный залогъ усердія къ опеческшву своего основашеля, на бодрое копораго попеченіе и усердное предшашельство швердую надежду полагаюшъ Россійскія Музы о высочайшемъ покровишельствѣ.

П И С Ъ М О
О П Р А В И Л А Х Ъ
РОССІЙСКАГО СТИХОТВОРСТВА. (*)

ПОЧТЕННѢЙШІЕ ГОСПОДА!

Ода , которую вашему разсужденію вручить нынѣ высокую честь имѣю, ничто иное естъ , какъ шолько превеликія оныя радости плодъ , которую непобѣдимѣйшія наша МОНАРХИИ преславная надъ непріятелями побѣда въ вѣрномъ и ревностномъ моемъ сердцѣ возбудила. Моя дерзость васъ неискреннимъ перомъ ушрждашь шолько опъ усердныя къ опечесству и его слову любви происходишь. Подлинно , что для скудости къ сему предпріятію моихъ силъ лучше бы мнѣ молчать было. Од-

(*) Изъ нѣкопрыхъ мѣсць письма сего видно, что Авторъ писалъ его въ скорости по сочиненіи оды на побѣду надъ Турками и Тапарами, шо естъ 1739 года. Оно еще нигдѣ не напечатано было. Мнѣ для внесенія въ его сочиненія сообщено изъ Санктпешербурга. Примѣч: издашеля.

нако не сомнѣваясь, что ваше сердечное радѣніе къ распространенію и исправленію Россійскаго языка и мое въ семь неискусство и въ Россійскомъ стихословствѣ недовольную способность извинишь, а доброе мое намѣреніе за благо примешь, дерзнулъ я наималяйшій сей мой прудъ купно со слѣдующимъ о *нашей версификаціи вообще разсужденіемъ* вашему предложишь искусству. Не присраспѣе меня къ сему понудило, чтобы большее искусство имѣющимъ правила давалъ, но искреннее усердіе заставило опъ васъ самихъ научишься, правдивы ли оныя мнѣнія, что я о нашемъ стихосложеніи имѣю, и по копорымъ донынѣ, стихи сочиняя, пишу. И шакъ, начиная оное, вамъ мои государи, предлагаю, прежде кратко объявлю, на какихъ я основаніяхъ оныя утверждаю.

Первое и главнѣйшее мнѣ кажется бытъ сіе: Россійскіе стихи надлежитъ сочиняшь по природному нашего языка свойству, а шого, что ему весьма не свойственно, изъ другихъ языковъ не вносишь.

Вшорое, чѣмъ Россійской языкъ изобилень, и что въ немъ къ версификаціи угодно и способно, того, смотря на скудосшь другой какой нибудь рѣчи, или на небреженіе въ оной находящихя стихотворцевъ, не опшимаешь, но какъ собственное и природное употребляешь надлежишь.

Третіе: понеже наше стихотворство только лишь начинается; того ради, чтобы ничего неугоднаго не ввесли, а хорошаго не оспавишь, надобно смотрѣшь, кому и въ чемъ лучше послѣдовать.

На сихъ шрехъ основаніяхъ утверждаю я слѣдующія правила :

Первое, въ Россійскомъ языкѣ шѣ только слоги долги, надъ кошорыми спойшь сила; а прочіе всѣ кратки. Сіе самое природное произношеніе намъ очень легко показываешь. Того ради совсѣмъ худо и свѣйспву Славенскаго языка, кошорой съ нынѣшнимъ нашимъ немного разнишя, прошивно учинилъ Смощрицкій, когда онъ е, о, за корощкія; а, і, ѵ, за общія; и, ѳ, ѱ, съ нѣкошорыми двугласными и со всѣми гласными, что предъ двумя или многими согласными спояшь, за долгиа почель. Его, какъ изъ

перваго параграфа его просодіи видно, обманула Машея Сприковскаго Сармашская Хронологія; или онъ, можетъ бысть, на сихъ Овидіевыхъ стихахъ утверждался: de Ponto Lib: IV. Eleg: 13.

Ah pudet, et Getico scripsi sermone libellum,
 Structaque sunt nostris barbara verba modis,
 Et placui, gratare mihi, coepique poetae
 Inter inhumanos nomen habere Getas.

Ежели Овидій, будучи въ ссылкѣ въ Томахъ, спариннымъ Славенскимъ, или Болгарскимъ, или Сармашскимъ языкомъ стихи на Лашинскую спашь писалъ: по опшкуду Славенскія Грамматики Авшору на умъ пришло долгосъ и крапкосъ слоговъ совсѣмъ Греческую, а не Лашинскую приняшь, не вижу. И хотя Овидій въ своихъ стихахъ по обыкновенію Лашинскихъ стихопворцевъ шопы, и, сколько изъ сего Гексаметра

Materiam quaeris? Laudes de Caesare dixi.
 ididem.

заклучишь можно, двоесложныя и проесложныя въ героическомъ своемъ поэмашъ упошреблялъ: однако шоль високаго разума пшща, не надѣюсь, что шакъ погрѣшилъ, чтобы ему долгосъ

и крапкосць слоговъ, Лапинскому, или Греческому язѣку свойспвенную, въ онѣе стихи ввеси, копорые онъ на чужомъ и весьма особливомъ языкѣ писалъ. И ежели древній оной языкъ опъ нынѣшняго нашего не очень былъ различень: по употреблялъ остроумный пошъ стиховорець въ стихахъ своихъ не иные, какъ полько шѣ за долгіе слоги, на копорыхъ акцентъ спойшъ, а прочіе всѣ за крапкіе. Слѣдовапельно гексаметры, употребляя вмѣсто Спандеевъ для ихъ малоспи Хореи, шѣмъ же образомъ писалъ, копорымъ слѣдующія Россійскія сочинены:

Щаслива красна была весна, все льшо пріятно;
Только мушился песокъ, лишь бѣлая пѣна
кипѣла.

А пеншаметры :

Какъ облачаешь, смощри больше свои на дѣла.
Ходишь съ кѣмъ всегда, бойся шого подопнушь.

**А не такъ, какъ Славенскія Грамматики
Авшоръ:**

Сармашски новораспныя Музы спощу перву
Тщасщуюся Парнасъ во обипель вѣчну заши,
Хрисше Царю, пріими и благоволи въ шебѣ съ
ощцемъ и проч.

Сіи стихи коль Славянскаго языка свойству прошивны, всякъ видѣшь можешъ, кпо оной разумѣешъ. Однако не могу я и оныхъ симъ предпочипашъ, въ копорыхъ всѣ односложныя слова за долгія почишающся. Причина сего всякому Россіянину извѣсна. Кпо будешъ пропягашъ единосложныя союзы и многіе во многыхъ случаяхъ предлоги? Самыя имена, мѣспоименія и нарѣчія, споя при другихъ словахъ, свою силу шеряюшъ, на примѣрь: за сто лѣшь; подъ мостъ упалъ; реветъ какъ левъ; чпо пы знаешъ? По оному Королларію, въ копоромъ сіе правило щасливо предложено, сочиненныя стихи, хопя бышъ гексаметрами, въ испые и изрядныя, изъ Анапестовъ и Хореевъ состоящіе, пеншаменпры попали, на примѣрь:

— — — — —
 Не возможно сердцу, ахъ! не имѣшь печали.

По моему мнѣнію наши единосложныя слова иныя всегда долги, какъ: Богъ, храмъ, свящъ; иныя кратки, на примѣрь союзы: же, да, и; а иныя иногда кратки, иногда долги, на примѣрь: на морѣ, по году, на волю, по горѣ.

Второе правило : во всѣхъ Россійскихъ правильныхъ стихахъ , долгихъ и короткихъ , надлежитъ нашему языку свойственныя стопы опредѣленнымъ числомъ и порядкомъ учрежденныя употреблять . Оныя каковы бытъ должны , свойство въ нашемъ языкѣ находящихся словъ оному учить . Доброхотная природа какъ во всемъ , такъ и въ оныхъ довольно Россіи дала изобиліе . Въ сокровищѣ нашего языка имѣемъ мы долгихъ и краткихъ реченій неисчерпаемое богатство , такъ что въ наши стихи безъ всякаго нужды двосложныя и просложныя стопы внести , и въ помѣ Гречамъ , Римлянамъ , Нѣмцамъ и другимъ народамъ въ версификаціи правильно поступающимъ послѣдовать можемъ . Не знаю , чего бы ради инаго наши гексаметры и всѣ другіе стихи съ одной стороны такъ запереть , чтобы они ни больше , ни меньше опредѣленнаго числа слоговъ не имѣли ; а съ другой такую волю дать , чтобы вмѣсто Хорея свободно было положить Ямба , Пиррихія и Сpondeя , а слѣдовательно и всякую прозу стихомъ называть , какъ только развѣ послѣдуя на примѣры кончающимся

Польскимъ и Французскимъ спрочкамъ? Неосновательное оное употребленіе, которое въ Московскія школы изъ Польши принесено, никакого нашему стихосложенію закона и правилъ дать не можеть. Какъ онымъ стихамъ послѣдовать, которыхъ о правильномъ порядкѣ стихъ же творцы не радѣють? Французы, которые во всемъ хопятъ натурально поспушеть, однако почти всегда проливно своему намѣренію чинятъ, намъ въ помъ, что до стихъ надлежитъ, примѣромъ бытъ не могутъ: понеже надѣясь на свою фантазію, а не на правила, поль криво и косо въ своихъ стихахъ слова склеивають, что ни прозой, ни стихами назвасть не лзя. И хопя они шакъ же, какъ и Нѣмцы, могли бы стихи употреблять, что сама природа иногда имъ въ ропъ кладеть, какъ видно въ первой спрофѣ оды, которую Боало Детро на сдачу Намура сочинилъ:

*Quelle docte et sainte yvresse,
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse etc.*

Однако нѣжные стѣ господѣ на по не смотря, почти одними приемами себя

довольствуюшь. Приспойнымъ весьма символомъ Французскую поэзію нѣкпо изобразиль, представивъ оную на театрѣ подѣ видомъ нѣкошорья женщины, кошорая сугорбившись и раскарячившись, при музыкѣ играющаго на скрипицѣ Саширапанцуепъ. Я не могу довольно о помъ нарадоваться, что Россійскій нашъ языкъ непожмо бодростию и героическимъ звономъ Греческому, Латинскому и Нѣмецкому не уступаешъ; но и подобную онимъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣшь можешъ. Сіе шоль долго пренебреженное счастье, чшобы совсѣмъ въ забвеніи не оспалось, умыслиль я наши правільные стихи изъ нѣкошорыхъ опредѣленныхъ спопъ соспавляшь, и опъ шѣхъ, какъ въ вышеозначенныхъ шрехъ языкахъ обыкновенно, онимъ имена дашь.

Первой родъ стиховъ называю *Амбигескимъ*, кошорой изъ однихъ шолько Ямбовъ соспоишь :

— — — — —
Бѣлѣшь будшо снѣгъ лицомъ.

Вшорой *Аналеститескимъ*, въ кошоромъ шолько одни Анапесты находяшся:

Начертанъ многократно въ бѣгущихъ
волнахъ.

Третій изъ *Ямбовъ и Анапестовъ смѣшаннымъ*, въ копоромъ по нуждѣ, или произволенію, поставлены бышъ могушъ, какъ случишся.

Во пишу себѣ червей хвапашъ.

Четвертый *Хорейтескимъ*, копорой одни Хореи составляютъ:

Свѣшъ мой, знаю, что пылаешъ.

Мнѣ моя не служишъ доля.

Пятой *Дактилитескимъ*, копорой изъ единыхъ только Дактилей составишъ:

Вьешся кругами змѣя по правѣ обновившись въ разсѣлинѣ.

Шестой изъ Хореевъ и Дактилей смѣшаннымъ, гдѣ по нуждѣ, или по изволенію шу и другую употребляшъ можно сполу.

Ежелъ боишся, кшобъ не спашъ бышъ силенъ безмѣрно.

Симъ образомъ расположивъ правильные наши стихи, нахожу шесть родовъ Гексаметровъ, сполькожь родовъ *Пентаметровъ*, *Тетраметровъ*, *Триметровъ* и *Диметровъ*, а слѣдовательно всѣхъ придесять родовъ.

Неправильными и вольными стихами пѣ называю, въ которыхъ вмѣсто Ямба, или Хорея можно Пиррихія положить. Оные стихи упопреблю я только въ пѣсняхъ, гдѣ всегда опредѣленное число слоговъ бытъ надлежитъ. Напримеръ въ семь стихѣ вмѣсто Ямба положенъ Пиррихій:

Цвѣты румянецъ умножайше.

А здѣсь вмѣсто Хорея:

Солнцева сестра забыла.

Хорея вмѣсто Ямба и Ямба вмѣсто Хорея въ вольныхъ стихахъ упопреблю я очень рѣдко, да и по ради необходимости, или великія скороспи: понеже они совсѣмъ другъ другу пропивны.

Что до *цезуры* надлежитъ, оную, какъ мнѣ видится, въ срединѣ правильныхъ нашихъ стиховъ упопребляшь и

оставлять можно. Долженствуешь ли она въ нашемъ гексаметрѣ для одного только опдыху бытъ неопмѣнно, по можешь разсудить всякъ по своей силѣ. Тому въ своихъ стихахъ оную всегда оставивъ позволено, кто однимъ духомъ принадлецати слоговъ прочишаешь не можешь. За наилучшіе, велелѣпнѣйшіе и къ сочиненію легчайшіе, во всѣхъ случаяхъ скороспъ и пихоспъ дѣйствія и соспоянія всякаго приспраспія изобразишь наиспособнѣйшіе, оные стихи почишаю, которые соспояшь изъ Анапестовъ и Хореевъ.

Чиспые Ямбическіе стихи хопя и прудновато сочиняшь; однако поднимаяся шихо въ верхъ, маперіи благородспво, великолѣпіе и висошу умножающъ. Оныхъ вигдѣ не можно лучше употребляшь, какъ въ торжественныхъ одахъ, что я въ моей нынѣшней и учинилъ. Очень также способны и падающіе, или изъ Хореевъ и Даксилевъ соспавленные стихи къ изображенію крѣпкихъ и слабыхъ аффекшовъ, скорыхъ и пихихъ дѣйствій бытъ видяшся. Примѣръ скорого и яраго дѣйствія:

Бревна капайше наверхъ, каменя и горы валяше,
Лѣсъ бросайше, живучей выжавъ духъ, задавише.

Прочіе роды стиховъ, разсуждая по
состоянію и важности маперіи, такъ же
очень приспойно употребляшь можно, о
чемъ подробно упоминашь для кратко-
сти времени оставляю.

Третье : Россійскіе стихи красно и
свойственны на *мужескія, женскія, и*
три литеры гласныя въ себѣ имѣющія
Риемы, подобныя Италіанскимъ, могутъ
кончиться. Хотя до сего времени поль-
ко одни женскія Риемы въ Россійскихъ
стихахъ употребляемы были, а мужес-
кія и опъ шрепяго слога начинающія-
ся заказаны; однако сей заказъ поль
праведень и нашей версификаціи такъ
свойственъ и природень, какъ ежели
бы кто обѣими ногами здоровому чело-
вѣку всегда на одной скакалъ вѣль.
Оное правило начало свое имѣеть, какъ
видно, въ Польшѣ, откуда пришедъ въ
Москву, нарочито вкоренилось. Неосно-
вашельному оному обыкновенію такъ ма-
ло можно послѣдовать, какъ самимъ
Польскимъ Риемамъ, копорыя не мо-
гутъ иными бытъ, какъ только жен-
скими: понеже всѣ Польскія слова, вы-

ключая нѣкоторыя односложныя, силу надъ предпоследнемъ слогѣ имѣють. Въ нашемъ языкѣ поль же довольно на послѣднемъ и прешіемъ, жоль надъ предпоследнемъ слогѣ силу имѣющихъ словъ находилъ: по для чего намъ оное богатство пренебрегають, безъ всякія причины самовольную нищету шерпѣють, и полько одними женскими побрякивають, а мужескихъ бодрость и силу, проегласныхъ усремленіе и высоту ославляютъ? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужескія Риѣмы поль смѣшны и подлы были, чшобы ихъ полько въ комическомъ и сапирическомъ стихѣ, да ишо ещерьѣдко, упошребляють можно было? и чѣмъ бы святѣе на прим. сіи женскія Риѣмы: *красовуляхъ, ходуляхъ*, слѣдующихъ мужескихъ: *востокъ, высокъ*, были? по моему мнѣнію подлость Риѣмъ не въ шомъ состоить, чшо онѣ больше или меньше слоговъ имѣють; но чшо оныхъ слова подлое или простое чшо либо значають.

Четвертое: Россійскіе стихи также къ шаши красно и свойственно сочешовались могутъ, какъ и Нѣмецкіе. Понеже мы *мужескія, женскія и трехгласныя*

риемы имѣть можемъ ; по улаждающая всегда человѣческія чувства перемѣна оныя межъ собою перемѣшивають при-спойно велишь ; что я вочпи во всѣхъ моихъ стихахъ чинилъ. Подлинно, что всякому, кто одни женскія Риемы употребляетъ, сочепаніе и перемѣшка стиховъ спранны кажутся ; однако ежелибы онъ къ сему только примѣнился, то скоро бы увидѣлъ, что оное поль же пришно и красно, какъ въ другихъ Европейскихъ языкахъ. Никогда бы мужская Риема предъ женскою не показала, какъ дряхлой, черной и деваносполѣпней спарой Арапъ предъ наипоклоняемою, наинѣжною и самымъ цвѣпомъ младости сіяющею Европейскою красавицею.

Здѣсь предлагаю я нѣкопорыя спрофы изъ моихъ стиховъ въ примѣръ спопъ и сочепанія. Тешрамепры изъ Анапесповъ и Ямбовъ сложенные :

На восходѣ солнце какъ зардишь,
 Вылепаель вспыльчиво хищный вспокъ,
 Глаза кровавы, самъ верпился ;
 Удара неносишь Съверъ въ бокъ,

Господство даешь своему побѣдителю,
 Пресильному водъ морскихъ возбuditелю.
 Свои пошъ зыби на прежни возводишь,
 Являешь полношь силы своей,
 Чшо южной спраной владѣешь всей,
 Индійски быспро ошпрова проходишь.

Вольные возспавающе Тетраметры :

Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина,
 Однако съ нимъ любовь моя.
 Хошь я не самъ шоя причина,
 Люблю Миршилу, какъ себя.

Вольные падающе Тетраметры :

Нимфы около насъ кругами
 Танцовали поючи,
 Всплескиваючи руками,
 Нашей искренней любви
 Веселся, привѣчали,
 И цвѣтами насъ вѣнчали.

Ямбическіе Триметры :

Весна шепло ведѣшь,
 Пріятной Западь вѣшь,
 Всю землю солнце грѣешь;
 Въ моемъ лишъ сердцѣ лёдь,
 Грусь прочъ забавы бѣшь.

Но, мои государи, опасаяся, чшобы
 неважнымъ симъ моимъ письмомъ вамъ
 очень долго не наскучишь, съ покорнымъ

прошеніемъ заключаю. Ваше великодушіе, ежели мои предложенныя о *Россійской версификаціи мнѣнія* нашему языку не-свойственны и непристойны, меня извинишь. Не съ инымъ какимъ намѣреніемъ я сіе учинишь дерзнулъ, какъ полько чшобы оныхъ благосклонное исправленіе, или безприсраспашное подкрѣпленіе для большаго къ Поэзіи поощренія опъ васъ получишь. Чего несомнѣнно надѣясь, остаюся.

ПОЧТЕННѢЙШІЕ ГОСПОДА!

Вашъ покорный слуга

Михайло Ломоносовъ.

О Д Ы
Д У Х О В Н Ы Я.

О Д А І.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА І.

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣщъ не ходишь,
Не хочешь грѣшнымъ въ сѣдѣ спупашъ,
И съ шѣмъ, кто въ пагубу приводишь,
Въ единомъ мѣсѣ засѣдашь. (1)

Но мысль и волю (2) подвергаешь
Закону Божію во всемъ,
И почто (3) оный наблюдаешь
Во всемъ печеніи своемъ.

Какъ древо онъ распространился,
Что близъ текущихъ водъ расцвѣтъ,
Плодомъ своимъ обогатился,
И листь его не опадеть.

Онъ узришь слѣдствія поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смяшущся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

-
- (1) Въ согласныхъ мысляхъ засѣдашь.
(2) Но волю шокмо.
(3) И сердцемъ.

Часть І.

1

И шакъ злодѣи не возстанушь
Предъ Вышняго Творца на судъ,
И праведны не вспомянушь
Въ своемъ соборѣ ихъ опшюдь.

Господь на праведныхъ взираешъ,
И ихъ въ души своемъ хранишь;
Ошь грѣшныхъ взоръ свой опвращаешъ,
И злобный пушь ихъ погубишь.

О Д А II.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 14.

Господи! кто обижаетъ
Въ свѣшломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ побою населяетъ
Верхъ священный горнихъ мѣсць?

Тотъ, кто ходишь непорочно,
Правду всегда хранишь,
И нелестнымъ сердцемъ шочно,
Какъ языкомъ говоришь.

Кто уснами льстишь не знаешь,
Ближнимъ не наносишь бѣдъ,
Хищрыхъ съшей не сплещаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

Презираешь всѣхъ лукавыхъ,
Хвалишь Вышняго рабовъ
И предъ нимъ душою правыхъ,
Держишься присяжныхъ словъ.

Въ лихву дашь серебро спыдишься,
Мзды съ невинныхъ не берешь.
Кто на свѣшѣ шакъ жишь шцишься,
Тотъ во вѣки не падешь.

*

О Д А Ш.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 26.

Господь спасишь мнѣ и свѣтъ:
Кого я убоюсь?
Господь самъ жизнь мою блюдешь:
Кого я успрашуся?

Чшобъ въ (1) злобѣ плоть мою пожрашь,
Противны успремились.
Но злой навѣтъъ (2) хошя начашь,
Упадши, сокрушились.

Хошь полкъ противъ меня возстань;
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнушь брань;
На Бога полагаюсь.

Я шолько ошъ Творца прошу,
Чшобъ въ храмъ его вселишься;
И больше въ свѣтъ не ищю,
Какъ въ ономъ веселишься.

Въ селеніи своемъ покрылъ
Меня Онъ въ день печали,
И неподвижно укрѣпилъ,
Какъ злые окружали.

-
- (1) Во злобѣ.
(2) Совѣтъ.

Возвысилъ Онъ мою главу
Надъ всѣхъ враговъ ужасныхъ:
Я жершву приноса, зову
Ему въ псалмахъ согласныхъ.

Услыши, Господи, мой гласъ,
Когда къ Тебѣ взываю,
И сохрани на всякой часъ;
Къ Тебѣ я прибѣгаю.

Я къ (1) свѣшу швоего лица
Вперяю взоръ душевный,
И ошъ всещедраго Творца
Приемлю лучъ вседневный.

Ошъ грѣшнаго меня раба,
Творецъ, не ошврашися;
Да въздешъ предъ Тебя мольба,
И въ гнѣвъ укрошися.

Меня оспавиль мой ошець
И машь еще въ младеншвѣ;
Но восприяль меня Творецъ,
И даль жишь въ благоденшвѣ.

Насшави, Господи, на пушь
Свяшнымъ швоимъ закономъ,
Чшобъ врагъ не могъ поколебнушь
Крѣпящагося въ ономъ.

(1) Ко свѣшу.

Меня въ сей жизни не опдай
Душамъ людей безбожныхъ,
Твоей десницею покрывай
Опъ клеветашай ложныхъ.

Я чаю видѣшь на земли
Всевышняго щедроты
И не лишишься шикола
Владычнія доброты.

Ты сердце духомъ укрѣпись,
О Господѣ мужайся,
И бѣдспіемъ не колеблись,
На Бога полагайся.

О Д А IV.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 34.

Суди обидящихъ, Зиждишель,
И опъ борющихся со мной
Всегдашній буди покровишель,
Васшупникъ и спасишель мой.

На гласъ мой яннѣ преклонися,
Прими оружіе и щипъ,
И мнѣ на помощь ополчися,
Когда прошивникъ мнѣ грозишъ.

Сдержи спремленіе гонящихъ,
Ударивъ пламеннымъ мечемъ:
Увѣрь въ напасяхъ обспорящихъ,
Чшо я въ покрытіи швоемъ.

Гонишели да поспыдяшся,
Чшо ищущъ зла души моей,
И съ срамомъ вспяшъ да возвращающяся,
Смушнвшися въ памяши своей.

Да сильный гнѣвъ швой злыхъ возхипишъ,
Какъ бурнымъ вихремъ легкій прахъ;
И Ангель швой да не защишишъ,
Бѣгущимъ (1) умножая спрахъ,

(1) Бѣгущихъ

Да помрачнись пущь ихъ мглою,
Да будешь ползокъ и разрышь,
И Ангель мспящею рукою
Ихъ въ сльдъ гоня, да успрашишь.

Сіе гоненіе ужасно
Да оскорбишь за злобу ихъ,
Чшо на меня ярься (1) напрасно,
Скрывали мрежу злобъ своихъ.

Глубокій, мрачный ровъ злодѣю,
Въ пущи да будешь сокровень;
Да будешь съпшю своею,
Чшо мнѣ посшавиль, уловлень.

Душа моя возвеселицца
О покровишелъ своемъ,
И радосшю ободрицца
О заспуленіи швоємъ.

Съ Тобою кшо себя сравняешь?
Всѣ косши, Боже мой, гласяшь;
Твоя власшь сильныхъ сокрушаешь,
Чшо бѣдныхъ разшераешь хошяшь.

Уже свидѣтели возшали
Неправедные на меня,
И спшдъ осшавиль, вопрошали
О шомъ. чего не знаю я.

(1) Чшо зляся на меня.

Наносяшь мнѣ вражду и злобу,
Чшобъ пѣмъ мнѣ за добро воздашь,
И бѣдной духъ мой и ушробу
Досадой и шоской шерзашь.

Но какъ они ослабѣвали ;
Тогда шоспомъ я и мольбой
Смиралъ себя, дабы возспали
Противники мои въ покой.

Какъ братау своему я шцился,
Какъ ближнимъ, пакъ имъ угождашь,
И сѣшуя объ нихъ крушился,
И слезъ своихъ не могъ держашь.

Они однако веселяшся,
Какъ видяшь близъ мою напасшь,
И на меня согласно зляшся;
Гошова ровъ, гдѣ мнѣ упасшь.

Смященный духъ во мнѣ шерзають,
Моиъ паденьемъ лѣсши себя;
Смѣюшся, нагло укоряють,
Зубами на меня скрыпя.

Доколѣ, Господи, безъ гнѣву
На злосшь ихъ будешь Ты зрирашь ?
Не дай, же дай Ты львову чреву
Живошь мой до конца пожрашь !

Во храмъ възвѣщу великомъ
Преславную хвалу швою,
Веселымъ гласомъ и языкомъ
При шьмахъ народа воспою,

Не дай врагамъ возвеселишься
Неправедной враждой своей,
Не дай презоршвомъ возгордишься
И помизаніемъ очей.

Хошь мирныя слова вѣщали,
И ласковъ видъ казали внѣ;
Но въ сердць злобу умышляли,
И сѣпи соплѣпали мнѣ.

Мнѣ пагубы конечно чая,
Всѣ купно спали восклицашь,
Смѣяшьяся, челюсть расширяя:
Намъ радостно на то зриашь!

Ты видѣль, Господи, ихъ мерзость:
Ошмспи и злобнымъ не сперти,
Ошмспи безсовѣстную дерзость,
И опъ меня не ошспути.

Возспани, Господи Зиждишель,
Взойди на швой свяшый прешполь;
И буди нашей при рѣшишель,
Спаси опъ нешперпимыхъ золь.

Подвигнись правдою свяшою ,
Суди насъ , Господи , суди ,
Не дай имъ поругаться мною ,
Суди, и мнѣ не снисходи.

Не дай имъ въ злобѣ похваляшся,
И мнѣ въ ругательство сказашъ :
О какъ въ насъ сердце веселишся,
Чшо мы могли его пожрашъ !

Посрамлены да возмяпушся,
Чшо ради злымъ моимъ бѣдамъ ;
И съ верхъ главы да облекушся
Мои прошивны въ смудъ и въ срамъ.

Но шѣмъ дай вѣчную награду ,
Чшо оправдашъ меня хошящъ ;
Взирая на мою опраду,
Великъ Господь нашъ, говоряшъ.

Языкъ мой правдѣ поучишся,
И истиннѣ свяшой швоей.
Тобой мой духъ возвеселишся,
Чрезъ все число мнѣ данныхъ дней.

О Д А V.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 70.

Въ Тебѣ надѣжду полагаю,
Всесильный Господи, всегда;
Къ Тебѣ и нынѣ прибѣгаю,
Да въ вѣкъ спасуся оупь спуда.

Свяпою правдою швоею
Избавь меня оупь злобныхъ рукъ;
Склонись молишвою моею,
И сокруши коварныхъ лукъ.

Поборникъ мнѣ и Богъ мой буди
Противъ спремящихся враговъ,
И брэнной сей и шлѣнной груди
Сшѣна, защита и покровъ.

Спаси меня оупь грѣшныхъ власши.
И пресступившихъ швой законъ,
Не дай мнѣ въ челюспи ихъ впасши
Зіающи со всѣхъ шпоронъ.

Въ шерпѣннн моемъ, Зиждншель,
Ты былъ оупь самыхъ юныхъ дней
Помощникъ мой и покровншель,
Прншпанище души моей.

Опъ чрева машерна Тобою
И опъ ушробы крѣплень,
Тебя превозношу хвалою,
Усердіемъ къ Тебѣ возжень.

Враги мои чудясь, смѣюшся,
Чшо я кругомъ обьяшъ бѣдой:
Однако мысли не мяшущся,
Когда Господь заспунникъ мой.

Превозносишь швою державу
И воспѣваешь на всякой часъ
Великолѣпіе и славу
Опъ успъ да усшремишся гласъ.

Во время спаросши глубокой,
О Боже мой! не опспули;
Но крѣпкой мышцей и высокой
Увядши члены укрѣпи.

Враги, кошорые всечасно
Погибели моей кошяшь,
Уже о мнѣ единогласно
Между собою говоряшь.

Погонимъ: Богъ его опшавиль;
Кого онъ можешь преклонишь?
Опъ насъ бы кшо его избавиль?
Теперь пора его губишь.

О Боже мой! не удался,
Покрой меня рукой своей,
И помощь низпослашь пощиси
Объяшой зломъ душъ моей.

Да въ вѣчномъ срамѣ погрузишься,
Которые мнѣ ищущъ зла;
Да на главу ихъ обращайся
Коварства, плевы и хула.

Надѣжду крѣпку несомнѣнно
Въ Тебѣ единомъ положу,
И прославляя безпремѣнно,
Въ псалмахъ и пѣсняхъ возглашу.

Огнь устъ моихъ распроспранится
О истиннѣ швоей хвала,
Благодѣяній слухъ промчишь,
Тобой мнѣ бывшихъ безъ числа.

Твою я крѣпость, Вседержишель,
Повсюду спану прославляшь;
И что Ты мой былъ покровишель,
Во вѣки буду воспоминашь.

Тобою, Боже, я насщавлень
Хвалишь Тебя огнь юныхъ лѣтъ,
И нынѣ буди препрославлень
Черезъ весь Тобой созданный свѣтъ.

Доколѣ дряхлосшь обращаешь
Не возбранить моимъ усшамъ,
Твоя въ нихъ крѣпосшь прославляешь
Грядущимъ будешь всѣмъ родамъ.

Твоя держава возвъспишя
И правда мною до небесъ;
О Боже, кто тебѣ сравнишя
Великимъ множесшвомъ чудесъ?

Ты къ пропасши меня поспавиль,
Чтобъ я свою погибель зрѣлъ;
Но скоро обращаешь, избавиль
И ошь глубокихъ безднь возвелъ.

Щедрошу Ты свою прославиль,
Меня ушѣшишь восхопѣлъ,
И скоро обращаешь избавиль,
И ошь глубокихъ безднь возвелъ,

Среди народа велегласно
Повѣдаю хвалу швою,
И на спрунахъ моихъ всечасно
Твои щедроты воспою.

Успа мой возвеселяшя,
Когда возвышу голосъ мой,
И кшно чувшва наслаждашя
Души спасенныя Тобой.

Еще языкъ мой поучишя
Твои хвалиши правошя,
Коварныхъ сила поспыдишя,
Копоры ищупъ мнѣ бѣды.

О Д А VI.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 143.

Благословенъ Господь мой Богъ,
Мою десницу укрѣпивый
И персы въ брани научивый
Сопрѣшь враговъ взнесенный рогъ.

Заслупникъ и спаситель мой,
Покровъ и милосшь и опрада,
Надѣжда въ брани и ограда,
Подъ власшь мнѣ даль народъ свяшой.

О Боже! что ешь человекъ?
Что Ты ему себя являешь,
И шакъ его Ты почишаешь,
Кошорого шоль крашокъ вѣкъ.

Онъ упро, вечеръ, ношь и день
Во щещныхъ помыслахъ проводишь;
И шакъ вся жизнь его проходишь,
Подобно какъ пущая шѣнь.

Склони, Зиждипель, небеса,
Коснись горамъ, и воздымящся,
Да паки на земли явющся
Твои ужасны чудеса.

Часть I.

И молніей швоей блесни,
Рази ошъ спранъ гремящихъ спрѣлы,
Разсыпь враговъ швоихъ предѣлы,
Какъ бурей плены разжени.

Меня объяль чужой народъ,
Въ пучинѣ я погрязь глубокой,
Ты съ шверди длань проспери высокой,
Спаси меня ошъ многихъ водъ.

Въщаешь ложъ языкъ враговъ,
Десница ихъ сильна враждою,
Успа обильны суешою;
Скрывающъ въ сердць злобный ковь.

Но я, о Боже, возглашу
Тебѣ пѣснь нову повсечасно;
Я въ десяшь спрунь шебѣ согласно,
Псалмы и пѣсни приношу.

Тебѣ Спасителю Царей,
Чшо крѣпоспью меня прославиль,
Ошъ люшаго меча избавиль,
Чшо врагъ вознесъ рукою своей.

Избавь меня ошъ хищныхъ рукъ
И ошъ чужихъ народовъ власши;
Ихъ рѣчь полна шщещы, напасши,
Рука ихъ въ насъ наводишь лукъ.

Подобно масличнымъ деревьямъ
Сыновъ ихъ лѣша процвѣшаютъ ,
Одѣждой дщери ихъ блискаютъ,
Какъ златомъ испещренный храмъ.

Пшеницы полны гумна ихъ ,
Несчетно овцы ихъ плодятся ,
На пучыныхъ пажитяхъ хранятся
Спада въ правѣ воловъ полсскихъ.

Цѣла обширность крѣпкихъ стѣнъ,
Вездѣ столпами укрѣпленныхъ,
Тамъ воля въ спогнахъ нѣтъ спѣсенныхъ,
Не знаютъ скорбныхъ шамъ временъ.

Щаслива жизнь моихъ враговъ !
Но шѣ свѣщамъ веселятся ,
Ни бурь, ни громовъ не боятся ,
Кошорымъ Вышній самъ покровъ.

О Д А VII.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 145.

Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Пошчися, духъ мой, воссылашъ:
Я буду пѣшь въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дышашъ.

Никшо не уповай во вѣки
На щещину власъ Князей земныхъ;
Ихъ пѣвъ родили человекѣ,
И нѣшь спасенія ошь нихъ.

Когда съ душою разлучашся,
И плѣнна плошь ихъ въ прахъ падешъ:
Высоки мысли разрушашся
И гордосшь ихъ и власъ минешъ.

Блаженъ пошь, кто себя вручаешъ
Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ,
И шокмо въ помощь призываешъ
Живущаго на небесахъ.

Несчетно многими звѣздами
Наполнившаго высоту
И непоспижными дѣлами
Земли и моря широту.

Творящаго на сильныхъ нищу
По истиннѣ въ обидахъ судъ,
Дающаго голоднымъ пищу,
Когда къ нему возопіюшъ.

Господь оковы разрѣшаетъ
И умудряетъ онъ слѣпцовъ,
Господь упавшихъ возвышаетъ,
И любишь праведныхъ рабовъ.

Господь пришельцевъ сохраняетъ,
И вдовъ приемлетъ и сиротъ.
Онъ дерзскій грѣшныхъ пушъ скончаетъ,
Въ Сіонѣ будешь въ родъ и родъ.

О Д А VIII.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА 103 (*).

Да хвалишь духъ мой и языкъ
Всесильнаго Творца державу,
Великолѣпіе и славу.
О Боже мой, коль Ты великъ!

Одѣянь чудной красошой,
Зарей божественнаго свѣща,
Ты звѣзды распросперь безъ счеша
Шашру подобно предъ собой.

Покрывъ водами высошы,
На легкихъ облакахъ восходишь;
Крилами вихрей шумъ наводишь,
Когда на нихъ лепашь Ты.

И воли своея послы,
Какъ усшремленія воздушны,
Всесильнымъ маниемъ послушны,
Текушь, горяшь, не зная мглы.

(*) Сей псаломъ взятъ изъ I часпи Академическаго изданія, гдѣ онъ, опысканъ будучи между оставшимися рукописями послѣ Г. Ломоносова неполной, въ первой разъ былъ напечатанъ. Не предложено псалма сего еще 19 стиховъ.

Ты землю швердо основаль,
И для надѣжныя окрѣпы
Недвижны положилъ заклепы,
И вѣчну непреклонность даль.

Ты бездною ея облекъ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходишь, спущаяся надъ нами,
Гдѣ дождь раждаешся и снѣгъ.

Ихъ воля швой единый взглядъ,
Опъ запрещенія мушяшся,
И въ шучи усшрашася шѣснашся;
Лишь грянешъ громъ швой, внизъ шумяшъ.

Восходяшъ горы въ высокошу,
Крупныя спавишъ шы спремнины,
И спелешъ злачныя долины,
Угрюмшвомъ множа красошу.

Предѣль верхамъ ихъ положилъ,
Чшобъ землю скрышъ не обрашились,
Ничѣмъ бы внизъ не преклонились,
Опречь швоихъ безмѣрныхъ силъ.

Изъ горъ въ долины льешъ ключи,
И прохлаждаешъ шѣмъ опъ зноя;
Журчашъ для сладкаго покоя,
Между горами шекучи.

И напаяють всѣхъ звѣрей,
Что окрестъ сель себя пишають,
Онагры ждуть, какъ въ жадѣ шають,
Ошрады ошъ руки швоей.

Слешаясь шамо цпицы въ щѣнь,
Возносящъ пѣніе и свисшы,
Живящъ вершены каменисшы,
И щѣмъ проводящъ жаркой, день.

Ты свыше влагу льешь горамъ,
Плодами землю насаждаешь,
И всѣхъ живущихъ насыщаешь,
Свидѣтелей цвоимъ дѣламъ.

Распишь въ поляхъ праву для спады;
Тамъ разны зѣлія въ пошребу
Обильно прилагаешь къ хлѣбу;
Щедрошою ко всѣмъ богашъ.

Хлѣбъ силой нашу грудь крѣпишь,
Намъ масло члены умягчаешь,
Вино въ печали ушѣшаешь,
И сердце радосшью живишь.

Древамъ даешь обильный шукъ,
Поля вѣнчаешь ими, щедрый!
Насаждены въ Ливанѣ кедры
могущесшвомъ всесильныхъ рукъ.

О Д А IX.

ВЫБРАННАЯ ИЗЪ ІОВА ГЛАВ: 38. 39.

40 и 41.

О пы, что въ горести напрасно
На бога ропщешь, человекъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно,
Онъ къ Іову изъ щучи рѣкъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая,
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебаль,
И шакъ его на распрю зваль.

Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, сшой и дай ошвѣтъ.
Гдѣ былъ пы, какъ я въ спройномъ чинѣ
Прекрасный сей успроилъ свѣтъ,
Когда я швердь земли посшавиль,
И сонмъ небесныхъ силъ прославиль
Величешво и власшь мою?
Яви премудрость пы свою!

Гдѣ былъ пы, какъ передо мною
Безчисленны шьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣсшъ

Мое величество вѣщали,
Когда опть солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣль,
И ей свирѣпыми волнами
Спрямишься далѣ не велѣль?
Покрышную пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ шумань,
И съ суши сдвигнулъ океань?

Возмогъ ли ты хощя однажды
Велѣши ранѣй ушпру бышь,
И нивы въ день помящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоишь,
Пловцу способный вѣпръ направишь,
Чтобъ въ приспани его поспавишь,
И шягошу земли пряхнушь,
Дабы безбожныхъ съ ней сохнушь?

Спремнинами пушей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину,
И счель ли чудъ многообразныхъ
Спада ходящія по дну?

Ошверзались ли передъ побою
Всегдашнюю покрыви шмою (1)
Со спрахомъ смершняя врапа?
Ты сперль ли адовы уша?

Спѣсня вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь ли закрышь,
И воздухъ огуснишь прозрачный,
И молнію въ дождѣ родишь,
И вдругъ быспрошекущимъ блескомъ
И горь сердца шрясуцимъ шрескомъ
Концы вселенной колебашь
И смершнымъ гнѣвъ свой возвѣщашь?

Твоей ли хипроспью взлешашь
Орель, на вышосу паря,
По вѣтру крила просшираешь,
И смопришь въ рѣки и моря?
Ошь облакъ видишь онь высокихъ
Въ водахъ и пропасняхъ глубокихъ,
Чшо я ему на пищу даль. (2)
Толь быспро око (3) пыль создалъ?

Воззри въ лѣса на Бегемоша,
Чшо мною сошворень съ побой;
Колючей шернь его охоша
Безвредно попирашь ногой.

(1) Мглою.

(2) Чшо въ пищу я ему послалъ.

(3) Ты ли даль.

Какъ верьви сплешены въ немъ жилы:
Ошвѣдай пы своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ лишая мѣдь:
Кшо можешь рогъ его сошрѣшь?

Ты можешь ли Левіаѳана
На удѣ вышланушь на брегъ?
Въ срединѣ самой Океана .
Онъ быспрый проспираешь бѣгъ;
Свѣщящимися чешуями
Покрышь какъ мѣдными щитами,
Копье и мечъ и молотъ пшвой
Щитаешь за проспшникъ гнилой.

Какъ жерновъ сердце онъ имѣешь,
И зубы спрашный рядъ серповъ:
Кшо руку въ нихъ вложишь посмѣешь?
Всегда къ сраженью онъ гошовъ;
На оспрыхъ камняхъ возлегаешь,
И швердосшь оныхъ презираешь,
Для крѣпосши великихъ силъ
Щитаешь ихъ за мягкой иль.

Когда ко браци ушпремишся,
То море какъ кошель кипишь,
Какъ печь горшанъ его дымишся,
Въ пучинѣ слѣдъ его горишь ,

Сверкають очи раздраженны,
Какъ уголь въ горнилѣ раскаленный:
Всѣхъ сильныхъ онъ спрашиваешь, гоня:
Кто можетъ спасти проливъ меня?

Обширнаго громаду свѣща
Когда успроишь я хопѣль,
Просиль ли швоего совѣща
Для множесшва шоликихъ дѣль?
Какъ перспь я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создаши человекъ;
За чѣмъ шогда шы не сказаъ,
Чшобъ видѣ иной шебѣ я даль?

Сіе, о смершннй, разсуждая,
Предсшавъ Зиждишелеву власшь;
Свяшшую волю почишая,
Имѣй свою въ перпѣньи часшь.
Онъ все на пользу нашу спроишь,
Казнишь кого, или покоишь.
Въ надѣждѣ шягошу сноси,
И безъ рошшанія проси.

О Д А Х.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ.

Уже прекрасное свѣсило
Просперло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла ошкрыло;
Мой духъ съ веселиемъ внемли;
Чудяся яснымъ шоль лучамъ,
Предспавъ, каковъ Зидишель самъ!

Когда бы смершнымъ шоль высоко
Возможно было, возлешѣшь,
Чшобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись возрѣшь;
Тогдабъ со всѣхъ ошкрылся, спранъ
Горящій вѣчно Океанъ.

Тамъ огненны валы спремяшся
И не находяшъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крушяшся,
Борющись множесшво вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипяшъ,
Горящи шамъ дожди шумяшъ.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ побой одна.
О коль пресвѣшлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты шворишь намъ повелѣль!

Опъ мрачной ноци (1) свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему ошкрылись
Исполненны швоихъ чудесь.
Тамъ всякая взываетъ плось:
Великъ Зиждишель нашъ Господь!

Свѣшило дневное блиспаель
Лишь шолько на поверхность шѣль;
Но взоръ швой въ бездну проникаель,
Не зная никакихъ предѣль.
Опъ свѣшлосши швоихъ очей
Ліешся радосшь швари всей.

Творецъ, покршпому мнѣ шмою
Проспши премудросши лучи,
И что угодно предъ Тобою,
Всегда швориши научи,
И на швою взирая шварь,
Хвалишь Тебя, безмершный Царь.

(1) Ночи.

О Д А Х І.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СЪВЕРНАГО СІЯНІЯ.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна (1) шѣнь;
Лучи ошъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣшь, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ шонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ;
Такъ и въ сей безднѣ углублень,
Теряюсь мыслями упомень!

Уша премудрыхъ намъ гласящъ:
Тамъ разныхъ множество свѣшовъ;
Несчешны солнца памъ горящъ;
Народы шамъ и кругъ вѣковъ;
Для общей славы божешва
Тамъ равна сила ешешва.

(1) Чорна.

Но гдѣжь, Натура, швой законъ?
Съ полночныхъ спранъ вспаешъ заря!
Не солнцель спавилъ шамъ свой шронъ?
Не льдиспыль мещупъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрыль!
Се въ ночь на землю день всшупиль!

О вы, кошорыхъ быспрый зракъ
Пронзаешъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Кошорымъ малый венци знакъ
Являешъ еспѣспва усшавъ,
Вамъ пушь извѣспень всѣхъ планешъ,
Скажише, чшо насъ шакъ мяшешъ?

Чшо зыблешъ ясный нощью лучъ?
Чшо шонкій пламень въ швердь разошъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ шучъ
Сшремишся ошъ земли въ зенишъ?
Какъ можешъ бышь, чшобъ мерзлый паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?

Тамъ споришъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестяшъ,
Склоняшъ сквозъ воздухъ къ намъ густшой;
Иль шучныхъ горъ верьхи горяшъ,
Иль въ моръ душь преспаль зефиръ,
И гладки волны бьюшъ въ эфиръ.

Часть I.

3

Сомнѣній полонъ ващъ ошѣшь

О помъ, чшо окрещъ ближнихъ мѣсць:

Скажишежь, коль проспранень свѣшь?

И чшо малѣйшихъ далѣ звѣздъ?

Несвѣдомъ шварей вамъ конецъ:

Скажишежь, коль великъ Творецъ?

О Д Ы
П О Х В А Л Ь Н Ы Я .

О Д А I.

Блаженныя памяти Государынь
Императрицъ Аннѣ Іоанновнѣ на
Побѣду надъ Турками и Татарами
и на взятіе Хотина 1739 года.

Воспоргъ внезапный умъ пѣнилъ ,
Ведешь на верхъ горы высокой ,
Гдѣ вѣспрь въ лѣсахъ шумѣшь забыль ,
Въ долині шишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключь молчишь,
Кошорой завсегда журчишь
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ спремилъ;
Лавровы вьющся шамъ вѣнци,
Тамъ слухъ спѣшишь во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ куришся.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чисшмъ сеспръ музыку!
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды :
Испей и всѣ забудь шруды ;
Умой росой Каспальской очи,
Чрезъ сшепь и горы взоръ проспри,
И духъ свой къ шѣмъ спранамъ впери,
Гдѣ всходишь день по шемной ночи.

Корабль какъ ярыхъ волнь среди,
Кошорья хошаять покрыши,
Бѣжишь, срывая съ нихъ верьхи,
Прѣшишь съ пуши себя склонили;
Сѣдая пѣна вокругъ шумишь;
Въ пучинѣ слѣдъ его горишь;
Къ Россійской силѣ шакъ спремящся,
Кругомъ объѣхавъ шьмы Ташарь;
Скрываетъ небо конскій парь!
Чшожь въ шомъ? спремглавъ безъ душь ваящся.

Крѣпишь опечесива любовь
Сыновъ Россійскихъ духъ и руку;
Желаешь всякъ пролишь всю кровь,
Ошь грознаго бодрися звуку.
Какъ сильный левъ спада волковъ,
Чшо кажушь ошпрыхъ рядъ зубовъ,
Очей горящихъ гонишь спрахомъ?
Ошь реву лѣсь и брегъ дрожишь,
И хвостъ песокъ и пыль мушишь,
Разишь, извишписъ сильнымъ махомъ.

Не мѣдъ ли въ чревѣ Эшны ржешь,
И съ сѣрою кипя, клокочешь?
Не адъ ли шяжки узы рвешь
И челюспи раззинушь хочешь?
То родъ ошверженной раби,

Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы ,
Мешалль и пламень въ доль бросаешъ ,
Гдѣ въ шрудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ , среди болошъ
Черезъ быспрой шокъ на огнь дерзаешъ.

За холмы, гдѣ паляща хлябъ
Дымъ, пепель, пламень, смершь рыгаешъ,
За Тигръ, Сшамбуль, своихъ заграбъ,
Чшо камни съ береговъ сдираешъ:
Но чшобъ орловъ сдержашъ полешъ,
Такихъ препонъ на свѣшъ нѣшъ;
Имъ воды, лѣсъ, бугры, спремнины,
Глухія степи равень пушъ:
Гдѣ шолько нѣшпры могушъ душъ,
Просшуняшъ (1) шамъ полки орлины.

Пускай земля какъ Поншъ шрясешъ,
Пускай вездѣ громады спонущъ,
Премрачный дымъ покроешъ свѣшъ,
Въ крови Молдавски горы шонущъ:
Но вамъ не можешъ шо вредишъ,
О Россы, вась самъ рокъ покрышъ
Желаешъ для щасшливой АННЫ.
Уже вашъ къ Ней усердный жаръ
Быспро проходишъ сквозъ Ташаръ,
И пушъ ошворень вамъ проспранный.

(1) Досшуняшъ.

Скрываешь лучь свой въ волны день,
Оспавивъ бой ночнымъ пожарамъ ;
Мурза упалъ на долгу шѣни ;
Взявъ купно свѣщъ и духъ Ташарамъ ;
Изъ лавъ гусныхъ выходитъ волкъ
На блѣдный шрупъ въ Турецкій полкъ.
Иной въ послѣдни видя зорю ,
Закрой, кричишь, багряной видь,
И купно съ нимъ Магметовъ спыдъ ,
Спустишь поспѣшно съ солнцемъ къ морю.

Что шакъ шѣнишь боязнь мой духъ ?
Хладѣюшь жилы, сердце ноешь!
Что бьешь за спранный шумъ въ мой слухъ ?
Пусыня, лѣсъ и воздухъ воетъ !
Въ пещеру скрыль свирѣпшво звѣрь ;
Небесная опверзлась дверь ;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ ;
Омышымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ Герой опкрылся.

Не сей ли при Донскихъ спруяхъ
Разсыпалъ вредны Россамъ шѣни ?
И Персы въ жаждущихъ шепяхъ
Не сямъ ли пали пораженни ?
Онъ шакъ взиралъ къ своимъ врагамъ ,

Какъ къ Гопешкимъ приплывалъ брегамъ,
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ биспрый конь его скакалъ,
Когда онъ шѣ поля шоппалъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

Кругомъ его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещуть,
И чувшвуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля шрепещуть.
Кшо съ нимъ шоль грозно зришь на Югъ,
Одѣянь спрашнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ смиришель спрашь Казанскихъ?
Каспійски воды, сей при васъ
Селима гордаго пошрясь,
Наполнилъ спечь головъ поганскихъ.

Герою молвилъ шупъ Герой:
„Не шщешно я съ шобой шрудился,
Не шщешень шодвигъ мой и швой,
Шшобъ Россовъ шѣлой шѣшъ спрашился.
Шрезъ насъ шредѣль нашъ шпалъ широкъ
На Шверъ, Западъ и Восшокъ.
На Югъ АННА шоржешшвуешь,
Шокрывъ своихъ шобѣдой сей.,
Швилася мгла, Герои въ ней;
Не зришь ихъ око, слухъ не чуешь.

Крушишь рѣка Тапарску кровь,
Что прошекала между ними;
Не смѣя въ бой пустишься вновь,
Мѣспами врагъ бѣжишь пуспыми,
Забывъ и мечъ и спанъ и спыдъ,
И предсавляешь спрашный видъ
Въ крови друзей своихъ лежащихъ.
Уже шряхнувшись, легкой лиспъ
Спрашишь его, какъ ярый свиспъ
Быспро сквозъ воздухъ ядръ лешящихъ.

Шумишь съ ручьями боръ и доль:
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что опъ меча ушоль,
Боишся собспвеннаго слѣда.
Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна спыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Лешаетъ слава въ шьмѣ ночной,
Звучишь во всѣхъ земляхъ шрубой:
Коль Росская ужасна сила!

Вливаясь въ Поншь, Дунай ревешъ,
И Россовъ плеску опшѣщаетъ,
Ярься, волнами Турку лешешъ,
Что спыдъ свой за него скрываешъ.
Онъ рыщешъ какъ пронзенный звѣрь,

И чаешь, что уже шеперь
Въ послѣдній разъ заносишь ногу ;
И что земля его носишь
Не хочешь, что не могъ покрышь.
Смуцаешь мракъ и спрахъ дорогу.

Гдѣ нынѣ похвальба швоя?
Гдѣ дерзосшь? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злосшь на Сѣверны края ?
Спамбуль, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
Ты лишь своимъ велѣль спушишь,
Насъ пошчасъ чаяль побѣдишь;
Янычаръ швой свирѣпо злился,
Какъ шигръ на Росскій полкъ скакаль.
Но что? внезапно мершвъ упаль,
Въ крови своей пронзень залился.

Цѣлуйше ногу шу въ слезахъ,
Что васъ, Агаряне, попрала;
Цѣлуйше руку, что вамъ спрахъ
Мечемъ кровавымъ показала.
Великой АННЫ грозный взоръ
Оспраду дашь просящимъ скоръ ;
По спрашной плучѣ возсіяешь,
Къ себѣ повинносшь вашу зря,
Къ своимъ любовію горя,
Вамъ казнь и милосшь обѣщаешь.

Злапой уже денницы (1) персть
Завѣсу свѣта вскрыль съ звѣздами;
Опъ вспока скачешъ по спу верстѣ,
Пуская искры конь ноздрями,
Лицемъ сіяешъ Фебъ на помѣ;
Онъ пламеннымъ попрысь верхомъ;
Преславно дѣло зря, дивишся:
„Я мало шаковыхъ видалъ
Побѣдъ, коль долго я блиспалъ,
Коль долго кругъ вѣковъ кашипся.,,

Какъ въ клубъ змія себя крушипъ,
Шипипъ, подъ камень жало кроешъ,
Орель когда шума лешипъ,
И шамъ парипъ, гдѣ вѣспрь не воешъ;
Превыше молній, бурь, снѣговъ,
Звѣрей онъ видишъ, рыбъ, гадовъ.
Предъ Росской шакъ дрожишъ орлицей,
Спѣсняешъ внуспрь Хопинъ своихъ.
Но чшо? въ спѣгнахъ ли можешъ сихъ
Предъ сильной усшояшъ Царицей?

Кшо скоро шоль шебя, Калчакъ,
Россійской учипъ вдашся власпи,
Ключи вручипъ подданшва въ знакъ,
И большей избѣжашъ напаспи?
Правдивой Аннинъ гнѣвъ велишъ,

(1) Десницы.

Чшо падшихъ передъ ней щадишь :
Ея взопли и шамъ оливы ,
Гдѣ Вислы шокъ , гдѣ славный Рень ,
Мечемъ пропивникъ гдѣ смиренъ ,
Извергли духъ сердца кичливы .

О какъ красуюшся мѣсна ,
Чшо иго люшо низложили ,
И чшо на Туркахъ шягоша ,
Кошорую опъ нихъ носили ;
И варварскія руки шѣ ,
Чшо ихъ держали въ шѣсношѣ ,
Въ полонъ уже несупъ оковы ;
Чшо ноги узами звучашъ ! ,
Кошоры для опгнанья спадъ
Чужи поля шопшашъ гошovy !

Не вся швоя шупъ , Порша , казнъ ,
Не шакъ шебя смиряшь досшойно ,
Но большу нанесши боязнъ ,
Чшо жишь намъ не дада спокойно .
Еще высокихъ мыслей спрасшь
Прешишь шебъ предъ АННОЙ пасшь ?
Гдѣ можешъ шы опъ ней укрисься ?
Дамаскъ , Каиръ , Аленъ сторишь ;
Обспавяшь Росскимъ флошомъ Крипъ ;
Евфрашь въ швоей крови смушишся .

Чинишь премьну чпо во всемъ?
Чпо очи блескомъ проникаешь?
Чиспѣйшимъ съ неба чпо лучемъ.
И дневну яснысь превышаешь?
Героевъ слышу весель кликъ !
Одѣянъ въ славу Аннинъ ликъ
Надъ звѣзды вѣчнось вносишь круги;
И правда взявъ перо злапо,
Въ неспѣнной книгѣ пишешь цпо,
Велики коль Ея заслуги!

Випійство, Пиндаръ, успъ швоихъ
Тягчаебъ Оявы обвинили,
За шѣмъ, чпо о побѣдахъ сихъ
Онибъ громчае возгласили,
Какъ прежде о красѣ Аениъ :
Россія какъ прекрасный кринъ
Цвѣтешъ подъ Анниной державой.
Въ Кишайскихъ чшунгъ ее спѣнахъ,
И свѣтъ во всѣхъ своихъ концахъ
Исполненъ храбрыхъ Россовъ славой.

Россія, коль счастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ покровомъ!
Какія видишь красоты
При семъ поржешпованьи новомъ!
Военныхъ не спрашися бѣдъ :

Бѣжишь опшуду бранный вредъ,
Народъ гдѣ АННУ прославляешь.
Пусшь злобна зависшь ядъ свой льешь,
Пусшь свой языкъ, ярься, грызешь,
То наша радосшь презираешь.

Козацкихъ полъ за Днѣспрской шапъ
Разбишь, прогнанъ, какъ прахъ развѣивъ,
Не смѣешь больше ужъ шопшашъ,
Съ пшеницей гдѣ покой насѣянь.
Безбѣдно ѣдешь въ пушь купецъ,
И видишь край волнамъ пловець,
Нигдѣ не зналъ, плывя, препяшшсва.
Красуется великъ и малъ;
Жишь хочешь вѣкъ, кшо въ гробъ желалъ;
Влекушь къ шому шоржесшвъ изрядсшва.

Пасшухъ спада гоняешь въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходишь,
Припедъ, овецъ пасешь гдѣ другъ,
Съ нимъ пѣсню новую заводишь;
Солдашску храбросшь хвалишь въ ней,
И жизни часшь блажишь своей,
И вѣчно шишины желаецъ
Мѣспамъ, гдѣ шоль спокойно спишь;
И Ту, чшо опгъ враговъ хранишь,
Просшымъ усердьемъ прославляешь,

Любовь Россіи; спрахъ враговъ,
Спраны полночной Героиня,
Седми проспранныхъ морь береговъ
Надѣжда, радосшь и богиня,
Велика АННА; Ты доброшь
Сіяешь свѣшомъ и щедрошь,
Просши, что рабъ швой къ громкой славѣ
Звучишь, что крѣпосшь силъ швоихъ
Придашь дерзнулъ некрасной спихъ
Подданшва въ знакъ Твоей державѣ.

О Д А П.

НА ПРИВЪТІЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУ-
ДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ
ПЕТРОВНЫ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ САНКТ-
ПЕТЕРБУРГЪ 1742 ГОДА ПО КОРО-
НАЦІИ.

Какой приипной Зѣфиръ вѣешь,
И нову силу въ чувсшва льешь?
Какая красоша яснѣешь?
Чшо всѣхъ умы къ себѣ влечешь?
Мы славу дщери зримъ Пешровой,
Зарей шоржесивъ свѣшящу новой.
Чѣмъ ближе па сіяешь къ намъ,
Мрачнѣе ночь 1) грозить врагамъ.
Брега Невы руками плещушь,
Брега Бошнѣйскихъ водъ препенцушь.

Взнесись 2) превыше молній, Муза,
Какъ быспрый съ Пиндаромъ орель 3);
Гремящихъ арфъ ищи союза,
И въ верхъ пари скорѣ спрѣль;
Сладчайшій нектаръ лей съ Назономъ;

1) Ночь.

2) Взлещи.

3) Какъ Пиндаръ быспрый швой орель.

Превысь Парнасъ высокимъ пономъ;
Съ Гомеромъ какъ рѣка шуми,
И какъ Орфей съ собой веди
Въ шоржеспвентъ ликъ древа и воды
И всѣхъ звѣрей пущынныхъ роды.

Дерзай спустишь на сильны плечи
Апланшскихъ къ небу смежныхъ горъ;
Внушай свои вселенной рѣчи;
Блудись спустишь свой въ доли взоръ;
Надъ шучи онымъ проспирайся,
И выше облакъ возвышайся,
Спѣши звучащей славъ въ слѣдъ.
Но ею весь проспранный свѣшъ
Наполненный спрашася чудися:
Какъ въ спихъ возможно ей вмѣспишья?

Однако шы и шѣмъ щасплива,
Чшо щцишья 1) похвалы вспѣвашь
Всея земли красы и дива,
И шѣмъ красу себѣ снискашъ.
Ты швердъ ошавъ, о древня лира,
Взнесенна баснями къ верьху міра:
Моя число умножишь звѣздъ,
Возвысившись до горнихъ мѣспъ
Парящей славою 2) Орлицы,
Приявъ ошъ Росскою свѣшъ Денницы.

1) Имя воспѣвашь.

2) Славой вознесенна

И новымъ блескомъ освѣщенна.

Священный ужасъ мысль объемлеть;
Опверзь Олимпъ всеильный дверь;
Вся шварь со многимъ спрахомъ внемлеть,
Великихъ зря Монарховъ дщерь,
Опть вѣрныхъ всѣхъ сердець избранну,
Рукою Вышняго вѣнчанну,
Спящую предъ Его лицемъ,
Копору въ снѣпъ онъ своемъ
Прославивъ, щедро къ ней зриаешь,
Завѣшь крѣпиль и ушѣшаешь.

„Благословенна вѣчно буди,
Вѣщаешь Вещій деньми къ ней,
И всѣ швои съ шобою люди,
Чшо вѣрилъ власши Я швоей;
Твои любезныя доброши
Влекушь къ себѣ мои щедроши.
Я въ гнѣвъ Россамъ былъ шворецъ,
Но нынѣ паки имъ ошець:
Души швоей крошчайшей сила
Мой гнѣвъ на крошосшь преложила.

„Ушѣшилъ я въ печали Ноя,
Когда пошопомъ мѣръ казилъ,
Дугу посшавилъ въ знакъ покоя,
И шюю съ нимъ завѣшь чинилъ.
Хощѣлъ Россію бѣдъ водою.

И гнѣвною казнишь грозою;
Однако для заслу́тъ швоихъ
Пробавилъ милосшъ въ людяхъ сихъ;
Тебя поспавилъ въ знакъ завѣща
Надъ знашнѣйшею часшью свѣща

„Мой образъ чпашъ въ шебѣ народы
И опъ меня влѣянный духъ;
Въ безчисленны промчпся роды
Доброшъ швоихъ неложный слухъ.
Тобой поспавлю судъ правдивый,
Тобой сопру сердца кичливы,
Тобой я буду злосшъ казнишь,
Тобой заслугамъ мзду даришь;
Господспвуй ушверженна мною,
Я буду навсегда съ шобою.“

Но что спраны вечерни пмяшся,
И дождь кровавыхъ капель льюшъ?
Что Финскихъ рѣкъ спруи дымяшся,
И доли съ влагой пламень пьюшъ?
Тамъ видя выше горизонша
Всходяща Гошеска Фаешонша
Пропивъ печенія небесь,
И вокругъ себя горящій лъсь,
Тюмень въ брегахъ своихъ мушпшся,
И воды скрышъ подъ землю щпщпшся.

Препищамъ окомъ Вседержитель
Возрѣвъ на полкъ вечерній, рекъ:
„О дерзкій мира нарушитель!
Ты мечъ прошивъ меня извлекъ;
Я правлю солнце, землю, море,
Кпо можешь спашь со мною въ споръ?
Моя десница мещеть громъ,
Я въ пропасшь свергъ за грѣхъ Содомъ,
Я небо мракомъ покрываю;
Я самъ Россію защищаю.“

Но Вышній зракъ свой опивращаешь
Опъ Госпескихъ ослѣпленныхъ спранъ,
И шѣмъ продерзосшь ихъ смущаешь,
Трясешь полки ихъ, Флопъ и спанъ;
Какъ сильный вихрь съ полей прахъ гонишь
И дровъ верьхи высоки клонишь.
Богинѣ Росской громъ вручилъ,
Чѣмъ злосшь разишь прошивныхъ силъ:
„Прими разженны къ месши спрѣлы,
Разсыпь враговъ своихъ предѣлы.“

Спокгольмъ глубокимъ сномъ покрывшій,
Проснись, познай Пешрову кровь;
Не жди льспецовъ своихъ защиты,
Ошринь коварну ихъ любовь;
Ты всеу солнце почишаешь,

И предъ луной себя склоняешь;
Цѣлуй ЕЛИСАВЕТИНЪ мечъ,
Что ты принудилъ самъ извлечь:
Его мягчишь одна покорношь,
Оспришь кичливая упорношь.

Примѣры храбрости Россійской
Предсказъ мекоръ на умъ своею;
Возри на Донъ и край Поншійской,
Смиранный мшишельнымъ огнемъ.
Тамъ шепи кровью напоены
Взраспили 1) лавры намъ зелены;
Багрова шамъ земля шряслась,
И къ небу съ дымомъ пылъ вилась;
Россіянь швердо грудь шпола,
И слава ихъ во мглаъ блищада.

Свою Полшавску вспомни рану,
Что знашь еще въ груди швоей,
И гордосшь при Дивпрѣ пошрану
И многій павнь швоихъ людей,
За Обскія брега вселенны,
Хребшомъ Рифейскимъ заключенны,
За коимъ сильна Росска власшь
Велику держишь вшпока часшь,
Гдѣ орды ей собирають дани,
По ней всегда гошповы къ брани.

1) Родия.

Какъ лишь рѣкамъ не лъзя къ вершинѣ
Противъ круизны водъ своихъ,
И силы взяшь огню въ пучинѣ;
Такъ къ намъ внесши людей швоихъ.
Орлы на шое не взираютьъ,
Чшо львовы челюспи зяюютьъ.
Вошце швой хипрый былъ совѣшь:
Россію самъ Господь блюдешь;
Рукою Онъ ЕЛИСАВЕТЫ
Противныхъ разрушишь навѣшы.

Уже и моремъ и землею
Россійско воиншво шечешъ,
И сильной крѣпосшью своею
За лѣсъ и рѣки Гошеовъ жмешъ.
Огня ревуцаго удары
И свисшъ ошъ ядръ лешящихъ ярый
Сгущенный дымомъ воздухъ рвушь,
И шяжкихъ горъ сердца шрясушь,
Уже мрачшся свѣшь полдневный,
Повсюду видъ и слухъ плачевный.

Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютьъ къ небу прахъ гусшой,
Тамъ смершъ межъ Гошескими полками
Бѣжишь, ярась, изъ спроя въ спрой,
И алчну челюспъ ошверзаешъ,

И хладны руки проспираешъ,
Ихъ гордый испоргая духъ,
Тамъ пысящи валяшся вдругъ.
Но ешьли хочешъ видѣшь ясно,
Коль Росско воинство ужасно :

Взойди на брегъ крушой високо.
Гдѣ кончипся землею поншь ;
Проспри свое чрезъ воды око,
Коль много обняль горизонтъ ;
Внимай, какъ югъ пучину давишь,
Съ пескомъ мушишь, змбъ на змбъ спавишь,
Касаешся морскому дну,
На сушу гонишь глубину,
И съ моремъ дождь и градъ мѣшаешъ ;
Такъ Россъ прошивныхъ низлагаешъ.

Какъ ежели на Римлянъ злился
Плушонъ, являя гнѣвъ и власшь,
И ешьли градъ пому чудился,
Чшо Курцій, видя мрачну пасшь,
Презръль и младосшь и породу,
Погибъ за Римскую свободу,
Съ разѣзду въ оную скочивъ ;
То ей, Квирипы, Маркъ вашъ живъ
Во всякомъ Россѣ, чшо безъ спраху
Чрезъ огонь и рви печешъ съ размаху.

Всякъ мнишь, что равень онъ Алкиду;
И что Немейскимъ львомъ покрывъ,
Или ужасную Эгиду
Нося, враговъ своихъ спрашивъ;
Пронзаешь, рвешь и разсѣкаешь,
Противныхъ силу презираешь.
Смѣсившись съ прахомъ, кровь кипишь;
Здѣсь шлемъ съ главою, шамъ шрупъ лежишь,
Тамъ мечъ съ рукой ошбишь валяща.
Коль злоба жестоко казнишь!

Народы, нынѣ научишься,
Смотря на спрашну гордыхъ казнь,
Союзы разрушаешь блюдишься,
Хранишь искренню пріязнь;
На множество не уповайше
И шѣмъ Небесъ не раздражайше:
Мечи, щипы и крѣпосны спѣнь
Предъ Божьимъ гнѣвомъ гниль и плѣнь:
Предъ нимъ и горы исчезающъ,
Предъ нимъ пучины изсыхающъ.

Бѣжишь въ свой пупъ съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный Исполинъ,
Спускаешь по вершинамъ спрогимъ,
Презрѣвъ глубоко дне долинь,
Вьешь воздухъ вихремъ за собою;

Подъ сильною его пяшою
Кремнистые бугры прещашь,
И слѣдомъ дерева лежашь,
Что множеству вѣковъ спояли,
И бурей яросшь презирали.

Такъ Флотъ Россійскій въ поншь держашь,
Такъ роешь онъ поверхъ валовъ ;
Надменна бездна усшупашь,
Спеня онъ шягосши судовъ.
Во слѣдъ за скорыми кормами
Слѣшишь сѣдая пѣна рвами.
Весельный шумъ, гребущихъ крикъ
Наносашь Гошеамъ спрахъ великъ ;
Уже надежду опшвергающъ,
И въ мглѣ свой флотъ и спыдъ скрываютъ.

Не Шведъ ли мнилъ, что онъ главою,
Какъ Апласъ держишь цѣлой свѣтъ,
И море сильною рукою
И полной власшью въ узахъ жмешъ ;
Что швердъ съ собой въ союзъ свяжешъ,
И вспяшь ишши лунѣ укажешъ ?
Однако родъ Россійскій зналъ,
И мысленно шогда взиралъ,
Когда онъ спалъ на насъ грозилъ,
Какъ онъ бѣжилъ, какъ насъ спрашилъ !

На нивахъ жашву оспавляешъ
Опъ меспи усшрашпенный Финь,
И съ горь оцъпенвъ възираешъ
На дымъ всходящій изъ долинъ,
На мечъ на Гошеовъ обнаженный,
На пламень въ селахъ возпаленный;
Тамъ ночью опъ пожаровъ день,
Тамъ днемъ въ пмли ношная твнь;
Багровый облакъ въ небъ рдѣшъ,
Земля подъ нимъ въ крови краснѣшъ.

Но холмы и древа скачише,
Ликуйше множесшва озеръ,
Руками рѣки восплецише,
Пешрополь буди вамъ примѣръ:
ЕЛИСАВЕТА къ вамъ приходишъ,
Оспраду съ шишиной приводишъ,
Любя вселенныя покой,
Уже проспершой вамъ рукой
Даруешъ мирныя оливы,
Щадишъ велишъ луга и нивы,

Хошъ съ вамибъ, Гошѣмъ, къ намъ досшигли
Пояци западъ бысприны,
Хошя бы вы на насъ воздвигли
Союзы ваши всѣ спраны;
Но шщешны былибъ всѣ походы:

Незнаемые вамъ народы,
Чпо далъ Сѣвера живушь,
Того по всѣ минушы ждущъ,
Чпо имъ велишь ЕЛИСАВЕТА,
Гопшвы спашъ прошиву свѣша.

О слава жень во свѣшѣ славныхъ,
Россіи радосшь, спрахъ враговъ,
Краса Владышельницъ державныхъ!
Всякъ кровь свою пролишь гопшвы
За многія швои доброшы
И къ подданнымъ швоимъ щедрошы.
Твой слухъ плѣнилъ и шѣхъ людей,
Чпо спраншвуюшь среди звѣрей,
Чпо съ люпыми пасушся львами;
За чесшь швою возопанушь съ нами.

Твое прехвально имя пишешъ
Неложна слава въ вѣчномъ льдѣ,
Всегда гдѣ хладный Сѣверъ дышешъ,
И шолько вѣрой шецль къ шибѣ;
И шпепи въ зноѣ опшдаленны
Къ шибѣ любовію возженны
Еще усерднѣ горящъ:
Къ шибѣ опъ вшпочныхъ спранъ спѣшашъ
Уже Американски волны
Въ Камчатшской поршъ веселья полны.

Въ шумящихъ берегахъ Балтійскихъ
Веселья больше, нежели водъ,
Что видѣли судовъ Россійскихъ
Противъ враговъ щасливый ходъ.
Коль радостенъ женихъ въ убранствѣ,
Толь Финскій понти въ швоемъ подданствѣ.
Въ проливахъ, въ успяхъ рѣкъ, въ губахъ
Играя, Нимфы вьютъ въ рукахъ,
Монархиня, вѣнцы лавровы,
Тебѣ воспѣвая 1) цѣсни новы.

О чистый Невскій шокъ и ясный,
Щасливѣйшій всѣхъ водъ земныхъ,
Что сей богини ликъ прекрасный
Кропишь шеперь ошъ спруй своихъ,
Сспремись, шуми, щеки обильно,
И бысприной швоей насильно
Промчись до Шведскихъ береговъ,
И больше успраши враговъ,
Имъ громкимъ шумомъ возвѣщая,
Что здѣсь зимой весна злая.

Какъ люшый мразъ она прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являютъ ясны дни сщранамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,

1) И воспѣвающъ.

Нашуру намъ возобновляешъ,
Поля цвѣтами красишь вновь:
Такъ нынѣ милосиѣ и любовь,
И свѣтлый дщери взоръ Пепровой
Насъ жизнью оживляешъ новой.

Какая бодрая дремоша
Открыла мысли явный сонъ?
Еще горитъ во мнѣ охоша
Торжественный возвысишь шонъ.
Мнѣ вдругъ ужасный громъ блиспаешъ,
И купно ясный день сияешъ!
То сердце сильна власиѣ спрашишь,
То крошосиѣ оное живишь;
То бодросиѣ спрахъ, шо спрахъ шу клонишь,
Прошивна спрасиѣ прошивну гонишь!

На Западъ смопришь грознымъ окомъ
Сквозь дверь небесну духъ Пепровъ,
Во гнѣвѣ сильномъ и жестокомъ
Преспуныхъ онъ мяшетъ враговъ.
Богиня крошко съ нимъ зриаешъ
На Невскій брегъ, и проспираешъ
Свой персиѣ на дщери свою съ высоцъ:
Возри на образъ швой и плодъ,
Чшо всѣ дѣла швой возспавишь,
И въ свѣтѣ пѣмъ себя прославишь.

Исполненъ я веселья нынѣ,
Что вновь дѣла мои распушь,
Въздаешъ Пепръ къ Екашеринѣ;
Твои совѣшы всѣ цвѣшутъ;
Блаженны дщерью мы своею;
Рука Господня буди съ нею.
Блаженъ пошъ годъ, пошъ день и часъ,
Когда Господь ущедрилъ насъ,
Подавъ ее намъ на ушѣху
И всѣхъ шрудовъ моихъ къ успѣху.

Но рѣчь ихъ шумный вопль скрываетъ:
Война при Шведскихъ берегахъ
Съ ужаснымъ снономъ возрыдаешъ,
Въ угрюмыхъ кроешся лѣсахъ.
Союзъ приходитъ вождедѣнный,
И гласъ возноситъ къ ней смиренный:
Преспанъ прекрасный вѣкъ мрачитъ,
И Фински горы кровавитъ:
Се царшвуешъ ЕЛИСАВЕТА,
Да миръ подасишь предѣламъ свѣта.

Хоши швои машины грозны,
Но сплавлю ихъ въ сваянный видъ,
Чтобъ знали впредь пошомки позны,
Что нынѣ свѣтъ Россіи зришь.
Я вянщи учиню премѣны,

Когда градовъ проспранны спѣны
Безъ пагубы людской сопру,
Въ огромныя спѣлаы сберу;
Превыше будущъ нѣ Мемфійскихъ
Монарховъ славою Россійскихъ.

Мечи швои и копя вредны
Я въ плуги и въ серпы скую;
Пребудушь всѣ поля безбѣдны,
Ошвергнувъ люпу власшь швою:
На мѣстѣ брани и раздора:
Цвѣтш свои рассыплешъ Флора.
Разишь не будешъ сѣрный прахъ
Сквозь воздухъ, огонь и смершь въ полкахъ,
Но озаривъ веселы ноци,
Восхишишь зрящихъ духъ и очи.

Еще пламенная мысль мушился!
Я слышу стихотворцевъ шумъ,
Кошорыхъ жаръ не погасишся,
И будешъ чпущихъ двигашъ умъ;
Зависшно на меня взирая,
И съ жалосшию въздыхая,
Ко мнѣ возносяшь скорбный гласъ:
О коль ты щаспливѣ насъ!
Нашъ слогъ исполненъ басней живыхъ:
Твой сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ.

На что бы вымышляли намъ ложно
Безъ вещи имена однѣ,
Когдабы было намъ возможно
Рожденнымъ въ Росской бышь спранѣ
Въ сіе благословенно время,
Въ кошорое Пешрово сѣмя,
Всѣхъ жень хвала ЕЛИСАВЕТЪ
Сладчайшій Музамъ вѣкъ даешъ.
Въ ней зряшся истинны доброты,
Геройство, красота, щедроты.

Что шоль пріятный сонъ смущаетъ,
Воспоргъ пресладкій гонитъ прочъ,
И что спокойну бранъ скрываетъ,
И ошвращаетъ ясну ночь?
Возноситъ Вспокъ и Западъ клики!
Согласно разные языки
Гласитъ къ Монархинѣ своей:
Господь ущербомъ нашихъ дней
Умножь швои дражайши льста
Къ ошрадѣ и зацшишъ свѣста.

Когда бы древни вѣки знали
Твою щедроту съ красотой,
Тогда бы жершвой почищали
Прекрасный въ храмѣ образъ швой.
Чтошожъ будущіе скажутъ роды?

Часть I.

Покрышы кораблими воды
И грады, гдѣ былъ прежде лѣсъ,
Возвысяшъ гласъ свой до небесъ:
Великій ПЕТРЪ намъ даль блаженство,
ЕЛИСАВЕТА совершенство.

Цѣлуй, Пешрополь, шу десницу,
Которой долго шы желаль:
Ты паки зришь Имперашрицу,
Чшо въ сердцѣ завсегда держаль.
Не шакъ поля росы жаляють,
И въ зной цвѣшы опшъ жажды шаютъ;
Не шакъ способныхъ вѣшровъ ждешъ
Корабль, чшо въ шихій поршъ плывешъ,
Какъ сердце наше къ ней пылало,
Чшобъ къ намъ лице ея сіяло.

Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуи пѣмъ шворцамъ,
Чшо носяшъ лавръ похваль зеленый,
Доволенъ будь собою самъ:
Твою усерднѣйшую ревность
Ни гнѣвъ спихій, ни мрачна древность
Въ забвеніи не могутъ скрыть,
Кшпору будущъ въ вѣкъ хранишь
Дѣла Пешровой дщери громки,
Чшо спануть поздны чеспъ попомки.

О Д А Ш.

НА ПРИВЪТІЕ ИЗЪ ГОЛСТИНИИ И НА
ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАря ВЕЛИКАГО
КНЯЗЯ ПЕТРА ѲЕОДОРОВИЧА 1742
ГОДА ФЕВРАРЯ 10 ДНЯ.

Дивишся нынѣ вся вселенна
Премудрымъ Вышняго судьбамъ,
Чшо опъ напастей злыхъ спасенна
Россія зришь конецъ бѣдамъ;
И чшо уже ЕЛИСАВЕТА
Злашья въ ону вводишь лѣша,
Избавивъ опъ насильныхъ рукъ.
Красуюшся Пешровы спѣны,
Чшо къ нимъ его приходишь внукъ
Прекрасной АННОИ днесъ рожденный.

Въ сіе благопріятно время,
Когда всецѣдный нашъ Творецъ
Возспавиль намъ Пешрово племя,
И нашей скорби даль конецъ,
Ужь съ радосшью любовь согласно
Вездѣ ликуюшъ безопасно.
Всего народа весель шумъ,
Какъ гласъ водъ многихъ въ верьхъ возводишь,
И мой опрады полный умъ
Восхищивъ шѣмъ, въ восшоргъ приводишь.

Воинскій звукъ оставя, Беллона,
И, Марсь, вложи свой шумный мечь,
Чшобъ спройнось праздничнаго шона
И Музь поющихъ нынѣ рѣчь
Едина громко разносилась,
И съ нашей радостью сравнилась;
Чшобъ воздухъ, море и земля
ЕЛИСАВЕТУ возглашали,
И купно съ ней Пепра хваля,
Моей бы лирѣ подражали.

Богиня, коея державу
Обьяшь не могутъ семь морей,
И громкую повсюду славу
Едва вмѣстипь вселенной всей!
Твоя надежда совершилась,
И радость паки обновилась:
Ты зришь Великаго Пепра
Какъ Феникса воскресша нынѣ;
Дражайшая швоя сеспра
Жива въ своемъ любезномъ сынѣ.

О коль велика добродѣшель
Въ Пепровыхъ дняхъ цвѣшеть!
Коль славень Сѣвера владѣшель
Въ шебѣ, Россія, возрастеть!
Онъ ради швоего блаженства

Даровъ достигнешь совершенства:
И щасше бѣгъ оспановишь
Любовью оныхъ восхищенно,
Союзъ съ шобою ушвердишь,
И вѣчно будешь непремѣнно.

О плодъ ошъ корене преславна,
Дражайшая Пешрова кровь,
Къ шебѣ горишь уже издавна
Россiянь искренна любовь!
Пешрополь по шебѣ шерзался,
Когда съ шобою разлучался
Еще въ зачашii швоемъ.
Сердца жалвнѣемъ закипѣли,
Когда подъ дерзкимъ кораблемъ
Балшійски волны побѣдили.

Какъ машь спенаньемъ и слезами
Крушишся о сынѣ своемъ,
Чшо онъ прошивными вѣпрами
Ошгнанъ живешь въ краю чужемъ,
Она минушы всѣ счишаешь,
На брегъ по всякой часъ зриаешь,
И просишь щедры небеса:
Россiя шакъ шебя желала,
И чрезъ пучину и лѣса
Усердны мысли просширала.

Но нынѣ радости умножаешь
Желанный нами пивой приходишь;
И крошешь нѣба общаешь
Возвысишь пѣмъ Россійскій родъ.
Спихи сами предъявляютъ,
Чего всѣ Россы ожидаютьъ.
Здѣсь теплый воздухъ повѣвалъ
Съ любовью нашею согласно;
Весну пріятну предвѣщала,
Какъ ждали мы тебя всечасно.

Коликой славой днесъ блиспаешь
Сей градъ въ прибышии пивоемъ!
Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаешь
Въ проспранномъ зданіи своемъ;
Но воздухъ наполняешь плескомъ,
И ноши пѣму онъемлешь блескомъ.
Ахъ ешьлибъ нынѣ Россовъ всѣхъ
Къ тебѣ горяща мысль открылась;
Тобѣ мрачна ночь отъ сихъ ушѣхъ
На вѣчной день перемѣнилась!

Намѣспница Всевышней власши,
Что родомъ, духомъ и лицемъ
Восходишь выше смертныхъ часши,
Прехвальна, совершенна всѣмъ,
Въ кошорой всѣхъ даровъ изрядство,

Съ величешвомъ цвѣщеть пріяшешво,
Кому возможно описашь
Твои доброшы всѣ подробну?
Какъ развѣ только указашь
Въ Пешрѣ природу въ шомъ подобну.

Но спѣшно шоль куда возводишь
Внезапно мой плѣненный взоръ?
Видѣніе мой духъ возводишь
Превыше Фессалійскихъ горъ!
Я дѣву въ солнцѣ зрю споящу,
Рукою опроча держащу
И всѣ спраны полночны съ нимъ.
Украшена кругомъ звѣздами
Разишь перуномъ внизъ своимъ,
Гоня прошивноши съ бѣдами.

И вѣчношь предсшоишь предъ нею,
Разгнувши книгу всѣхъ вѣковъ,
Клянешся небомъ и землею
О щасшь будущихъ родовъ,
Что къ Россамъ будешь непременно,
Пешровой кровью ушвержденно.
Ошверзлась дверь, не видѣнь край,
Въ проспраншвѣ заблуждаетъ око,
Цвѣщеть въ Россіи красной рай,
Просшерпъ во всѣ спраны широко,

Млеко́мъ и медомъ напоены
Тучнѣюшъ влажны берега,
И яснымъ солнцемъ освѣщенн
Смѣюшся злачны луга:
Съ полудни вѣешъ духъ смиренный,
Черезъ плодъ земли благословенный:
Ушихъ свирѣпый вихрь въ моряхъ;
Владѣешь пишина полями,
Спокойствѣ царствуешь въ градахъ,
И миръ просперся надъ водами.

Увидѣвъ времена злая
Среди градовъ своихъ и сель,
Гласишь спасенная Россія
Къ защитницѣ своихъ предѣль:
Тебѣ я подданныхъ питаю,
И храбру кровь ихъ ободряю,
Чтобъ щую за себя пролишь.
Ахъ, чтобы къ удивленью свѣща
Изволилъ Вышній утвердишь
Пресполь Пешровъ чрезъ вѣчны лѣща!

О Д А IV.

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ИМПЕ-
РАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАря
ВЕЛИКАГО КНЯзя ПЕТРА ѠЕОДО-
РОВИЧА 1743 года.

Уже враща опровергло лѣшо;
Нашура спавишь общій пирь;
Земля и сердце въ насъ нагрѣшо;
Колелешь въшъви шихъ Зефирь,
Объемлешь мягкій лугъ крылами;
Крушинися чистый покъ полями;
Брега пишаешь пучный иль;
Древа и цвѣшь покрылись медомъ;
Ведешь своимъ довольство слѣдомъ
Поспѣшно ясный вождь свѣшилъ.

Но о небесь пресвѣшло око,
Веселыхъ дней прекрасный царь!
Какъ наша радость, вспань высоко,
Пролей чистѣйшій лучъ на шварь,
Въ прекрасну облекись порфиру,
Явись великолѣпнень міру,
И въ новомъ блескѣ вознесись,
Въ злашую сѣдши колесницу,
Въ зенишь всшупи, прошедь границу,
Позднѣе¹⁾ въ Океанъ спуспись.

1) И позже.

И пѣмъ почши Пешрова внука,
Сіяй, какъ нашъ веселый духъ
Горишь ошъ радостнаго звука,
Копорый въ нашъ внушаешь слухъ
Младаго шумъ орла паряща,
И предкамъ въ слѣдъ взлещѣшь спѣшаща,
На миръ возрѣшь, искашь побѣдъ.
Онъ выше буръ и шучь промчился,
Прошивъ перуновъ ополчился,
Однимъ обозришь взглядомъ свѣшь.

Какой веселый ликъ приходишь?
Се вѣчношь ошъ проспиранныхъ нѣдръ
Великій рядъ вѣковъ приводишь,
Въ нихъ будешь жишь Великій Пешръ
Тобой, Великій Князь Россійскій.
Въ Тебѣ весь Нордъ и край Асійскій
Воскресшу прежню чшишь любовь.
Какъ въ гробъ лице Пешрово скрылось,
Въ сей день веселья солнце шмилось;
Но днесь шобою свѣшишь вновь.

Тебѣ Россія вся опкрыла,
Кленуцись Вышняго рукой:
Я въ сердцѣ много лѣшь шайла,
Чшо мнѣ достоишь жишь шобой;
Мнѣ полдень съ ушромъ вдутъ вшпунаешь,

Весна цвѣтши и плодъ являетъ
Въ возлюбленной душѣ швоей.
Но грудь пронзишь народовъ льспивныхъ
Ужасный лучъ, въ полки прошивныхъ
Близшая изъ швоихъ очей.

Возвысися какъ кедръ высокій
Надъ сильныхъ всѣхъ швоя глава;
Ты какъ змию попрешь пороки,
Пяшой наступишь шы на льва.
Твоими самъ Господь усшами
Завѣшь во вѣкъ посшавишь съ нами;
И крѣпче Маврипанскихъ горъ
Твои плещи Пешромъ скрѣпленны
И силой свшше облеченны
Надѣждный будущъ намъ подпоръ.

Просшрешь свои державны длани,
Ко Вышнему за насъ въ церквахъ,
Покажешь мечъ и спрахъ въ день брани
Подобно какъ швой дѣдъ въ полкахъ:
Премудрость сядеть въ судъ въ шобою,
Изгонишь леспъ и ковъ съ хулою;
И мужество швои чресла
Скрѣпишь для общей нашей чесши,
Защитишь насъ къ прошивныхъ месши,
Дабы изшоргнушь корень зла.

Подъ инну Трою вновь приступишь
Россійскій храбрый Ахиллесъ,
Продерзкій мечъ враговъ приступишь,
Хвалою взойдешь къ верьху небесъ.
Ошрада пойдешь въ слѣдъ ошрадъ
И плески плескамъ вѣснѣ дадушь:
Господь щедроты въ насъ пробавишь,
И больше насъ побой прославишь,
Какъ съ шрепешомъ враги падушь.

Мой духъ шечепъ къ предѣламъ свѣша,
Охошой храбрыхъ дѣлъ плѣненъ,
Въ восшоргѣ зришь грядущи дѣла
И грозный древнихъ видѣ времянъ:
Холмовъ Ливанскихъ верьхъ дымишся!
Тамъ Наввинъ, иль Сампсонъ спремился!
Текутъ струи Евфратски вспиашъ!
Онъ Тигровъ челюсти шерзаешъ,
Волнамъ и вихрямъ запрещаешъ,
Велишь лунѣ и солнцу спашъ.

Фиссонъ шумишь, Багдадъ пылаешъ,
Тамъ вопль и звуки въ воздухъ бьютъ,
Ассирски снѣны огнь шерзаешъ,
И Тавръ и Кавказъ въ поншѣ бѣгутъ.
Единъ шрясешъ свирѣпнымъ Югомъ

И дальнимъ вспочныхъ спранъ округомъ,
Сильнѣйшій горъ, огня, вѣспровъ,
Опмсшипель храбръ враговъ сварливыхъ,
Карашель спранъ въ союзѣ лживыхъ
Россійскій родъ и плодъ Пешровъ.

Однако еспшли врагъ оспавишь
Коварну зависшь самъ собой,
То насъ желанный миръ прославишь,
И шѣмъ возвысишь насъ Герой.
Спихи́и дросшь укроцайше,
Туманы въ ясны дни распайше,
Являй веселый небо зракъ,
Цѣлуйшесь громы съ шишиною,
Упейся молнія росою,
Спанъ рядъ планешъ въ щаспливый знакъ.

Въ брегахъ да лющся шяхо рѣки,
Не смѣя чрезъ предѣль спуйишь;
Да придушъ всѣ спраны далеки
Съ концевъ земныхъ шебѣ служишь.
Воззри на свѣта паръ проспранный,
Воззри на поншь шебѣ подспланый,
Воззри въ безмѣрный кругъ небесь;
Онъ зыблешся и помаваешъ,
И славу зрѣшь пвою желаешъ,
Свѣщящихъ шямами въ немъ очешъ.

Возри на прудъ и громку славу,
Что свѣпъ въ Пешрѣ неложно чпишь;
Нешунъ позналъ его державу,
Съ Минервой сильный Марсъ гласишь:
Онъ богъ, онъ богъ швой былъ, Россія,
Онъ члены взялъ въ шебѣ плошскія,
Сошедъ къ шебѣ ошъ горьникъ мѣшъ;
Онъ нынѣ въ вѣчноспи сienesъ,
На внука весело зриаешь,
Среди Героевъ, выше звѣздъ.

Творецъ и Царь небесъ безмѣрныхъ,
Испочникъ лѣшъ, вѣковъ Ошець,
Услыши гласъ Россіанъ вѣрныхъ
И чисту искренноспъ сердець!
Какъ еспъли сей предѣлъ положень,
Что выше спепень не возможень,
Куда дѣлами Пешръ возшелъ;
Яви сію щедросту съ нами,
Да превзбидешъ его лѣшми
Наслѣдникъ имени и дѣлъ.

8

О Д А - V.

На день брачнаго сочетанія Ихъ
Императорскихъ Высочествъ Госу-
даря Великаго Князя ПЕТРА ТЕО-
ДОРОВИЧА и Государыни Великия
Княгини ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЪ-
ЕВНЫ 1745 года.

Не садъ ли вижу я священныи
Въ Едемъ Вышнимъ насажденный,
Гдѣ первый узаконенъ бракъ?
Въ черпогъ богиня въ славу входить,
Любезнѣйшихъ супруговъ вводить,
Плѣняющихъ сердца и зракъ.
Въ одномъ Геройской духъ и сила
Цвѣшущъ во дняхъ уже младыхъ,
Въ другой напура испожила
Богатство всѣхъ красотъ своихъ.

Исполнилъ Богъ свои совѣщанья
Съ желаніемъ ЕЛИСАВЕТЫ;
Красуйся свѣшло Россій родъ.
Се паки Пещръ съ Екашериной
Велелья общаго причиною:

Ликуйте сонмы многихъ водъ.
Рифейскихъ горъ верьхи неплодны
Одъньшесь въ нѣжный цвѣтъ лилей;
Пустыни и поля безводны
Излейте чистый шокъ ключей.

На Вспокъ, Западъ и Югъ,
Во всемъ проспранномъ свѣта кругъ
Ужасны Россіе полки
Мечи и шлемы опложише,
И въ храбры руки днесъ возмише
Зелены вѣшви и цвѣшки,
Союзы царства ушверждайте
Въ предѣлахъ вашихъ шишину,
Вы бурны вихри не держайте
Подвигнушь нынѣ глубину.

Дѣвиць и юношъ красныхъ лики
Вносише радосные клики
По мягкимъ шихихъ рѣкъ брегамъ.
Пусть гласъ веселый раздаешся,
Пусть сей пріяшный гласъ промчешся
По холмамъ, роцамъ и лугамъ:
Къ утѣхъ Роскаго народа
Петра съ Екашеріной вновь
Счешаешъ щасье и порода,
Пригожшво, младосшь и любовь.

Какъ сладкій сонъ вливаешь въ члены
Во дни 1) прудами изнуренны,
Оспраду, легкоешь и покой;
Такъ мысль въ весельѣ ушопашь.
О коль прекрасенъ свѣтъ блискаешь,
Являя видъ спраны иной!
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
Межъ бисерными 2) облаками
Сіяешь злато и лазурь.

Криспальны горы окружающъ,
Спруи прохладны обшекающъ
Усыпанный цвѣтами лугъ.
Плоды румянцомъ излещренны,
И вѣшью медомъ орошенны
Весну являющъ съ лѣшомъ вдругъ.
Воспоргъ всѣ чувствва возхищашь!
Какая сладосшь льешся въ кровь?
Въ жару приятномъ сердце шашь!
Не шамъ ли царшвуешъ любовь?

И горлицъ нѣжное вздыханье,
И чистыхъ голубицъ лобзанье
Любви являющъ шамо власшь.
Древа лисшами помавающъ,
Другъ друга вѣшьюми обнимающъ,

1) Черезъ день.

2) Между млечными.

Въ бездушныхъ 1) шамъ любовна спрасшь!
Ручьи во слѣдъ ручьямъ крушашся,
То гоняшь, шо себя манышь,
То прямо къ другу другъ спремяшся,
И слившись межъ собой журчашъ.

Нарциссъ надъ ясною водою,
Плѣненъ своею красошою,
Стоишь, любуясь самъ собой.
Зефиръ, какъ шы по берегу дуешь,
Шо крапъ лисшки его цѣлуешь,
И сладкой пѣв кропишь росой.
Зефиръ сихъ нѣжныхъ мѣспъ хранишель,
Куда свой правишь съ нихъ полеть?
Зефиръ кушповъ и роцъ любишель,
Чшо прочъ онъ нихъ пѣбя влечешъ?

Онъ легкими шумишь крилами,
Взвиваешся подъ небесами,
И льешъ на воздухъ аромашъ;
Царицу мѣспъ любовь срѣпашъ,
Порфиру и власы взвѣвашъ;
Она спѣшишь въ свой свѣшлый градъ.
Индійскихъ рѣкъ берега веселы,
Хопъ вѣчна васъ весна песпришь,
Не чудны ваши мнѣ предѣлы,
Мой духъ красу любви зришь.

1) Зрю любовну спрасшь.

Какъ упрення заря сіяешь,
Когда день ясный обвѣщаетъ,
Румянишь синій горизонтъ;
Лице любви шоль прекрасно.
Въ ночи горяшь коль звѣзды ясно,
И проникаюшь шихій поншь;
Подобно сей Царицы взгляды
Сквозь души и сердца идушь,
Съ надеждой смѣшанны ошрады
Въ объятихъ спрасшью мысли лющъ.

Бѣлѣйшей мрамора рукою
Любовь несешь передъ собою
Младыхъ супруговъ свѣшлый ликъ;
Сама смотря на нихъ дивишся,
И полкъ всѣхъ нѣжношей шѣснишся,
И къ онимъ шщашельно приникъ;
Крутомъ ея умильны смѣхи
Взирающихъ пѣвняюшь грудь,
Приятности и всѣ ушѣхи
Цвѣшнами ушпилаюшь пушь.

Усердна вѣрность принимаешь
Носимый ликъ и посшавляешь
На крѣпкихъ мраморныхъ сполпахъ,
Сребромъ чисшѣйшимъ обведенныхъ,
И шакъ опъ вѣка ушвержденныхъ,

Какъ въ шпяхкихъ Таврскихъ нушрь горахъ;
Бурливыхъ вихрей не боишься,
И презираешь молній блескъ,
Ошъ мрачныхъ шучъ бѣжаешь не шцишься,
Въ ничшо вмѣняешь громовъ шрескъ.

Не самъ ли въ арфу ударяешь
Орфей, и камня оживляешь,
И слѣдомъ водишь хоръ древесъ?
Любовь, и съ нею возклицаюшь
Лѣса, и громко возвышаюшь
Младыхъ супруговъ до небесъ.
Въ пригоркахъ бьюшь ключи прозрачны,
Сверькая въ солнечныхъ лучахъ,
И сыплюшь чрезъ долины злачны,
Чѣмъ блещешь Ормъ въ своихъ краяхъ

Каспальски Нимфы ликовспвуюшь,
Съ любовью купно поржеспвуюшь,
И движущъ плесками Парнасъ:
Надежда оныхъ ободряешь,
Надежда шверда возбуждаешь
Возвысишь громко брачный гласъ:
Надежда общаешь явно;
Онъ себѣ съ весельемъ ждушь
Имѣшь въ Россіи имя славно,
Щедрошой ободренный шрудъ.

О вѣпвъ опъ корене Пешрова
Для всѣхъ полночныхъ спранъ покова
Благополучно возрашай.
О щедрая Екашерина !
Ты процвѣщай краснѣ крина,
И сладки намъ плоды подай.
Опъ васъ Россія ожидаетъ
Щасшливыхъ и спокойныхъ лѣтъ ;
На васъ по всякой часъ взираетъ,
Какъ на всходящій дневный свѣтъ

Теперь во всѣхъ градахъ Россійскихъ
По селамъ и въ степяхъ Асійскихъ
Единогласно говорятъ :
Какъ Богъ продлишь чрезъ вѣчно время
Дражайшее Пешрово племя,
Щасшлива жизнь и нашихъ чадъ :
Не будешь спрашной 1) ужъ премѣны,
И опъ Россійскихъ храбрыхъ рукъ
Разсыплются прощивныхъ спѣны,
И сильныхъ изнеможатъ лукъ.

Пешрь силою десницы
Россійски распросплетъ границы,
И въ нихъ спокойство ушвердитъ.
Дражайшія его супруги
Вездѣ прославятся заслуги,

1) Спрашныя.

И свѣтъ щедроша удивишь.
Онъ добродѣшель чрезъ награду
Въ народъ будешь умножать;
Она предсшашельсшвомъ опраду
Пошщися бѣднымъ подавашъ.

Опъ Иберовъ до водъ Курильскихъ,
Опъ вѣчныхъ льдовъ до шокровъ Нильскихъ,
По всѣмъ народамъ и спранамъ
Вашъ слухъ пріятный прошекаетъ,
Лзыки многи услаждаетъ,
Какъ благовонный еиміамъ.
Коль сладко пупникъ почиваетъ
Въ гусшой шравѣ, гдѣ ключъ печетъ;
Свое шакъ сердце ушѣшаетъ,
Смошря на васъ ЕЛИСАВЕТЪ.

Съ горящей, солнце, колесницы,
Низведъ пресвѣшля зѣницы,
Проспранный видишь шаръ земной,
Въ Россійской шы державѣ всходишь,
Надъ нею дневный пупъ преводишь,
И въ волны кроешь пламень свой.
Ты нашей радости свидѣшель,
Ты зришь усердій нашихъ знакъ,
Чшо нынѣ намъ послалъ содѣшель
Чрезъ сей благословенный бракъ.

О боже, крѣпкій Вседержитель!
Поддай, чшобъ Россю обновитель
Въ попомкахъ вѣчно жить своихъ:
Вспомяни его заслуги,
И преклонивъ небесны круги,
Благослови супруговъ сихъ.
Съ высокою пвоихъ, ЕЛИСАВЕТЪ
Посли свѣшную благодать,
Сподоби шу въ грядущемъ лѣшѣ
Пешрова первенца лобзашъ.

О Д А VI.

НА ДЕНЬ ВОЗШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙ-
СКІЙ ПРЕСТОЛЪ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУ-
ДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ
ПЕТРОВНЫ САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОС-
СІЙСКІЯ 1746 ГОДА.

На верьхъ Парнаскихъ горъ прекрасный
Спремисья мысленный мой взоръ,
Гдѣ воды пропекають ясны,
И прохлаждають Музъ соборъ.
Меня не жажда спруй прозрачныхъ,
Но шумъ приятный въ рощахъ зланныхъ
Поспѣшно радостна влечешъ:
Тамъ холмы и древа взываютьъ,
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
До самыхъ звѣздъ ЕЛИСАВЕТЪ.

И се уже рукой багряной
Врапа опверзла въ міръ заря,
Онь ризы сыплешъ свѣтъ румяной
Въ поля, въ дѣса, во градъ, въ моря,
Велишь ночнымъ лучамъ склонишься
Предъ свѣтлымъ днемъ и въ шверди скрышься,
И шѣмъ почишь его приходъ.
Онь блескъ и радость изливаешь
И въ красны лики созываешь
Спасенный днесъ Россійскій родъ.

Взирая на дѣла Пешровы,
На градъ, на флощь и на полки
И купно на свои оковы,
На сильну власшь чужой руки,
Россія ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякой часъ взывала
Къ тебѣ защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни намъ Пешрово племя,
Утѣшь печаль 1) швоихъ людей.

Покрой опечески законы,
Полки прошивныхъ опжени,
И свяспши швоей короны
Чужимъ коснушьсѣ возбрани,
Опъ церкви опшраши налоги:
Тебя Монарши ждушь черпоги,
Порфира, скипешрь и прешполь;
Всевышній пойдешь предъ шобою
И крѣпкою тебѣ рукою
Опъ страшныхъ защитишь всѣхъ золь.

Какую чувспвуешь премѣну
Желаніемъ вперенный духъ?
Се мысль внезапно возхищенцу
Веселый ободряешь слухъ!
Уже со многими народы

1) Утѣшь.

Гласишь зеирь, земля и воды,
И камни вопіюшь шеперь!
Къ намъ щедро небо преклонилось,
И щасье наше обновилось:
На пронь взошла Пешрова дщерь.

О ушра чась благословенный,
Дражайшій намъ злапыхъ вѣковъ!
О вѣспникъ щасья вождельный
Для насъ и будущихъ родовъ!
Ты коль велику даль опраду,
Когда оцкрыль Пешрову граду
Избавльшія богини зракъ!
Мы въ скорбной шемношъ заснули,
Но въ радости ошъ сна воспрянули,
Какъ шы ночный разсыпаль мракъ.

Уже народъ нашъ оскорбленный
Въ печальнѣйшей ноци сидѣль:
Но Богъ смошря въ концы вселенны,
Въ полночный край свой взоръ возвелъ,
Взглянулъ въ Россію крошкимъ окомъ,
И видя въ мракъ шу глубокомъ,
Со власшью рекъ: да будешь свѣшь.
И бышь! о цвари обладашь!
Ты паки свѣша намъ Создашь,
Чшо извелъ на пронь ЕЛИСАВЕТЬ.

О день блаженный, день избранный
Для щасія полночныхъ спрань!
Тобой сугубо осіанный
Востокъ и льдисшый Океанъ
Свои колѣна преклоняющъ,
И жершву нынѣ возжигаютъ
Усердну въ радоспныхъ сердцахъ
Предъ солнцемъ на земли свѣщающимъ,
Чшо намъ въ печальной шемѣ сѣдящимъ
Проливши свѣшь, ошгнало спрахъ.

Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Чшо море въ яросши своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земли спенала ошъ зыбей,
Чшо вихри въ вихри ударялись,
И шучи съ шучами спирались,
И успремлялся громъ на громъ,
И чшо надушы водъ громады
Текали покрышь просшранны грады,
Сравняшь хребшш горъ съ влажнымъ дномъ.

Я духомъ зрю минувше время,
Тамъ грозный злился Исполинъ
Разсыпашъ земнородныхъ племя,
И разрушишь нашуры чинъ!
Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,

Льсясны съ мѣспъ бугры хватаешъ,
И въ швердь сквозь облака разишъ.
Сиканской какъ Вулканъ 1) дымишся,
Такъ мгла изъ челюстей куришся,
И помрачаешъ солнце видъ.

Но о прекрасная планета,
Любезное свѣшило дней!
Ты нынѣ чрезъ предѣлы свѣта
Просперши блескъ швоихъ лучей,
Спасенный Сѣверъ освѣщаешъ,
И къ намъ веселый видъ склоняешъ,
Взирая на ЕЛИСАВЕТЪ
И купно на ея доброшны:
Опъ ней шекушъ на всѣхъ щедрошны,
Какъ швой повсюду явный свѣщъ.

О вы недремлющія очи
Сшрегутщія небесный градъ!
Вы бодршвуя во время ночи,
Когда покоясь смершны спяшъ,
Взираше сквозь шѣнь гущую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оной часъ
Впрошивъ ешеспшвенному чину
Пешрову зрѣли дщерь едину,
Когда пошла избавишъ насъ.

1) Какъ Эшна въ яросши.

Сладка плодамъ во время зною
Прохлада влажныя росы,
И сонъ подъ шѣнью дровъ густою
Пріяшенъ въ жаркіе часы;
Но вящшу радость ощущаетъ
Мой духъ, когда воспоминаешь
Россійскія опрады день.
Еще приходитъ плескъ во уши!
Плѣняюща сердца и души
Тогдашней ноци зрился шѣнь!

По спогнамъ шумный гласъ несещя
ЕЛИСАВЕТИНЫХЪ похвалъ,
Въ полкахъ спокрашно раздаеся:
Великій Пётръ изъ мерзвыхъ вспалъ!
Мы пройдемъ съ нимъ сквозь огонь и воды,
Преодолимъ бури и погоды,
Пославимъ грады на рѣкахъ,
Мы дерзкій взоръ враговъ пошупимъ,
На горды выи ихъ насшупимъ,
На грозныхъ спанемъ мы вадяхъ.

Коль наша радость справедлива,
Нашъ красилъ сладоспный покой!
О коль, Россія, ты щасплива
ЕЛИСАВЕТИНОЙ рукой!
Прошивны силъ ея спрашанся,

И купно милоспи чюдяпся.
Таковъ Екашерининъ ликъ
Былъ щедръ и крошокъ и прекрасень;
Таковъ былъ Пешрѣ врагамъ ужасень,
Своимъ ошець, вездѣ великъ.

Чшо вы, о поздніе пошомки!
Помыслише о нашихъ дняхъ?
Дѣла Пешровой дщери громки
Предспавивъ въ мысленныхъ очахъ,
И видя зракъ изображенный,
Среди героевъ вознесенный,
Чшо молвише между собой?
Не всякъ ли скажешъ бышь чудесно,
Увидѣвъ мужесшво совмѣсно
Съ полякой купно красшой!

'Велико дѣло ешь и знашно
Сердца народовъ привлещи,
И спранно всѣмъ и непоняшно
Полю свѣта взяшь въ одной ноци!
Но кое сердце шоль жеспко,
Копоробъ сей богини око
Не сильно было умягчишь?
И кая можешъ власнь земная,
На дщерь и духъ Пешровъ взирая,
Себя прошиву ополчишь?

Пясть красть подь щаспливой державой
Цвѣшми красилась земля;
Спокрашной облеклися славой
Россійски грады и поля:
Сшояшь профеи вознесенны,
Цвѣшупть оливы насажденны
ЕЛИСАВЕТИНОЙ рукой,
Чшо новыхъ свѣшповъ досязаешъ,
Опъ шой Европа ожидаешъ,
Чшобъ въ ней воспшавлень былъ покой.

Хошя опъ смершныхъ сокровенно
Грядущихъ быше вещей;
Однако сердце просвѣщенно
Величешвомъ богини сей
На будущіе дни зриаешъ,
И больше щасше предвѣщаешъ.
Конецъ увидимъ оныхъ дѣлъ:
Чшо ради нашего блаженшва
На веръхъ посшавишь совершеншва
Всходящій въ небо Пешръ велѣлъ.

Кшо можешъ всѣ хвалы достойно
Сей Монархини сказашъ?
Чья Муза шоль красно и шройно
Предъ нею можешъ возыграшъ?
Я лиру нынѣ подвергаю

Спопамъ ея, и возглашаю:
Подай, о сильно божешво!
Да узряшъ многихъ лѣшъ округи
Ея къ опечешву заслуги
И свѣшло днешне шоржешво.

Да возраспешъ ея держава,
Богашешво, щаспье и полки,
И купно дѣль геройскихъ слава;
Какъ шокъ великія рѣки
Чѣмъ далѣ бѣгъ свой проспираешъ,
Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаешъ,
И множешво градовъ поишъ,
Разлившись на поля восходишъ;
Обильный шукъ на нихъ наводишъ,
И жашвы щедро богапишъ.

О Д А VII.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ Ея Величества Госу-
дарыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕ-
ТРОВНЫ Самодеержицы Всероссійскія
1746 года.

Въ сей день, блаженная Россія,
Любезна небесамъ спрана!
Въ сей день ошъ вышши свяпныя
ЕЛИСАВЕТЪ шебъ дана
Воздвигнуши 1) Пешра по смерши,
Гордыню сопосшаповъ сперши,
И ръ ужась оныхъ привесши,
Ошъ грозныхъ бѣдъ шебя избавишь,
Судей надъ царспвами посшавишь,
И выше облакъ вознесши.

О дщеръ гремящаго надъ нами!
О маши всѣхъ племень земныхъ!
Нашура чудная дѣлами,
Какъ еспьли шайнъ шы своихъ
Меня досшойнымъ бышь судила,
И еспьли слаба мыслей сила
Проникнушь 2) можешъ въ швой черпогъ;
Предспавъ мнѣ оную годину
И купно бѣгъ свѣпиль по чину,
Какъ Вышній далъ намъ сей залогъ.

1) Воздвигнушь намъ.

2) Приникнушь.

Сквозь тучи бывшія печали,
Что люшый рокъ на насъ навель,
Какъ горы о Пешрѣ рыдали,
И поншъ въ брегахъ своихъ ревѣль,
Сквозь спрашны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ войнами возмущенный
Я вижу шошъ пресвѣшлый часъ:
Тамъ вкругъ молодой ЕЛИСАВЕТЫ
Сіюшъ щасшливы планешы,
Я слышу шамъ напуры гласъ.

Сѣдя на блещущемъ пресполѣ,
Соспавленномъ изъ швердыхъ горъ,
Въ проспранномъ всѣхъ швореній полѣ
Между спихій смиряешъ споръ;
Сосцами всяку плошъ пишаешъ, 1)
Опъ чрева рѣки проливаешъ;
Зелену ризу по лугамъ
И по долинамъ разширяя,
Изъ успъ Зефирами дыхая,
Съ веселіемъ вѣщаешъ къ намъ.

„Я съ вами нынѣ шоржешвую,
Мнѣ сихъ часовъ краснѣ нѣшъ,
Что героиню шаковую
Въ сей день произвела я въ свѣшъ.
Въ ней хипросшъ вся моя и сила

1) Сосцами рѣки проливаешъ
И шѣми всяку шваръ пишаешъ.

Возможность крайню положила;
Я избрала щасливой знакъ
Надежду показашъ нелеспну:
Въ проспанну вышосу небесну
Прилѣжно возведише зракъ.

„Се сонце бѣгъ свой премѣняешъ,
И къ вамъ печешъ умножишъ день,
На Сѣверъ взоръ свой обращаешъ,
И онымъ прогоняешъ шѣнь,
Являя, что ЕЛИСАВЕТА
Въ Россіи усугубишъ свѣша
Державой и вѣнцемъ своимъ.
Ерміи наукамъ предводишель
И Марсъ на брани побѣдишель
Блискающъ совокупно съ нимъ.

„Тамъ мужъ звѣздами изпещренный
Свой свѣшлый напрягаешъ лукъ,
Діана спрѣлы позлащенны
Съ нимъ мещепъ изъ прекрасныхъ рукъ.
Се небо показуешъ ясно,
Колѣ по съ доброшами согласно.
Рожденныя въ признакахъ сихъ
Опъ ней геройство съ красошою
По всюду миромъ и войною
Лучи пускающъ дней злашихъ.“

Сіе предвѣстіе природы
Хотя представило тогда,
Что ты возвеселишь народы,
О главъ вѣнчанныхъ краса! —
Но вышня радость восхищала
Взирающихъ и оживляла,
Когда даровъ своихъ признакъ
Надежны въ лицѣ открылся,
Что почто въ немъ изобразился
Родителей великихъ зракъ.

Въ шебѣ прекрасный домъ создали
Душъ великой небеса,
Свое блиспанье изліяли 1)
Въ свои пресвѣшлы очеса,
Лице всходящія денницы
И бодрость бысприя орлицы
И въ нѣжнѣйшихъ являлись дняхъ;
Уже младенческіе взгляды
Предвозвѣщали шѣ опрады,
Что бѣднымъ нынѣ опъемлюшъ спрахъ.

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ крошоспью казнишь,
Безъ гнѣву злбныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
Такъ Ниль смиренно пропекаешь,

1) Блиспаніе вліяли.

Бреговъ своихъ онъ не перзаешъ ;
Но пользой выше прочихъ рѣкъ :
Своею сладкою водою ,
Въ лугахъ зеленыхъ пролишою ,
Злашой даешъ Египту вѣкъ .

Какъ ясно солнце изліло
Свой блескъ впервые на шебя ,
Ужъ щасшье руку просширало ,
Твои пріятности любя ,
Вѣнецъ держало надъ главою ,
И возвышало предъ шобою
Трофеи опщескихъ побѣдъ
Преславныхъ чрезъ концы земныя .
Коль щасшлива была Россія ,
Когда возрѣла шы на свѣшъ !

Тогда опть радосшной Полшавы
Побѣды Росской звукъ гремѣлъ ;
Тогда не могъ Пешровой славы
Вмѣспишь вселенныя предѣлъ ;
Тогда Вандалы побѣжденны
Главы имѣли преклоннены
Еще при пеленахъ пѣвоихъ ;
Тогда предьявлено судьбою ,
Чшо съ препешомъ передъ шобою
Падушъ полки попомковъ ихъ .

О сладкой нѣжности обилель!
О вы блаженныя мѣспа!
Гдѣ храбрый Гошеовъ побѣдильель
Лобзаль и въ очи и въ успа
Впервые плодъ свой вождельный,
Свой плодъ межъ лаврами рожденный:
Вась оныхъ радоспныхъ времянь.
Любезна память услаждаешь,
И оный день вамъ пребываетъ
Въ безсмертны 1) вѣки забывель.

Но се различныя языки
Ошь рѣкъ великихъ и морей
Согласныя возносятъ клики;
Къ шебѣ Монархинѣ своей
Сердца и руки просширають,
И многокрасно повшоряють:
„Да здравспвуетъ ЕЛИСАВЕТЪ,
Для Росской славы днесъ рожденна!
Да будешь свыше укрѣпленна
Черезъ множеспво щаспливыхъ лѣтъ!“

Сіе гласитъ шебѣ Россія
И купно съ ней наукъ соборъ.
Предвѣдущая Уранія
Возводитъ къ верьху быспрый взоръ,
Небесны бѣги наблюдаешь,

1) Въ безщепны.

И съ радостію составляешь
Вънець шебѣ изъ новыхъ звѣздъ.
Тебѣ искусство землемѣрно
Пространство показати безмѣрно
Незнаемыхъ желаешь мѣсти.

Поэзіи парящей ревности
Дѣла свои превознесешь ;
Ни гнѣвъ спихій, ни вещь древности
Похвалъ своихъ не пресѣчешь.
Открыши еспешива успавы
Твоей умножашъ громкость славы.
Но все художество свое
Тебѣ Иппократъ посвящаетъ,
И усугубишь шѣмъ желаешь
И вѣкъ и здравіе свое.

Да будешь шое невредимо,
Какъ верхъ высокія горы
Взираешь непоколебимо
На мракъ и вредные пары ;
Не можешь вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть,
Внесень къ безоблачнымъ шранамъ,
Ногами шучи попираешь,
Угрюмы бури презираешь,
Смѣлешся скачущимъ волнамъ.

О Д А VIII.

НА ДЕНЬ ВОЗШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ
ПРЕСТОЛЪ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМ-
ПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

1747 ГОДА.

Царей и царствъ земныхъ опрада
Возлюбленная шишина,
Блаженство сель, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣшъ песпрѣюшъ
И класы на поляхъ желтѣюшъ,
Сокровищъ полны корабли
Дерзаюшъ въ море за шобою,
Ты сыплешъ щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое свѣшило міру,
Блистая съ вѣчной вышины
На бисеръ, злашо и порфиру,
На всѣ земныя красны,
Во всѣ страны свой взоръ возводишь;
Но краше въ свѣтѣ не находишь
ЕЛИСАВЕТЫ и шебя.
Ты кромѣ шой всего превыше;
Душа ея Зефира шисше
И зракъ прекраснѣ рай.

Когда на пронь она вспутила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ ;
Тебя въ Россію возврашила,
Войнѣ посшавила конецъ ;
Тебя приявъ облобызала ;
Мнѣ полно шѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льещя шокъ.
Я Россовъ щасшѣемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойшвомъ не мѣняюсь
На цѣлый Западъ и Восшокъ.

Божешпвеннымъ усшамъ приличень,
Монархія, сей крошкѣй гласъ :
О коль досшойно возвеличенъ
Сей день и пошъ блаженный часъ,
Когда ошъ радосшной премѣны
Пешровы возышали сшѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ !
Когда ты кресшть несла рукою,
И на пресполь взвела съ собою
Доброшть швоихъ прекрасный ликъ !

Чшобъ слову съ оними сравняшся,
Досшашокъ силы нашей малъ ;
Но мы не можемъ удержашся
Ошъ шѣнія швоихъ похваля.
Твои щедрошпы ободряюшъ

Нашъ духъ и къ бѣгу успрямляють,
Какъ въ понюхъ пловца способный въспрь
Черезъ яры волны порываешь;
Онъ брегъ съ весельемъ оспавляетъ;
Лепишь корма межъ водныхъ нѣдръ.

Молчише пламенные звуки
И колебашъ преспанше свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширяшъ науки
Изволила ЕЛИСАВЕТЪ.
Вы наглы вихри не держайше
Ревѣшь, но крошкю разглашайше
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хочешь лира восхищенна
Гласишь велики имена.

Ужасный чудными дѣлами
Зиждишель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославишь въ наши дни;
Послалъ въ Россію челоуѣка,
Каковъ не слыханъ былъ опъ вѣка.
Сквозъ всѣ препяшсшва онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварсшвомъ 1) погранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

1) Грубоспью.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ спрашлся,
Свой мечъ въ Пешровыхъ зря рукахъ;
И съ шрепешомъ Непшунъ чудился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ спѣнахъ внезапно укрѣплена
И зданіями окружена
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась,
И съ онаго пунши склонилась,
Копорымъ прежде я шекла?

Тогда божешвенны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію проспирали руки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ шщаніемъ гошovy
Подашь въ Россійскомъ родѣ новы
Чиспѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣшь ихъ шруды.

Но ахъ жешпокая судьбина!
Безшмерція досшойный мужъ,
Блаженштва нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Зависшлывымъ ошпоржень рокомъ,

Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи Парнасски воспенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣшлый духъ.

Въ поликой праведной печали
Сомнѣнный ихъ смущался пушь;
И шокмо шесшвуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянушь.
Но крошкая Екашерина
Оспрада по Пешрѣ едина
Приемлеть щедрой ихъ рукой.
Ахъ ешьлибъ жизнь ея продлилась,
Давнобъ Секвана поспыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!

Какая свѣпlosigkeit окружаетъ
Въ поликой горесши Парнасъ?
О коль согласно щамъ бряцаешь
Припшныхъ спрунъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики;
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Пешрова дщерь
Щедроты ошчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ щасстью опшверзаетъ дверь.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можешь воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живешь:
Но рапники ему подваслѣны
Всегда хвалы его причасны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаешь,
И грому трубъ ея мѣшаешь
Плачевный побѣжденныхъ спонъ.

Сія шебъ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Проспранная швоя держава
О какъ шебъ благодарить!
Возри на горы преввысоки,
Возри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь печешъ;
Богапсшво въ оныхъ пошаенно
Наукой будешъ опкровенно,
Чшо щедроспью швоей цвѣшешъ.

Толикое земель пространсшво
Когда Всевышній поручиль
Тебѣ въ щаспливое поддансшво,
Тогда сокровища опкрыль,
Какими хвалишся Индія:

Но пребуешь къ шому Россія
Искусшвомъ ушвержденныхъ рукъ.
Сіе злапу очиспишь жилу,
Почувспвуюшь и камни силу
Тобой воспавленныхъ наукъ.

Хошя всегдашними снѣгами
Покрыша сѣверна спрана,
Гдѣ мерзлыми борей крылами
Твои взѣваешъ знамена;
Но Богъ межъ льдисшыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чиспой бысприной,
Какъ Ниль народы напаяешъ
И бреги наконецъ шеряешъ,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смершнымъ неизвесшны
Творишь нашура чудеса,
Гдѣ гущосшью живощнымъ шѣсны
Сшояшъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ шѣней
На пасшвѣ скачушшихъ еленей
Ловяшшихъ крикъ не разгонялъ;
Охошникъ гдѣ не мешиль лукомъ;
Сѣкирнымъ земледѣлецъ спшуккомъ
Поющихъ шшищъ не успрашалъ.

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ пупь свой проспирашь!
Твоей великодушной волю
Что можемъ за сіе воздашь?
Мы даръ швой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедрошъ швоихъ пославимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крушишь,
Желая паки возвратишь
Въ швою державу ошъ Манжуръ.

Се мрачной вѣчности запону
Надежда опровергаешь намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость шамо зиждешь храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажный флота пупь бѣлѣетъ,
И море шцишься уснуишь:
Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшишь въ невѣдомы народы
Твои щедрости возвѣспишь.

Тамъ швою оспрововъ посѣяшь
Рѣкъ подобенъ Океанъ;
Небесной синевою одѣяшь
Павлина посрамляешь вранъ.
Тамъ шучи разныхъ шцищъ лешаюшь,

Что пестрою превышающъ
Одежду нѣжныя весны;
Пишась въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ приятныхъ,
Не знаютъ спрогя зимы.

И се Минерва ударяешъ
Въ верхи Рифейски копиемъ,
Сребро и злато испекаешъ
Во всемъ наслѣдїи швоемъ.
Плушонъ въ разсѣлинахъ мяпешся,
Что Россамъ въ руки предаешся
Драгой его мешалль изъ горъ,
Копорой шамъ напура скрыла;
Ошь блеску дневнаго свѣшила
Онь мрачный опшвращашъ взоръ.

О вы, копорыхъ ожидаешъ
Опечесшво ошь нѣдръ своихъ,
И видѣшь шаковыхъ желаешъ,
Какихъ зовешъ ошь спранъ чужихъ,
О ващи дни благословенны!
Дерзайше нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показашъ,
Что можешъ собшвенныхъ Платоновъ
И быспрыхъ разумомъ Невшоновъ
Россійская земля раждашъ.

Науки юношей питаюшь,
Оспраду спарымъ подаюшь,
Въ щасливой жизни украшаюшь,
Въ нещасной случай берегущъ,
Въ домашнихъ трудностяхъ ушѣха,
И въ дальнихъ спранспвахъ не помѣха.
Науки пользующъ вездѣ,
Среди народовъ и въ пущинахъ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ шрудѣ.

Тебѣ, о милосши испочникъ!
О Ангель мирныхъ нашихъ лѣшъ!
Всевышній на шого помощникъ,
Кпо гордосшью своей дерзнешъ,
Завидя нашему покою,
Противъ себя возсманъ войною.
Тебя Зиждишель сохранишь
Во всѣхъ пушяхъ безпрепкновенну,
И жизнь швою благословенну
Съ числомъ щедрошъ швоихъ сравнишь.

О Д А IX.

На день возшествия на престоль Ея Ве-
личества Государыни Императрицы ЕЛИ-
САВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1748 года.

Заря багряною рукою
Опъ ушренныхъ спокойныхъ водъ
Выводишь съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебъ, Богиня, возсіяло:
И нашихъ искренносшь сердець
Предъ прономъ Вышняго пылаешъ,
Да щаспьемъ пвоимъ вьнчаешъ
Его средину и конецъ.

Да движупся свѣшила спройно
Въ предписанныхъ себъ кругахъ,
И рѣки да шекупъ спокойно
Тебъ въ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злосшь да изшребишся,
И огонь и мечъ да удалишся
Опъ спранъ пвоихъ и всякій вредъ;
Весна да размѣшся нѣжно,
И рапай въ нивахъ 1) безмяшежно
Сшеричный плодъ да соберешъ.

1) И земледѣлецъ.

Съ способными въпрами споря,
Терзашь да не дерзнешь Борей
Покрышаго судами моря,
Пловущими къ земли швоей.
Да всѣхъ глубокой миръ пишаешь,
Жельзо браней да не знаешь,
Служа въ шрудѣ безмолвныхъ селѣ,
Да злобна зависшь посшыдишся,
И славъ свѣшъ да удивишся
Твоихъ великодушныхъ дѣлъ.

Священны да храняшь усшавы
И правду на судѣ судьи;
И время швоея державы
Да ублажають раби швой.
Сосѣды да блюдушъ союзы;
И вамъ, возлюбленныя Музы,
За горьки слезы и за спрахъ,
За грозно время и плачевно
Да будешъ радосшь повседневно,
При Невскихъ обновясь спруяхъ.

Годину шу воспоминая,
Среди ушѣхъ мяшенся умъ!
Еще крушишся мгла густая,
Еще наносишь спрашды шумъ!
Тамъ буря искры завиваетъ;

И алчный пламень пожираешь .
Минервинь съ громкимъ прескомъ храмъ!
Какъ мѣдъ въ горнилѣ небо рдѣтся,
Богатство разума спремѣиши
На низъ къ преневающимъ ногамъ.

Дражайши Музы, опложите
Взводишь на мысль печали шѣнь;
Веселымъ гласомъ возгремяше,
И пойше сей великій день,
Когда въ опеческой коронѣ
Блеснула на Россійскомъ шронѣ
Яснѣ дня ЕЛИСАВЕТЪ;
Какъ ночь на полдень премѣнилась,
Какъ осень намъ съ весной сравнилась,
И пѣма произвела намъ свѣтъ.

Въ луга успанны цвѣтами
Царица прудолюбныхъ пчель,
Блестящими шумя крылами,
Летитъ между прохладныхъ сель;
Спекаешся оставивъ розы
И сопомъ напоены лозы,
Со щаніемъ ошвсюду рой,
Свою царицу окружаешь;
И шѣсно въ свѣдъ ея лешаешь
Усердіемъ вперенный спрой.

Подобнымъ жаромъ воспаленный
Спекался здѣсь Россійскій родъ,
И радостію восхищенный
Тѣснясь, взиралъ на пѣвой приходъ.
Младенцы купно съ сѣдиною
Спѣшили слѣдомъ за шобою.
Тогда великій градъ Пепровъ
Въ едину спогну умѣспился,
Тогда и вѣспрь ошпановился,
И плескъ 1) вносилъ до облаковъ.

Тогда во всѣ предѣлы свѣща,
Какъ молнія, достигнувъ слухъ,
Чшо царспвуесть ЕЛИСАВЕТА,
Пепровъ въ себѣ имѣя духъ.
Тогда неспройные сосѣды
Ошчаялись своей побѣды,
И въ мысли ошспунали вспяшь.
Монархиня, кшо Россовъ знаесть,
И ревностъ ихъ къ шебѣ внимаесть,
Помыслишь ли прошиву спашь?

Чшо Марсъ кровавый не дерзаесть
Руки своей просперши къ намъ,
Твой онъ силы почишаесть
И власшь подобну небесамъ.
Левъ нынѣ шокмо зришь ограду,

1) Чшобъ плескъ всходилъ. (

Чѣмъ пушѣ ему пресѣченъ къ сжаду.
Но море нашей шишины
Уже предѣлы превосходишь,
Своимъ избыткомъ миръ наводишь,
Разлившись въ западны спраны.

Европа упомянута въ брани,
Изъ пламени подъявъ главу,
Къ шебѣ свои просперла длани
Сквозь дымъ, куреніе и мглу.
Твоя крошчайшая природа,
Чѣмъ для блаженства смертныхъ рода
Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечъ швой лаврами обвишый
Не обнаженъ войну пресѣкъ.

Европа и весь міръ свидѣтель,
Народовъ разныхъ миліонъ,
Колика нынѣ добродѣтель
Россійскій украшаетъ прокъ!
О какъ сіе насъ услаждаетъ,
Что вся вселенна возвышаетъ,
Монархия, швой дѣла!
Народовъ швоея державы
Различна рѣчь, одежда, нравы,
Но всѣхъ согласна похвала.

Единымъ гласомъ всѣ зываемъ,
Что ны защитница и мать,
Твои доброты изчисляемъ;
Но всѣхъ не можемъ описатьъ.
Когда воспѣшь щедроты шщимся,
Безгласны красотѣ чудимся.
Побѣды славить мыслъ печешъ,
Какъ пали Готы предъ побою?
Но больше мирною рукою
Ты цѣлѣй удивила свѣшъ.

Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кпо дарами цѣль:
Тотъ крѣпкое имѣешь шѣло;
Но слабъ въ немъ духъ и умъ не зрѣль:
Въ другомъ блиспаешъ умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣешь шѣсный,
И духу силъ не доспаешъ.
Иной прославился войною;
Но жизнью миръ порочишь злою,
И самъ съ собой войну ведешъ.

Тебя, Богиня, возвышающъ
Души и шѣла красоты;
Что въ многихъ раздѣлясь блиспающъ,
Единая всѣ имѣешь ны.
Мы видимъ, что въ шѣбѣ единой

Великій Пепиръ съ Екашериной .
Къ блаженству нашему живець .
Похваль пучина ршоридась !
Смущенна мысль ошановилась ,
Чшо словъ къ шому не доспаець !

Однако духъ еще спремишся ,
Еще кипишь сердечный жаръ ,
И ревности умолчашь спыдишся :
О Муза , усугубь швой даръ ,
Глази со мной въ концы земныя ,
Коль нынѣ радостна Россія !
Она кошнувшись облаковъ ,
Конца не зришь своей державы ;
Гремящей насыщенна славы
Покоишся среди луговъ .

Въ поляхъ исполненныхъ плодами ,
Гдѣ Волга , Днѣпръ , Нева и Донъ
Своими числыми спруями
Шума , спадамъ наводишь сонъ ,
Съдишь и ноги просшираешъ
На спень , гдѣ Хину опдѣляешъ .
Просширанная спѣна опъ насъ ;
Веселый взоръ свой обращаешъ ,
И вкругъ довольства изчисляешъ ,
Возлегши лакшемъ на Кавкасъ .

„Се нашею, рекла, рукою
Лежишь поверженный Азовъ;
Рушишель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ!
Се знойные Каспійски бреги,
Гдѣ варварски презрѣвъ набѣги,
Сквозь степь и блаша Пепръ прошелъ,
Въ средину Азіи доспигнуль,
Свои знамена шамъ воздвигнуль,
Гдѣ день скрывали шучи спрѣль!

„Въ моей послушности крутящся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,
Гдѣ многіе народы щцащся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловишь звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣющся люшоссти Борел;
Чудовищамъ дерзающъ въ слѣдъ,
Гдѣ верьхъ до облакъ дроспираешъ,
Угрюмы шучи раздираешъ,
Поднявшисъ съ дна морскаго ледъ.

„Здѣсь Днѣпръ хранишь мои границы,
Гдѣ Гошеъ гордящійся упалъ
Съ поржешвенныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сармашовъ и Саксоновъ плѣнныхъ,

Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ
Единой обращалъ рукой.
Но палъ, и звукъ его доспигнулъ
Во веѣ спраны, и спрахомъ двигнулъ
Съ Дунайской Вислу бысприной.

„Въ спѣнахъ Пешровыхъ пропекаешъ
Полна веселья шамъ Нева,
Злашой 1) порфиною блиспаешъ
Покрыша лаврами глава.
Тамъ равной ревностью пылаюшъ
Сердца, какъ спогны всѣ сіяюшъ
Въ исполненной ушѣхъ ночи.
О сладкій вѣкъ! о жизнь драгая!
Пешрополь небу подражая,
Подобны испустилъ лучи.“

Сіе Россія восхищенна,
Въ веселіи своемъ гласишъ:
Москва едина на колѣна
Упавъ, передъ шобой споишъ,
Власы съдме проспираешъ,
Тебя, Богиня, ожидаешъ,
Къ шебъ единой вопія:
„Возри на храмы опаленны,
Возри на спѣны разрушенны;
Я жду щедроты швоея.“

1) Вѣнцемъ.

Гряди, краснѣйшая дѣвннца,
Гряди, и свѣшлостью лица
И блескомъ чистой багряницы
Ушѣшь печальныя сердца,
И время возвраши златое.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ шрудамъ.
Ошсущшвуя ты будешь съ нами;
Покрышымъ орлими крилами
Кпо смѣешь прикоснуться намъ?

Но ешъли гордостью ослѣпленна
Дерзнешъ на насъ воздвигнушь рогъ;
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Прощивъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ шебѣ преклонишь,
И пучи спрашныя нагонишь
Во срѣшене врагамъ швоимъ.
Лишь шолько ополчишься къ бою,
Предыдешъ ужась предъ шобою,
И слѣдомъ воскуришся дымъ.

О Д А Х.

Въ которой Ея Величеству благодареніе отъ сочинителя приносится за оказанную ему Высочайшую милость въ Сарскомъ сель, Августа 27 дня 1750 года.

Какую радость ощущаю?
Куда я нынѣ восхищень?
Небесну пищу я вкушаю,
На верхъ Олимпа вознесень!
Божественно лице сіяешь
Ко мнѣ, и сердце озаряешь
Блещающимъ лучемъ щедрошь!
Коль нѣжно Флоры здѣсь богашство!
Коль сродно воздуха прияшство
Богинѣ красныхъ сихъ высошь!

Чшо жъ се? Діанѣ я прекрасной
Уже послѣдую въ лѣсахъ,
Отъ коей хипросишь напрасной
Укрышься хочешь звѣрь въ кустахъ!
Уже и купно со денницей
Великолѣпной колѣсницей
Въ безоблачныхъ спранахъ несусь!
Блаженство мыслямъ непоняшно!
Благополучень многокрашно,
Когда нещещнымъ сномъ я льщусь!

Пресцань сомнѣнемъ колебашься,
Смященный духъ мой, и повѣрь:
Неложны шо мечпанья зряшся,
Но испинно Пешрова дщерь
Къ наукамъ машерски снисходишь,
Щедропою въ воспоргъ приводишь.
Ты, Муза, лиру прими,
И чшобъ услышала вселенна,
Коль жизнь наукамъ здѣсь блаженна,
Возникни, вознесись, греми.

Гдѣ древнимъ именемъ Славена
Гордяся, пролились спруи,
Тамъ видя Нимфа изумленна
Украшенны луга свои,
Злапые кровы окомъ мѣришь,
И въ ужасъ себѣ не вѣришь;
Но каждую обозрѣвши часшь,
Съ веселемъ сіе вѣщаешь:
То само Небо созидаешь,
Или Пешровой дщери влашь.

Рекла, и влагу разсѣкая,
Пустилась щцашельно къ Невѣ;
Волна во бреги ударяя,
Клубишся пѣною въ правѣ.
Во храмъ сіяющій мешаломъ,

Предъ шронъ украшенный кристалломъ
Посвѣшно проспираешь ходъ;
Вѣнцемъ зеленымъ увязенной
И въ виссъ вѣщаешь облеченной
Владычицѣ Россійскихъ водъ.

Рѣка, кошорой проливаюшь
Великія озера дань,
И кою громко прославляюшь
Во всей вселенной миръ и брань!
Ты щасплива шрудомъ Пешровымъ;
Тебя и нынѣ красишь новымъ
Раченіемъ ЕЛИСАВЕТЪ.
Но малые мои пошюки
Прими въ себя какъ Ниль широкій,
Кошорой изъ рая шечешъ.

Мои испючники вѣнчаешъ
Едемской равна красоша,
Гдѣ садъ богиня насаждаешъ,
Прохладны возлюбивъ мѣспа;
Поля гдѣ небу подражаюшь,
Себя цвѣшами изпешряюшь.
Не шюкмо нѣжная весна,
Но осень шамо юношъ года;
Всегда роскошшвуешъ природа
Искусшвомъ рукъ побуждена.

Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаешь розъ,
Тогда на вѣшви высокомъ
И посредѣ зеленыхъ лозъ
Со свиспомъ пищицы воспѣваешь,
Отъ сна къ веселью возбуждаешь,
Что царспивуешь съ моихъ лугахъ.
И солнце восходя дивился,
Цвѣшмы, межъ коихъ Индъ крушился,
Увидѣвъ при моихъ ключахъ.

Въ срединѣ жаждущаго лѣша,
Когда помилъ пропяжный день,
Отъ знойной шеплошы и свѣша
Прохладна покрываешь пѣнь,
Гдѣ вѣшви преклонясь зелены,
Въ союзъ взаимной сопряженны,
Отводяшь жаркіе лучи.
Но коль великая ошрада,
И помнымъ чувшвамъ шущъ прохлада,
Какъ росу пьюшь цвѣшмы въ ночи!

ЕЛИСАВЕТИНЫМЪ доброшамъ
Вездѣ подобна красоша;
Примѣра многимъ лишь щедрошамъ
Не смѣешь скудна дашь вода,
И орошашь скаканьемъ поля;

Однако ежели оной воля
Охошу ободришь мою,
Великой въ похвалу Божинъ
Я воды обращу къ вершинъ;
Речешъ, и къ небу успремлю.

Коль часпо доли оживляешъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда Божина понуждаешъ
Звѣрей чрезъ шрубный гласъ изъ норъ!
Ей въпры въ слѣдъ не успѣваюшъ;
Коню бѣжашъ не воспяцаюшъ
Ни рвы, ни часпыхъ въшьвей связъ;
Крушишь главой, звучишь броздами,
И пощешъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь!

Какъ еспяли зданіемъ прекраснымъ
Умножишь должно звѣздъ число;
Созвѣдіемъ являшся яснымъ
Доспойно Сарское село.
Чудовища, чшо легковѣрнымъ
Раченъемъ древносшь и безмѣрнымъ,
Поднявъ на швердъ, вмѣсшила шамъ,
Укройшесь за предѣлы свѣша:
Се зиждешъ здѣсь ЕЛИСАВЕТА
Красу приличну небесамъ!

Великія Семирамиды

Разсыпанна окружнось спѣвъ,
И вы, о горды пирамиды,
Чѣмъ Нильскій брегъ ошягощень,
Хотя бы чувства вы имѣли
И чудный шрудъ лѣшь малыхъ зрѣли;
Вамъ не было бы шяжко шо,
Чшо спроены вы цѣлы вѣки:
Вась созидали человеки,
Здѣсь созидаешъ божештво.

Великолѣпными верьхами
Восходяшь храмы къ небесамъ;
Изъ нихъ пресвѣщлыми очами
ЕЛИСАВЕТЪ сіяешъ къ намъ,
Изъ нихъ во всѣ спраны зриаешъ,
И на единъ предспавляешъ
Врученный свѣтъ подъ скипешръ свой.
Подобно какъ орель парящій
Опъ самыхъ облакъ зрипъ лежащи
Поля и грады подъ собой.

О коль правдиво возвышаешъ,
Монархиня, сей Нимфа гласъ!
Коль взоръ швой далеко блиснаешъ,
То нынѣ чувствиваъ Парнасъ,
Какъ шы опъ мѣсцѣ преукрашенныхъ 1)

1) Преиспещренныхъ.

И лѣпней нѣгѣ посвященныхъ
Возрѣла маперски къ нему.
Являя шакову щедрошу,
Колику къ знаніямъ охоту-
Даешь народу швоему!

— Чшо дымъ и пепель опрыгая,
Мрачилъ вселенну Энцеладъ,
Реветь подь Эпшною рыдая,
И шѣломъ наполняешъ адъ;
Зевесовымъ пронзень ударомъ
Въ опчяныи прясещся яромъ,
Безсилень 1) шягошу подняшъ,
Великою покрышъ горою,
Безъ пользы движешся подь шюю,
И шщещно силишся воспашъ

Такъ варваршво швоимъ Перуномъ
Уже повержено лежишъ,
Когда при шумѣ сладкошпрунномъ
Поющихъ Музь швой слухъ звучишъ,
Восшокъ и Западъ наполняешъ
Хвадой швоей, и возвышаешъ
Твѣи щедроны выше звѣздъ.
О вы щасшливны науки!
Прилѣжны просщирайше руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ швсшъ.

1) Не можешъ.

Пройдише землю и пучину,
И слепи и глубокой лѣсъ,
И нушрь Рифейскій и вершину,
И саму высопу небесъ:
Вездѣ изслѣдуйше всечасно,
Что естъ велико и прекрасно,
Чего еще не видѣль свѣшь;
Трудами вѣки удивилше,
И, сколько можешъ, покажише,
Щедрошою ЕЛИСАВЕТЪ.

Изъ горъ изсѣченны колоссы,
Механика, пы въ чешь возвысь
Монархамъ, опъ кошорыхъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознеслсь;
Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками,
И рвами блаша изсуши,
Военны облегчи громады,
Петромъ основанные грады
Подъ скипшромъ дщери соверши.

Въ земное нѣдро, пы Химія,
Проникни взора оспрошой,
И что содержишь въ немъ Россія,
Драги сокровища открой:
Ощечесива умножишь славу

И вицше укрѣпишь державу
Спѣши за хищрымъ еспешивомъ,
Подобнымъ облакаясь цвѣшомъ;
И чшо прекрасно шокмо лѣшомъ,
Ты сдѣлай вѣчно маспершвомъ.

Въ небесны, Уранія, круги
Возвыси посреди лучей
ЕЛИСАВЕТИНЫ заслуги,
Чшобъ шамо въ вѣчну славу ей
Сіяла новая планеша.
Россійскаго проспраспво свѣша
Собравъ на малы чершежи,
И грады оною спасенны,
И села еюже блаженны,
Географія покажи.

Наука легкихъ мешеоровъ
Премѣны неба предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Черезъ вѣрны знаки предъявляй,
Чшобъ 1) рашай могъ избраши время,
Когда землѣ повѣришь сѣмя,
И дашь когда покой браздамъ;
И чшобы не боясь погоды,
Съ богашспвомъ дальни шли народы
Къ ЕЛИСАВЕТИНЫМЪ брегамъ.

1) Земледѣлецъ выбралъ.

А ты, возлюбленная Лира,
Правдивымъ щасъемъ веселись,
Къ блиспающимъ предѣламъ міра
Шумящимъ звономъ вознесись,
И возгласи, что нѣтъ на свѣтѣ,
Кшобъ равень былъ ЕЛИСАВЕТЪ
Такимъ блиспаніемъ хвалм.
Но что за громы ударяюшь?
Се гласъ мой звучно повшоряюшь
Земля и вѣтры и валы!

О Д А Х I.

НА ДЕНЬ ВОШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ
ПРЕСТОЛЬ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ,
Ноября 25 дня 1752 года.

Россійско солнце на восходѣ
Въ сей обще вождѣнный день
Прогнало въ ревностномъ народѣ
И ночи и печали шѣнь.
Вспомянувъ часы веселы,
Красуйшесь щасливы предѣлы,
Въ сердцахъ усугубляйше жарь.
Поля и горы восклицайше,
И совокупно возвышайше
Усердіемъ небесный дарь.

Что часно солнечнымъ сравниемъ
Тебя, Монархиня, лучамъ;
Ошъ нужды дѣль не прибѣгаемъ
Къ однимъ шоль много крашъ рѣчамъ:
Когда ни начинаемъ слово,
Сіянїе въ шебѣ зримъ ново
И нову красоту доброшъ.
Лишь шолько умъ къ шебѣ возводимъ,
Мы яснышъ солнечну находимъ,
И многихъ шеплошу щедрошъ.

Когда премудроспью своею
Всевышній солнце сошворилъ,
Пуши различны надъ землею
Въ печеніи опредѣлилъ:
Согрѣвъ полночну часъ Европы
Сіяешь въ Южны Египты,
И паки къ намъ приходишь вспяшь;
Полсвѣща дневной шеплошою,
Полсвѣща шучной въ ночь россою
Премѣнно шцидися оживляшь.

Такъ ты, Монархиня, сіяешь
Въ концы державы швоея,
Когда по онымъ прошекаешь,
Ошраду, радосшь, жизнь дая.
Ошь славныхъ водъ Балшійскихъ края
Къ Воспоку пушь свой просширая,
Являешь полдень надъ Москвой.
Ты многимъ какъ заря восходишь,
Инымъ прохладну шѣнь наводишь,
И обще всѣмъ даешь покой.

Въ пуши, кошорымъ пролешаешь,
Какъ быспрой въ высотѣ орель,
Куда свой зракъ ни обращаешь,
По множешву градовъ и сель;
Ошь всѣхъ къ тебѣ просшерши взоры,

Тобой всѣхъ полны разговоры,
Къ тебѣ всѣхъ мысль, къ тебѣ всѣхъ прудъ.
Диши родившихъ вопрошаешь:
Не пая ли на насъ зриаешь,
Что машерію всѣ доушь?

Иной опъ спаросши нагбенный
Проспершь спараешя хребешъ,
Главу и очи ушомленны
Возводишь, гдѣ швой блещешъ свѣшь.
Тамъ видя возрасшь безсловесный,
Монархиня, швой зракъ небесный,
Любезну оспавляешъ грудь;
Чего языкъ не изъясняешъ,
Усмѣшкой шо изобрааешъ,
Послѣдуя очами въ пушь.

Среди наслѣдннхъ державы,
На древней предковъ висощъ,
Во громкомъ звукѣ вѣчной славы,
Въ любезной мира красощъ,
Надѣясь швоего прихода,
Колнко множешво народа
Тебѣ во срѣшенъе печешъ!
Вспаюшь верхи Рифейски выше:
Течешъ Двина, Днепръ, Волга шнше,
Желая швой увидѣшь свѣшь.

Но вы, о коль благополучны,
Москву поющія спруи!
Вы ударяючи во бреги шумны,
И проходя поля свои,
Ликуйше, свѣшло веселишесь;
Вы скоро, скоро насладишесь
Богини щедряя очей.
Здѣсь Нимфы Невскоѣ Инокренны
Видѣнія ея лишены.
Сердцами пойдушь въ слѣдъ за ней.

Сердцами пойдушь, и ушами
Въ воспоргѣ сладкомъ возгласишь:
Коль славными она дѣлами
Пешровъ разпроспранила градъ;
И какъ о свѣшломъ оной взорѣ
Возвеселясь, подвиглось море,
И къ звуку приложило шумъ!
Какимъ необычайнымъ шрескомъ,
Какимъ молніевиднымъ блескомъ
Возхищися внезапно умъ?

Кшо въ громъ радоспные клики
И огнь ошъ многихъ водъ даетъ?
И кшо ведешъ въ Перунахъ лики?
Великая ЕЛИСАВЕТЪ
Дѣла Пешровы совершаешъ,

И глубинѣ повелѣваешь,
Въ средину нѣдръ земныхъ вступиши!
Огнь гласа Росскія Палады
Подвиглись сильныя громады,
Враша пучинѣ опвориши.

О полны чудесами вѣки!
О новоспѣ непоняшныхъ дѣлъ!
Текутъ изъ моря въ землю рѣки,
Нашуры нарушивъ предѣлъ:
Уже въ нихъ корабли всхупающъ,
Огнь коихъ волны опбѣгающъ,
И спонепѣ спрашныи Океанъ.
Помысли, земнородныхъ племя,
Бываль ли гдѣ въ минувше время
Примѣръ сего чуднѣе данъ?

Помысли, зря дѣла шолки
И прудъ, что можемъ понесши,
Что можешь нынѣ ПЕТРЪ Великій
Черезъ дщерь свою произвести!
Напрасно спрогая природа
Огнь насъ скрываетъ мѣсто входа
Съ береговъ вечернихъ на Воспокъ.
Я вижу умными очами,
Кодумбъ Россійскій жежду льдами
Слѣвшишь, и презираешь рокъ.

Тамъ щасшіе ЕЛИСАВЕТЫ
Предходишь кораблямъ въ пуши,
Ошводишь всѣхъ спихій навѣшны,
И въ слѣдъ себѣ велишь ишши.
Ни бури мразомъ изощренны,
Ни волны льдомъ ошягощенны
Противъ его не могушь спашь.
Божешпенны ея щедроты
Къ чему не могушь намъ ошопы
И силъ непобѣдимыхъ дашь?

О вы Россійски Героини,
Чшо въ вѣчності прешыше звѣзда
Сіяеше уже Богини,
Земныхъ ошпавя низкосшь мѣспя!
Вы пола прешышая свойштво,
Явили мужеско геройштво
Чрезъ славныя свои дѣла.
Возрише съ высоты свяшныя,
Коль свѣшло въ наши дни Россія
Пешровой дочерью процвѣла!

Супружню, Ольга, смершь опмицаа,
Казнишь изкуссшвомъ Искоресшь;
И шмы невѣршва избѣгаа,
Спѣшишь до просвѣщенныхъ мѣспя.
Премудросшь, храбросшь и свяшныя

Тобой, блаженная Княгиня,
Изъ древности сіяешь къ намъ.
Твои въ дѣлахъ свящныя вѣры
Даешь Пешрова дщерь примѣры;
Но мстишь умѣренно врагамъ.

Елена 1), грознаго Героя
Великая дѣлами мать!
Среди враговъ шны грады спроя,
Россію щидлась защищашь.
Напрасно дерзки сопоспашы,
Свирѣпы орды и Сармашы,
Спремились на швое вдовштво;
Сыновня шобою младосшь
Была спранамъ Россійскимъ радосшь,
Врагамъ ужасно шрошштво.

Ты многой силой защищясь,
Сдержала злосшь враговъ швоихъ;
ЕЛИСАВЕТА возвышясь
На шронъ, низвергнула своихъ;
И нынѣ посредѣ покоя
Прекрасны храмы, грады спроя,
Россію щидшяся украшашь;
Одни Россійскихъ воиншшь слѣды
И чудныя ея побѣды
Противныхъ могутъ успрашашь.

1) Великая Княгиня Московская Елена Васильевна супруга Великаго Князя Василія Іоанновича, рожденіемъ Княжна Глинская, мать

И ты въ женахъ благословенна,
Черезъ кою храбрый АЛЕКСѢЙ
Намъ даль Монарха несравненна,
Что свѣшь открылъ Россіи всей,
Велика шѣмъ, что ты родила;
Но больше, что намъ сохранила
ПЕТРА опъ внушренныхъ враговъ!
Мы нынѣ въ страхѣ обмираемъ,
Когда злодѣевъ предспавляемъ
Рыкающихъ, какъ люпыхъ львовъ!

Возри на вѣнценосу внуку,
Что злыхъ совѣшы раззора,
Пріемлешь скипшрѣ въ Геройску руку,
Другую движешь черезъ моря,
Противныхъ силы успрашаешь,
ПЕТРА въ Россію возвращаешь,
Коваршва ихъ разсыпавъ мракъ;
Пушемъ приводишь безопаснымъ;
Съ плесканіемъ вездѣ согласнымъ
Крѣпишь наслѣдіе и бракъ.

О ты, кошпораго Россіа
Давно опъ чрезъ Пешровыхъ ждеши.
Для коего мольбы свяшма
ЕЛИСАВЕТА къ Божу льешь,
Гряди, гряди, гряди поспѣшно!

Великаго Государя Царя Іоанна Васильевича
правила съ нимъ въ его младенчествѣ Россій-
скимъ государствомъ по завѣщанію супруга
своего чешыре года съ половиною.

О семъ единомъ безушѣшно
Вздыхающъ Росси всякой часъ.
О Небо, предвари судьбину,
Снабди плодомъ ЕКАТЕРИНУ,
Внуши народовъ многихъ гласъ!

Великихъ, славныхъ, несравненныхъ
Участница Пешровыхъ дѣлъ
ЕКАТЕРИНА, погруженныхъ
Насъ въ горести, какъ онъ опшелъ,
Ушѣшила ны въ слезно время,
Нося шоль шягосшное бремя,
Чшо самъ онъ на шебя вложилъ.
Возвеселися нынѣ шюю,
Копору онъ для насъ шобюю
Подобну обoимъ родиль.

Чшо должно оной по наследшву,
Геройшвомъ возмогла дойти.
Какому ны подверглась бѣдшву,
Монархиня, чшобъ насъ скаши!
Мы часъ шощъ нынѣ предшвляемъ;
Предшавивъ, виѣ себя бываемъ:
Надежда, радощъ, спрахъ, любовь
Живишъ, крѣпишъ, печалишъ, клонишъ,
Прoшивна спрaсшъ прошивну гонишъ,
Гушѣшъ и кипишъ въ насъ кровь.

Однако въ силахъ Богъ великій
Тебѣ ввнецъ, намъ радость даль;
Въ шебѣ одной хвалы полики
Россійскихъ Героинь послалъ.
Въ шебѣ одной всѣхъ почишаемъ,
И къ Вышнему всегда зываемъ:
Подай ЕЛИСАВЕТЪ вѣкъ
Обилень, радоснень, спокоень,
Таковъ, коль долго жишь доспоень
Тебѣ подобный человекъ!

О Д А XII.

НА РОЖДЕНИЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ГОСУДАря ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, СЕНТЯБРЯ 20 ДНЯ 1754 ГОДА.

Надежда наша совершилась,
И слава въ пушь свой успремилась:
Спѣши, спѣши, о Муза, въ свѣдь,
И Лиру согласи въ съ трубою,
Греми, что Вышняго рукою
Обрадованъ Россійскій свѣшь!
На гласъ себя онъ нашъ склоняешъ,
На жаръ, что въ искреннихъ сердцахъ:
Пешрова первенца лобзаешъ
ЕЛИСАВЕТА на рукахъ.

Се радости возвѣщающъ звуки!
Воздвигъ Пешрополь къ небу руки,
Весельми успами рекъ:
„О Боже, буди препрославленъ:
Сугубо мнѣ я восплавленъ,
Злашой мнѣ усугубленъ вѣкъ!“
Безмѣрна радость прерывала
Его усерднѣйшую рѣчь,
И нѣжны слезы изпускала,
Въ возшоргѣ принуждая печь.

Когда на холмѣ кшо высокомѣ
Сѣдя, въ округѣ объёмлешь окомѣ
Поля въ прекрасной лѣшній день,
Сады, долины, роуци влачны,
Шумящихъ водѣ ключи прозрачны
И древѣ густыхъ прохладну шѣнь,
Спада ходящи межъ цѣвшами,
Обильность сельскаго шруда,
И желшы класы межъ брадами;
Чшо чувшвуешь въ себѣ шогда?

Такъ нынѣ градъ Пешровъ священнѣй,
Толикимъ счастьемъ восхищеннѣй,
Возшедь опрадь на вышину,
Вокругъ веселія счишаешь,
И края имѣ не обрѣшаешь;
Какую зришь онѣ красошу!
Тамъ многіе народа лики
На спогнахъ ходящѣ и брегахъ;
Шумящѣ шамѣ праздничны клики,
И раздающа въ облакахъ.

Тамъ слышны разны разговоры,
Иной взвода на небо взоры,
Великъ Господь мой! говоришь:
Мнѣ видѣшь въ спаросши судилось,
И прежде смерти приключилось,

Что въ радости Россія зрится!
Иной, я спану жишь дошолъ,
Гласишь, молодой свой зная вѣкъ,
Чтобы служишь подъ нимъ мнѣ въ полъ,
Огонь пройши и быспросишь рѣкъ!

Уже великими крилами
Парящая надъ облаками
Въ предѣлы слава спранъ звучишь.
Труды народы оспавляютъ,
И гласу новому внимаютьъ,
Что промыслъ имъ чрезъ шо велишь?
Пучина преклонила волны,
И на брегахъ умолкнулъ шумъ;
Безмолвія всѣ земли полны;
Внимаешь славѣ смертныхъ умъ.

Но грады Россіе въ надеждѣ,
Кошора ихъ пишала прежде,
Подвиглись слухомъ паче шѣхъ,
Верьхами къ высотѣ несущся,
И щцащся облакамъ коснущся.
Москва споя въ срединѣ всѣхъ,
Главу великими спѣнами
Въянчану взводишь къ высотѣ,
Какъ кедръ межъ низкими древами,
Пречудна въ древней красотѣ.

Едва желанную опраду
Великому внушилъ слухъ граду,
Ошверзпиемъ священныхъ усшъ
Трясуци сѣдиной, вѣщаетъ:
„Теперь мнѣ Небо ушверждаетъ,
Что домъ Пешровъ не будетъ пущъ!
Онъ въ немъ во вѣки водворишя;
Премудростъ, мужество, покой,
И судъ и правда воцаришя;
Онъ рогъ до звѣздъ возвысишъ мой.“

Сіе всѣ грады велегласно,
Что время при шебѣ прекрасно,
Монархія, живущъ и чшящъ;
Сіе всѣ грады повшоряющъ,
И рѣчи купно сообщающъ,
И съ ними села всѣ гласящъ!
Какъ громъ ошъ шучей удаленныхъ
Въ горахъ раздавшисъ, множишъ слухъ;
Какъ брегъ шумишъ ошъ волнъ надменныхъ
По бурѣ укрощѣвшей вдругъ.

Ты, слава, далѣ просшираясь,
На Западъ солнце ушпремяясь,
Гдѣ Висла, Рень, Секвана, Тагъ,
Гдѣ славны войскъ Россійскихъ сѣдны,
Гдѣ ихъ еще гремяшъ побѣды,

Гдѣ вѣрный другъ, гдѣ скрытый врагъ,
Вездѣ разсыплешь слухи громки,
Коль много насъ ущедрить Богъ!
ПЕТРА Великаго пошомки
Даюшся милосши въ залогъ.

Чшо Россовъ мужество крѣпишся;
И нынѣ кшо лишь возгордишся,
Сугубу ревность ощушишь!
Не будешь никому измѣны:
Падуть въ дыму проливныхъ слѣны,
Погибнешь въ прахъ древней вѣды.
Ты скажешь, слава справедлива,
Во весь сіе возшрубилъ свѣтъ;
Меня любовь непергѣлива
Обратно въ градъ Пешровъ зовешь.

Богиня власни несравненной,
Хвала и красота вселенной,
Оспрада Россовъ и любовь!
Въ возшоргѣ нынѣ мы безмѣрномъ,
Чшо въ сердцѣ ревностномъ и вѣрномъ
И въ жилахъ обновилась кровь.
Велика радость намъ родилась!
Но больше съ радостью швоей.
О какъ шмы симъ возвеселилась!
Коль ясень былъ швой свѣтъ очей!

Когда ты на пресполь dospигла,
ПЕТРА Великаго воздвигла,
И жизнь дала ему собой.
Онъ паки нынѣ воскресаешь,
Что въ правнукѣ своемъ дыхаешь,
И родъ въ немъ восплаваешь свой.
Мы долго обоихъ желали!
Лишались долго обоихъ!
Но къ общей радости прияли,
О Небо, ошъ щедрошъ швоихъ!

А вамъ, дражайшіе супруги!
Вамъ плещушь нынѣ лѣсъ и луги,
Вамъ плещушь рѣки и моря.
Предспавъше радость внѣ и въ градѣ,
Взаимно на себя въ опрадѣ.
И на младаго ПАВЛА зря.
Зачни, дшя, зачни любезно
Усмѣшкой рождшихъ познаванъ:
Боговъ породѣ бесполезно
Не должно сроку ожидашь.

Распи, распи, крѣпился,
Съ великимъ Прадѣдомъ сравнися,
Съ желаньемъ нашимъ восходи.
Велики сушь дѣла Пешровы;
Но многія еще гошовы

Тебѣ оспались напреди.
Когда зриаемъ мы къ Воспоку,
Когда посмошримъ мы на Югъ,
О коль проспранность зримъ широку,
Гдѣ можешь загремѣшь швой слухъ!

Тамъ вкругъ обдегъ драконъ ужасный
Мѣспа свяшы, мѣспа прекрасны,
И къ облакамъ спо главъ вознесъ!
Весь свѣшь чудовища спрашишься,
Единъ лишь смѣло усспремисься
Россійскій можешь Геркулесь.
Единъ спо оспрыхъ жаль приштупиль,
И множесшвомъ низвержешь рагъ,
Единъ на спо головъ наспуупиль,
Возспавиль вольность многихъ спранъ.

Проспранными Кишай спѣнами
Закрышь бышь мнишься передъ нами,
И что пусшой земли хребетъ
Ошь спранъ Россійскихъ опдѣляетъ;
Онъ гордымъ окомъ къ намъ зриаешь:
Но въ нихъ ему надежды нѣтъ.
Внезапно яросшь возгорисься
И огонь и месшь между спѣной,
Сіе все можешь совершишься
ПЕТРОВА племени рукой

Въ своихъ увидишь предкахъ явны
Дѣла велики и преславны,
Чтомогушь духъ природѣ дашь.
Уже младаго МИХАИЛА
Была къ тому довольна сила
Упадшую Москву подыши,
И послѣ спрашной перемѣны
Въ предѣлахъ удержишь враговъ,
Собрашь разсыпанные члены
Такаго множества градовъ.

Сармашъ съ свирѣпостью своею
Трофей ошдалъ АЛЕКСѢЮ.
Онъ судъ и правду положилъ,
Онъ войско правильное вскорѣ,
Онъ новой флотъ гошовилъ въ море;
Но все шо Богъ ПЕТРУ судилъ.
Сего къ опечесиву заслуги
У всей подсолнечной въ успахъ;
Его и крошкія супруги
Примѣръ зримъ въ нашихъ временахъ.

Примѣръ въ его великой дщери.
Широки ша опверзла двери
Наукамъ, счастью, шипинѣ.
Склоняясь къ общему покою,
Щедрошой больше, какъ грозою

Въ Россійской царшвуешь спранъ.
Но пы, о гордосць вознесенна!
Блудися съ хипросшью своей.
Она Героями рожденна;
Геройской духъ извъшентъ въ ней.

Но нынъ мы не зная брани,
Просшремъ сердца и мысль и длани
Съ усерднымъ гласомъ къ Небесамъ:
О Боже крѣпкій Вседержишель,
Предѣловъ Росскихъ разширишель,
Коль милосшивъ бываль пы къ намъ!
Чрезъ седмъ сошъ лѣшъ едино племя
Ты съ Росскимъ скипшромъ сохранилъ;
Продли сему по мѣрѣ время,
Какъ нынъ Россію разширилъ,

Воззри къ намъ съ высопы свяшныя,
Воззри, коль широка Россія,
Кошорой даль пы власшь и цвѣшъ.
Ошъ всѣхъ полей и рѣкъ широкихъ,
Ошъ всѣхъ морей и горъ высокихъ
Къ тебѣ взывали девяшъ лѣшъ.
Ты подалъ опшрасъ намъ едину:
Умножа благодашъ послы,
И впредъ съ ПЕТРОМЪ ЕКАТЕРИНУ
Рожденіемъ возвесели.

Предъ мужемъ нѣкогда избаннымъ
Ты свѣшомъ клялся несозданнымъ
Хранишь во вѣкъ пресполю и родъ.
Исполни нго надъ позднымъ свѣшомъ,
И шаковымъ свяшымъ обѣшомъ
Благослови Россійскій родъ.
Для шоль великихъ спранъ покою,
Для счастья множесшва вѣковъ,
Поспавъ, какъ солнце предъ шобою
И какъ луну, пресполю Пешровъ.

О Д А XIII.

Блаженной памяти Государынь Импера-
триць ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНЪ на день
рожденія Ея Величества, Декабря 18 дня
1757 года.

Красуйшесь многіе народы;
Господь умножилъ домъ Пешровъ;
Поля, лѣса, берега и воды!
Онъ живъ, надежда и покровъ;
Онъ живъ, во всѣ страны взираешъ,
Свою Россію обновляешъ;
Полки, законы, корабли
Самъ строишь, правишь и предводишь,
Нашуру духомъ превосходишь
Герой въ моряхъ и на земли.

О божеской залогъ! о племя!
Чѣмъ наша жизнь обновлена,
Возвращено Пешрово время.
О вы любезны имена!
О швердь небеснаго завѣща
Великая ЕЛИСАВЕТА,
ЕКАТЕРИНА, ПАВЕЛЬ, ПЕТРЪ,
О новая намъ радость АННА,
Россіи свыше дарованна,
Божеспвенныхъ порода нѣдръ!

Смогриште въ солнцевы предѣлы
На ранней и вечерней домъ ;
Смогриште на сердца веселы :
Внемлите общихъ плесковъ громъ .
Успами цѣлая Россія
Гласишь : о времена злая !
О мой всевождедѣльный вѣкъ !
Прекрасна АННА возвратилась ;
Я съ нею разлучась , крушилась ,
И слезъ моихъ источникъ шекъ !

Здѣсь Нимфы съ воплемъ провожали
Богиню родомъ , красошой .
Но нынѣ громко восплескали ,
Младая АННА ! предъ шобой ;
Тебѣ пѣснь звучну воспѣваютъ ,
Героя въ мужа предвѣщаютъ ,
Геройскихъ всѣхъ попомковъ плодъ ,
Произощлибъ земны владыки ,
Родились бы ПЕТРЫ Велики ,
Чшобъ просвѣпишь весь смершныхъ родъ .

Умолѣни нынѣ брань кровава .
Намъ всѣхъ приашиѣ побѣдъ ;
Намъ больше радостъ , больше слава ,
Чшо ПЕТРЪ въ наслѣдїи живешъ ,
Чшо дщерь на шренѣ зришь Россія . !

На что державы ей чужія?
Ей жалобъ былъ наполненъ слухъ.
Послушайше концы вселенной,
Что нынѣ въ брани воспаленной
Възцалъ ея на Небо духъ:

„Великій Боже Вседержитель!
Священный швой промыслъ и совѣтъ
Имя въ сердце мой родишель,
Вознесъ подь солнцемъ Россій свѣтъ.
Меня оспавленну судьбою
Ты крѣпкою возвелъ рукою,
И на пресполѣ посадилъ.
Шестнадцашъ лѣтъ нося порфиру,
Европу я склоняла къ миру
Союзами и спрахомъ силъ.

Какъ славны даль ши намъ побѣды,
Всего превыше было мнѣ,
Чтобъ родъ Россійской и сосѣды
Въ глубокой были тишинѣ.
О безмятежной жизни свѣта
Я всѣ усердшвовала лѣта:
Но нынѣ я скорблю душой,
Зря бури царшвамъ шолъ опасны,
И вижу, что шѣ несогласны
Съ свяшой правдивоспью швоей.

Присяжны преспуивъ союзы,
Поправши нагло свяшосшь правъ,
Царямъ навергнушь щипища узы
Желаніе чужихъ державъ.
Творецъ! воззри въ концы вселенны,
Воззри на земли ушѣсенны,
На помощь спраждающимъ возспанъ,
Позволь для общаго покою
Подъ сильною швоей рукою
Воздвигнушь прошивъ брани брань.“

Сіе рекла ЕЛИСАВЕТА,
Геройской свой являя видъ,
Небеснаго очами свѣша
На сродное имъ небо зришь.
Надежда къ Богу въ нихъ сіяешь,
И гнѣвъ со крошосшью блиспаешь,
Какъ видяшся зарница намъ.
Чпо громко въ слухъ мой ударяешь?
Земля и море опвѣщаешь
ЕЛИСАВЕТИНЫМЪ словамъ!

Противныя сшраны шрепещушь,
Вошь, шумъ вездѣ и кровь и звукъ:
Ужасные перуны мещушь
Размахи сильныхъ Росскихъ рукъ.
О шн союзна Герошня

И сродна съ нашею богиня!
По васъ поборникъ вышній Богъ.
Онъ правду вашу защищаешъ,
Обиды наглыя одимщаешъ;
Надъ злобою возвысилъ рогъ.

Когда въ немъ милоснѣ предспавляемъ,
Ему подобныхъ видимъ васъ;
Какъ гнѣвъ его изображаемъ,
Оружій вашихъ слышимъ гласъ;
Когда неправды онъ караешъ,
То силы ваши ополчаешъ;
Его земля и небеса,
Законъ и воля повсемѣспна;
Поколь намъ будетъ неизвѣспна
Его щедроша и гроза?

Правишели, судьи внушине,
Услыши вся словесна плошь,
Народы съ прешешомъ внемляше;
Сіе глаголетъ вамъ Господь
Святымъ своимъ въ Пророкахъ духомъ;
Впери всякъ умъ и вникни слухомъ:
Божеспвенный пѣвецъ Давидъ
Священными шумишь спрунами,
И Бога полными успами
Исайя восхищень гремишь.

„Хранише праведны заслуги,
И милуйше сиротъ и вдовъ;
Сердцамъ нелицивымъ будыше други
И бѣднымъ испинный покровъ;
Присягу сохраняйше вѣрно,
Пріязнь къ другамъ нелицемѣрно;
Ошверзйше просящимъ дверь;
Давайше спраждущимъ оспраду,
Трудамъ законную награду,
Взирайше на Пешрову дщерь.

Въ сей день для общаго примѣра
Ее на землю я послалъ.
Въ ней бодрость, крошость, правда, вѣра;
Я самъ въ лицѣ ея предсхалъ.
Содѣлалъ знаменіе ново,
Украшивъ шоржесшво Пешрово
Наслѣдницей великихъ дѣлъ;
Мои къ себѣ щедроты знайше,
И швердо все шо наблюдайше,
Чшо Пешръ, она и я велѣлъ.

Въ моря, въ лѣса, въ земное нѣдро
Просшрише вашъ усердный прудъ,
Повсюду награжду васъ щедро
Плодами, пасшвой, блескомъ рудъ.
Пуши всѣ ошворю къ блаженшву,

Желаній вашихъ къ совершенству.
Я крошкимъ окомъ къ вамъ воззрю,
Женихъ какъ идетъ изъ чертога,
Такъ взойдетъ съ солнцемъ радости многа,
Враговъ совѣши раззорю.“

Ликуй, спрана благословенна,
Всевышняго обѣщаю вѣрь;
Пребудешь онымъ покровенна,
Его щедрошой щасье мѣрь;
Взираи на нивы изобильны,
Взираи въ полки велики, сильны
И на размноженный народъ:
Подобно какъ въ Ливанѣ кедръ,
Къ шрудамъ ихъ крѣпки мышцы, бедра
Среди жаровъ, морозовъ, водъ.

Свирѣпой Марсъ въ минувши годы
Въ Россіи по снѣгамъ спупаль,
Мечемъ и пламенемъ народы
Въ срединѣ самой успрашаль;
Но нынѣ и во время зноя
Не можешь нарушити покоя;
Какъ сверженной Гигантъ ревешь;
Попранъ Россійскою ногою,
Спѣсненъ какъ спрашною горою,
Напрасно шяжки узъ рвешь.

Тамъ мракъ божественнаго гнѣву
Подвергнуль грады и полки
На жертву алчной смерти зѣву,
Терзанью кладныхъ руки:
Тамъ слышанъ вой въ оружномъ прескѣ,
Изъ пучь при смертоносномъ блескѣ
Кровавы струны множашъ страхъ.
О ны опечесиво драгое!
Лякуй при внушреннемъ покоѣ
Въ ЕЛИСАВЕТИНЫХЪ лучахъ.

О Д А XIV.

На день тезоименитства блаженныя памяти Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ СЕНТЯБРЯ 5 дня 1759, и на повѣды Ея въ семь году надъ Кородемъ Прускимъ одержанныя.

Щедрошь испочникъ, Ангель мира,
Богиня радоспныхъ сердець,
На коей какъ заря порфира,
Какъ солнце шихихъ дней вѣнецъ;
О мыслей нашихъ рай прекрасный,
Небесъ безмрачныхъ образъ ясный,
Гдѣ видимъ крошкую весну,
Въ лицѣ, въ устахъ, въ очахъ и нравѣ!
Возможноль при швоей державѣ
Въ Европѣ спрашну зрѣшь войну?

Позволь, мнѣ жаръ велишь сердечный,
Монархиня, въ сей свѣшлый день,
Какъ въ имени швоемъ Предвѣчный
Поспавиль намъ покоя сѣнь,
Безмолвно предвѣщая царшво,
Чшобъ миромъ свергла шы коваршво,
Позволь мнѣ духа взоръ проспершь
На брань и сродшво милосердо,
Гдѣ крошосши жилище швердо,
Жалка и сопоспашовъ смершь.

О колы мечпанія прошивны
Объемлющъ совокупно умъ!
Доброты вижу здѣсь предивны,
Тамъ пламень, звукъ и вошь и шумъ,
Здѣсь полдень милосши и льшо,
Щедрошой общество нагрѣшо;
Тамъ смершну хлябъ раззинуль адъ!
Но промысль мракъ сей разгоняешъ,
И волны въ мысляхъ укрощаешъ:
Ошверся въ славъ Божій градъ.

Ефиръ, земля и преисподня
Зиждишеля со спрахомъ ждушъ!
Я вижу опрока Господня
Приемлюща небесный судъ.
Всесильный власшю своею
Въщаешъ свыше къ Моисею:
„Я въ яросши ожеспочу
Египшу сердце вознесенно;
Израиля неодољнно
Пресвъшлой силой ополчу.“

Сіежь явилъ Богъ въ наши лѣща,
Неиспову воздвигнувь рашъ,
Дабы шебъ, ЕЛИСАВЕТА,
Вънцы побѣдъ преславныхъ дашъ.
Позволилъ вознесшисъ гордынь,

Чшобъ нашей кропкой Героинѣ
Быль жребій вышша въ славѣ часпъ;
Чшобъ врагъ дѣламъ Россійскимъ вѣрилъ,
И опышомъ своимъ измѣрилъ,
Каковъ нашъ родъ, мочь, вѣрносшь, власшь.

Парящей слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ швой, Фридерикъ?
Прогнанный за свои границы
Еще ли мнишь, что ты великъ?
Ещель смопря на рокъ Саксоновъ,
Всеобщимъ дапелемъ законовъ
Слывешъ въ желаніи своемъ?
Лишенный собшвенныя власши
Ещель спремисься въ буйной спрасши
Вселенной наложишь яремъ?

Взирая на пожаръ Кисприна,
На прочи грады оглянись;
Что имъ не равная судьбина,
Не храбросшью своей гордись:
Что земли, гдѣ швоя корона,
Не слышашъ гибельнаго спона,
Не видишь пламенной зари,
Дивяпся и въ войнѣ покою;
Побѣдоносной надъ шобою
Монархинѣ благодари.

Велика божеспвомъ природнымъ,
Восходишь выше пишиной;
Чтобъ жить союзникамъ свободнымъ,
Жалѣя, двигнулася войной;
Узрѣвъ разшерзанны союзы,
Наверженныя скипшпрамъ узы,
Рекла: какъ злыхъ не укроуцъ?
Алчбъ ихъ свѣша не доспанешъ:
Пускай на гордыхъ гнѣвъ мой грянешъ,
Соблещецъ молнїя мечу.

Опъ спрашь родящихъ градъ и снѣги,
Съ Ашланшской буря высоты
Спремилшя чрезъ бургисшы бреги,
Являя спрашныя слѣды:
Съ дубами камни похищаешъ,
И горы двигнувъ, раздираешъ:
Налегши на морской хребешъ,
Волнамъ вспрѣчаеця волнами,
Песокъ валишь со дна съ кишками;
Тамъ въ пѣнѣ спонешъ новой свѣшъ.

Такъ Россовъ мужеспво въ походы
Течешъ пропивниковъ шерзашъ,
И роешь чрезъ поля и воды,
Услышавъ щедру въ гнѣвъ машъ!
Гдѣ нынѣ Королевско слово,

Что спрашно воинство гошво
На Западъ пушь нашъ прекрашншь ?
Уже окровавленна Прегла
Крупясь въ швоей земли, пробъгла
Россійску силу возвѣснншь.

Тамъ Мемель въ видѣ Фаешонша
Спремглавъ лешя, Нимфъ прослезилъ,
Яншарнаго въ заливахъ Понша
Мечшанье въ правду прешворилъ.
За Вислой и за Варшой грады
Паденія или ошрады
Ошъ воли Росской власши ждушъ,
И сердце гордаго Берлина,
Неисшоваго исполна,
Перуны, близъ грема, шрясушъ.

Еще не допусшя до року,
Съ ошвагой сопрягнншь шаланъ,
Гиганшу приложили сроку,
Дабы ему умножншь ранъ.
Цорндорфскіе пески глубоки,
Его и нашей крови шоки
Соединясь, кишѣли въ васъ!
Намъ правда ошдаешъ побѣду;
Но врагъ шакаго послѣ вреду,
Еще дерзаешъ прошнвъ насъ.

Богини нашей важносшь слова
Къ безсмершной славъ совершишь
Сспремисся сердце Салпыкова,
Дабы коварну мочь сломишь.
Ни Польскіе лѣса глубоки,
Ни горы Шлонскія высоки
Въ защипу не спояшь врагамъ;
Напрасно пушь намъ возбраняюшь:
Россійски спопы досягаюшь
Черезъ прупы къ Франкфуршскимъ спѣнамъ.

Съ профей на профей спупая,
Геройсшво Росское спѣшишь.
О Муза, къ облакамъ взлешая,
Предспавъ ихъ раздраженной видъ!
Съ желѣзомъ сердце разкаленнымъ,
Съ Перуномъ руки усспремленнымъ,
Съ зарницей очи равны зрю!
Пропивникъ слѣдуя Борею,
Сказаль: я буйносшью своею
Ударъ ударомъ предварю.

Подобно граду онъ гусшому
Лешяще воинсшво спѣсниль,
Искаль со спороны пролому,
И рвался въ сердце нашихъ силъ:
Но вихря крушосшь пражесшпока

Въ спремленъи вѣчнаго востнока
Коль долго проспираешъ ходъ?
Обрушась пятгоспнымъ урономъ,
Внезапно съ шумомъ, ревомъ, спномъ,
Преобрапился въ сонмы водъ.

Бѣгущихъ горды Пруссовъ плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сѣчи:
Главы валяпся какъ лиспы.
Теперь съ гошовыми прубами
Передъ Берлинскими врапами
Побѣды нашей дайше звукъ:
Чшо вашъ Король, полки, снаряды
Не могушь вамъ подашь опрады,
Разсыпаны опъ нашихъ рукъ.

О чеспъ Россійскаго народа,
Въ дни наши воиновъ примѣрь,
Чшо силой перваго похода
Двукратно сопоспашновъ сперь!
Тебѣ пошь лавры успунаешъ,
Кшо прочимъ храбро изшоргаешъ,
Кшо внѣ привыкнулъ побѣждашь,
При дверяхъ домъ свой защищая
И крайни силы напрягая,
Не могъ прошивъ шебя спояшь.

Такіе у тебя герои,
Монархиня, въ златой швѣй вѣкъ;
Такіе Богъ полковъ далъ спрои,
Какъ царшвовашъ тебя нарекъ.
Во всемъ послалъ тебѣ успѣхи,
И въ мирѣ и въ войнѣ успѣхи:
О коль блаженны мы шобой!
Искусства, нивы, шорга, науки,
Побѣдоносны слыша звуки,
Блажашъ свой внушренній покой.

Какого свѣплосшь зрю собора?
Подвижники межъ звѣздъ споашъ,
Пешрова наслаждаешъ взора,
Красуйпешъ, къ сродникамъ гласящъ;
Мы шерли мужешвомъ гордыню,
Мы смершь пріяли за Богиню,
Чшо мершвымъ опдаешъ живощъ,
Опъ казни винныхъ свобода,
Щедрошой бѣдныхъ воскрешая,
И духъ вливая шѣмъ въ народъ.

Ревнуйше нашему примѣру:
Поможенъ Богъ, какъ намъ помогъ.
Ее, опечешво и вѣру
Предсшавивъ, презирайте рокъ.
Не ускоряшъ вамъ дни спокойны?

Явишесь въ брани насъ достпойны,
И дѣшямъ сей внушите гласъ.
Герои съменя Пешрова,
На зависшь усшремляясь снова,
Въ пощомкахъ нашихъ сприсяшь насъ,

Воздвигнися въ сей день, Россія,
И очи окресшь возведи;
Къ шебъ гласшь концы земныя:
„Межь нами распри шы суди
ЕЛИСАВЕТИНОЙ державой:
Ея великолѣпной славой
Вселенной преисполненъ слухъ.
Мы равно нынѣ восклицаемъ,
Желаній жершву возсмаемъ,
Какъ вѣрныхъ ей Россіянъ духъ.

„Ея неодолимо войско
По правдѣ ходишь поборашъ,
И сердце съ крошосшью геройско
Съ пощадой знаешь побѣждашь.
Коль щещино пышное упорштво,
Надѣясь на свое проворштво,
Сбираешъ бѣглые полки;
Въ предѣлы крошкаго зефира
Злашаго не приемлешъ мира:
Еще кровавой ждешъ рѣки.“

Съ верховъ цвѣтущаго Парнасса
Смопря на рвеніе сердець,
Мы ждемъ желаемаго гласа:
„Еще побѣда и конецъ,
Конецъ губительныхъ брани.“
О Боже! мира Богъ, воспани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей,
О имени Пешровой дщери
Военны запечатай двери,
Пишай насъ пишиной швоей.

Иль мало, смершны мы родились,
И удвоишь должны свой плѣнь?
Ещель мы мало упомялись
Жишнейскихъ шягошпой бремень?
Возри на плачь осирошѣвшихъ,
Возри на слезы преспарѣвшихъ,
Возри на кровь рабовъ швоихъ.
Къ шебъ, любовь и радосшь свѣша,
Въ сей день зовешъ ЕЛИСАВЕТА;
Низвергни брань съ концевъ земныхъ.

О Д А Х V .

На день возшествия на всероссийскій пре-
столь блаженныя памяти Государыни Им-
ператрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ,
Ноября 25 дня 1761 года.

Владѣешь нами двадцать лѣтъ,
Иль лучше, лѣтъ на насъ щедроты,
Монархиня, коль благъ совѣтъ
Для Россовъ вышнія доброты!
О коль къ намъ склонны Небеса!
О коль преславны чудеса!
Геройскаго восхода олъды
Приосвѣнешъ благодашь;
Война и миръ даюшь побѣды:
О Боже, чѣмъ шебѣ воздашь?

Еще, еще бодрись, возпой
Злашая лира дщерь Пешпрову,
Гласи и брани и покой,
И силу возпріявши нову,
Въ преклонной вѣкъ мой возлешай,
Младя лѣта превышай.
Она щедроты умножаешь,
Ты возносишься не прешпань:
Ей свѣтъ довольства посвящаешь,
И шы сугубъ желаній дань.

Красуйся въ сей блаженный часъ,
Какъ вдругъ шріумфы возсіяли;
Тѣмъ вѣщше озарили насъ,
Чѣмъ были мрачнѣе печали.
О радосшь, дай вспомянушь!
О радосшь, дай на нихъ взглянушь!
Мы больше чувспвуемъ опрады,
Какъ скорби видимъ за побой:
Злощасшья ненависны взгляды
Любезный красяшь образъ швой.

Безгласна види на одрѣ
Защипника, Опща, Героя,
Рыдали Россы о Пешрѣ;
Вездѣ наполненъ воздухъ вой,
И съшовали всѣ мѣсна;
Земля казалася пуща;
Взглянушь на небо, не сілешь;
Взглянушь на рѣки, не шекушь,
И горь высокосшь осѣдаецъ;
Нашуры всей пресѣкса шрудъ.

ЕКАТЕРИНѢ скипшрѣ врученъ
Опечеспвомъ и домою правивш!
Народъ нашъ шщился ободренъ
Трудовъ Пешровыхъ не оспавивш.
Но ахъ, свирѣпа наша часшь!

Любезна жизнь ея и власшь
И мужескъ поль за ней пресѣкъся;
И унывающій народъ
Въ печали вранище облекся,
Чшо оплученъ Пешровъ былъ плодъ.

Ужасны хляби, спремными
Споиашъ прошивъ Пешровой дщери,
И швердосшь пляжкія спѣны,
И въ вѣкъ заклепанныя двери
И непроходныхъ спранъ морей
Лишаюшъ насъ надежды всей;
Нѣшъ способа и нѣшъ совѣша!
Но Вышній нашъ услышалъ гласъ:
Великая ЕЛИСАВЕТА
Се царспивуешь и щедришъ насъ!

Поспавилъ Богъ и Россовъ духъ,
И не подвигнешся во вѣки.
Какая рѣчь плѣняешъ слухъ?
Гласишъ моря, лѣса и рѣки,
Тамъ Нимфы повпоряюшъ рѣчь,
Какъ въ спрѣчу ей спѣшили пещь:
„Кшо ты? Минерва иль Діана?
Кшо машъ шебѣ и кшо опецъ?
Богиней въ свѣщѣ бышъ избрана,
Досшойная носишъ вѣнецъ!

„Не шы ли, коей долго ждемъ,
Желаемъ, льемъ пошоки слезны?
Она и спаномъ и лицемъ,
ЕКАТЕРИНИНЪ взоръ любезный,
Подобіе и духъ Пешровъ,
Ошрада наша и покровъ.“
О дщери Росскія, играйше!
Надежда ваша васъ не льсшишь,
И съ удовольствіемъ внимайше,
Что вамъ Богиня говоришь.

„На оптической пресполь всхожу
Спасши опъ злобы ушѣсненныхъ,
И щедрой власшью покажу
Свой родъ, умножу просвѣщенныхъ.
Моей державы крошка мочь
Ошвергнешъ смершной казни ночь;
Владѣшь хочу зефира пише;
Мои всѣ мысли и залогъ
И воля данная мнѣ свыше
Въ усплахъ прощенъе, въ сердцаъ Богъ.

О дѣломъ совершенный гласъ!
Благодѣнія швоя держава,
Щедрошъ исполненъ всякой часъ!
Едина шокмо бранъ кровава
Принудила правдивой мечъ

Противу гордоспи извлечь,
Какъ спѣну Росску грудь поспавишь
Въ защиту дружескихъ державъ,
И ошъ насильныхъ рукъ избавишь,
Въ союзѣ вѣрносшь показавъ.

Какъ вождѣнный солнца лучъ,
Хотя не пресная сіяеть,
Скрываешся ошъ мрачныхъ шучъ,
И не повсюду согрѣваешь.
Подобно милосерда власшь
Любя себѣ врученну часшь,
Сіянiе даешь всечасно,
Чшобъ грѣшь и освѣщаешь народъ:
Но шерпишь дѣйствіе прекрасно
Уронъ ошъ бранныхъ непогодъ.

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылымъ къ бодрости будила,
Чшобъ въ нѣдрахъ мягкой пшшины
Не зацѣли водамъ равны,
Чшо вокругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спяшь,
И подь лѣвивыми лиспами
Презрѣнной производяшь гадъ.

Война плоды свои расшипъ,
Героевъ въ мѣръ раждаешъ славныхъ,
Обширныхъ областей еспъ щипъ
Могущество крѣпишъ державныхъ.
Воззримъ на древни времена;
Россійска повѣспъ шѣмъ полна,
Уже изъ пшмы на свѣпъ выходишъ
За ней великихъ полкъ мужей,
Чшо на шеапръ всесвѣпный взводишъ
Одѣшыхъ солнечной зарей.

Се бодрый воинъ Свяпославъ
Славянъ и Скиеовъ съ Печенѣги
И Болгаръ съ Турками собравъ,
Дунайски наполняешъ бреги,
И побѣдишелъ всѣмъ гласишъ:
„Здѣсь сердце спранъ моихъ лежишъ,
Смарагды, шолкъ даюшъ мнѣ Греки,
Вино и злапо Угровъ шрудъ,
Народъ и хлѣбъ велики рѣки,
Чшо въ опчеспѣ моемъ шекупъ.“

Ему геройспвомъ равный сынъ
Владимѣръ, превосходный вѣрой,
Войной и миромъ исполнишъ,
Опмспивъ за брата равной мѣрой,
Съ Дунайскихъ и до Камскихъ водъ

Вливаешь свѣтъ Христовъ въ народъ;
Счешавъ съ любовью поспояншю,
Гусшюю разбиваешь шѣнь;
На Пѣруна и на поганшю
Спуливъ, возшедшій кажешь день.

Не по ли храбрый Мономахъ?
Онъ мечъ вознесъ на Визаншю,
И Комнинъ облеченный въ спрахъ
Вънедъ влагаетъ на Россю.
Тамъ плещушъ Невски берега,
Низвергнувъ дерзкаго врага
Пешрова мужешшвомъ предшечи,
Опъ Запада защипникъ онъ.
Се Дмишрѣевы сильны плечи
Гусшяшъ Тапшарской кровью Донъ.

Тезоименны дѣдъ и внуки 1)
Разбишя бросаютъ узы,
И кажушъ всей вселенной вокругъ,
Державу, права, мечъ, союзы;
Тамъ равный сродникъ Алексѣй,
О Висла, до швоихъ зыбей
Границы дѣль своихъ посшавиль,
Прошелъ бы далѣй, мало жиль!
Но плодъ геройскихъ дѣль осшавиль,
Какого сына онъ родиль!

1) Государи: Великій Князь Иоаннъ Васильевичъ
и Царь Иоаннъ Васильевичъ.

Бодрись мой духъ, смощри, внимай:
Сквозь дымъ небесный лучъ блиспаешь!
Сквозь волны, пламень, вижу рай;
Тамъ Богъ десницу проспираешь,
И крѣпость неизмѣрныхъ силъ
Петру на свѣтъ поручилъ.
„Низвергни храбросшю коваршво,
Войнами укроши войны;
Одѣнь оружемъ новымъ царшво,
Полночны оживи спраны.“

Ведешь Творецъ, онъ идешь въ свѣдъ;
Воздвигъ насъ. Россы ускоряйше
На образъ въ знакъ его побѣдъ
Рифейски горы изшощайше,
Дабы его безмерпный ликъ,
Какъ солнце, свѣшель и великъ
Сіяль во всѣ концы земныя,
Опть неизвѣспныхъ зримъ былъ мѣспъ,
И небу равная Россія
Казала дѣль, коль много звѣздъ.

Посмощримъ въ западны спраны:
Опть спрѣль Россійскія Діаны
Изъ превеликой вышины
Сспремглавно падають Типпаны.
Ты Мемель, Франкфурпъ и Киспринъ,

Ты Швейдницъ, Кенигсбергъ, Берлинъ,
Ты звукъ лепшающаго спроя,
Ты Шпрея хипрая рѣка,
Спросите своего Героя:
Что можешь Росская рука?

Великая ЕЛИСАВЕТЪ

И силу кажешь и державу;
Но въ сердцѣ держишь сей совѣтъ:
Размножишь миромъ нашу славу,
И выше, какъ военной звукъ,
Поспавишь красосу наукъ.
По мнѣ, хошябъ руно злашое
Я могъ какъ Язонъ получишь;
Тобъ Музамъ для жишья въ покоѣ
Не усумнился подарить.

Въ войну кишишь съ землею дровъ,
И суша съ моремъ негодуешь;
Владѣешь въ мирны дни любовь;
И вся напура шоржеспвуешь.
Тамъ заглушаешь мысли шумъ;
Здѣсь красишь всѣ довольства умъ.
Се милоснь испинну срѣшаешь,
Возрише, смершны, въ висошу!
И правда пишину лобзаешь,
Я вижу вѣчну красосу.

Среди разгнанныхъ мрачныхъ бурь
Всего пресвѣплѣе сілешь,
Вокругъ и злапо и лазурь:
Всесильный Миръ себя являешь,
Оливна вѣшвь, лавръ, слава, мечь!
Внимай, подсолнечная, рѣчь:
Пешрова дщерь вамъ въ вѣкъ залогомъ.
„Я живъ и обладаешь Пешръ,
Пребуду вѣчно вашимъ Богомъ,
И, какъ ЕЛИСАВЕТА, щедръ.“

О Д А XVI.

Блаженныя памяти Императору ПЕТРУ
ФЕОДОРОВИЧУ на возшествіе на пре-
столю и купно на новый 1762 годъ.

Сій, о новый годъ, прекрасно,
Сквозь гущину печальныхъ шуть:
Прошло зашменіе ужасно,
Умножь, умножь ошрады луть.
Уже плачевная ушраша,
Дражайшая сокровищъ злаца,
Сугубо намъ возвращена.
Благополучны мы спокрапно:
ПЕТРА великаго обрашно
Вспрѣчаешъ Росская спрана.

ПЕТРА воздвигъ съ Екашериной,
И съ Павломъ, о драгой залогъ!
Послалъ намъ радость за судьбиной
Въ щедропахъ неизмѣрный Богъ.
Орелъ великій обновился,
На высотѣ своей явился,
И надъ Европою парилъ.
Россіане руками плещушъ,
Враги въ уныніи шрепещушъ,
Познавъ, кто носишъ скипцрѣ, мечъ, щилъ.

Премудрая Елисавета
На оптический прешоль возшедь,
Движеньемъ вышнего совѣша
Блюла опечесиво опъ бѣдь.
Доспигнувъ мужскимъ геройствомъ,
Опвсюду облекла спокойствомъ,
Свое наслѣдство ушвердивъ,
Чшобъ былъ для счастья Россовъ, славы,
Безъ пресѣченія державы
Великій ПЕТРЪ во вѣки живъ.

Ея совѣшны совершились:

На пронъ наслѣдный шн вспунилъ,
Монархъ, мы въ вѣкъ ея лишились;
Но шн восходомъ оживиль.
Пріемлешъ скипшрь, она вручаешъ,
И въ вѣчноспъ опходя, вѣщаешъ:
„Владѣй, храни, возвысь народъ,
Моей опасностью спасенный,
Увѣрь всѣхъ, мной благословенный,
Чшо шн ПЕТРОВЪ и АННИНЪ плодь.

„Когда я съ нею разлучалась
И въ ложеснахъ ея съ побой,
Коль горесшно тогда шерзалась,
Опчаянна въ судьбинѣ злой!
Но большу ощущала радость,

Твою возлюбленную младость
Въ объяшя свои принявъ :
И нынѣ опхожу съ покоемъ ;
Опечесство шобой Героемъ
Превыше будешъ всѣхъ державъ.

Уже ко предположимъ слезнымъ
Опъ облакъ обрашала видъ,
И. умиленіемъ любезнымъ
Озрѣвшись, къ высотѣ спѣшишь,
Освободясь опъ часпи шлѣнной,
Восходишь къ жизни непремѣнной.
Молчише горы и лѣса,
Моря и вѣтры безпокойны,
Внимайте мнѣ и будыше спройны ;
Мой умъ вперился въ небеса.

Ошворенный ЕЛИСАВЕТЪ
Ея преславныхъ предковъ храмъ
Сіяешъ въ безконечномъ свѣшѣ,
По звѣзднымъ распроспершъ полямъ.
Среди геройскаго собора
Лучемъ божеспвеннаго взора
Яснѣйшій прочихъ духъ ПЕТРОВЪ
При входѣ свѣшозарной двери
Десницу просширая дщери,
Къ себѣ въ небесный вводишь кровь.

„Гряди къ блаженному покою,
Гряди къ намъ въ вѣчно шоржешшо,
Гряди и царшвууй здѣсь со мною,
Такъ хочешъ вышне Божешшо.
Ты жишь съ безмершными достшойна;
Россія по шебѣ спокойна:
Ты возврапила въ ней урошь;
Ты кровь мою возобновила,
Въ наслѣдшвѣ внука ушвердила;
Тобою онъ возшелъ на шронъ.

„Великодушія, шедроны
И мужешва дала примѣрь,
Чшобъ руку онъ къ своимъ для льгоши
И мечъ пропивъ враговъ просперъ.
Тобой цвѣшешъ мой градъ любезный,
Пешрополь славный и полезный;
Но будешъ выше древнихъ дивъ.
Предѣлы шы распрощранила;
Его благословенна сила
Пощавишь, вѣчно ушвердивъ.

„За истинную добродѣшель
Земля шебѣ давала плодъ;
Всегда преклоненъ былъ Содѣшель;
Въ довольшвѣ множилъ швой народъ.
Наслѣдникъ шюю же спезею

Сшупая ревностью своею,
Преклонишь вышнее добро.
Была, какъ пш, напура щедра,
Ошкрыла горь съ богащспвомъ нѣдра;
Ему спорично дасишь сребро.

„Ты награждала всемъ науки;
И онъ щедрой оживишь,
Искусствомъ обученны руки
Снабдишь, умножишь, просвѣшишь.
Онъ поспыдишь, какъ пш, злодѣвъ.
Оспавленъ посредь профеевъ,
До облакъ оны вознесешь;
И на проспранной свѣща часши
Конечъ своей положишь власши,
Гдѣ знакъ споишь швоихъ побѣдъ.

„Но больше чшу сію заслугу,
Чшо пш усердшвуя къ нему,
Доспойную дала супругу,
Любезну ошчеспву всему.
Уже изъ общей ихъ любви
Цвѣшетъ ошъ нашей опрасль крови
Дражайшій Павелъ правнукъ мой.
Продлишь Господь его попомки;
Дѣла ихъ возвеличишь громки,
Прославишь брани и покой.“

Богиня новыми лучами
Красуешься окружена,
И звѣзды видишь подъ ногами
Свѣплѣ оныхъ какъ луна.
Уже щоржеспивенные лики
И радоспныхъ Героевъ клики
И браннымъ несперпимый свѣщъ
Всю силу ока прищупляющъ,
Вниманье слуха заглушающъ:
Видѣнїя закрылся слѣдъ.

Оспавивъ высокоу прекрасну,
Я небо вижу на земли:
Народовъ ревносшь всѣхъ согласну,
Какъ въ вѣки всѣ свѣщила шли.
Ошь Юга, Запада, Воспока
Полями, славою широка
Россїя кажешъ вѣрной духъ.
И какъ ЕЛИСАВЕТЪ швердо
ПЕТРУ вдаешъ себя усердо,
Едва лишь гдѣ достигнуль слухъ.

Хребшы полей прекрасныхъ, шучныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ и Днѣпръ щекущъ,
Дѣль послухи Пешровыхъ звучныхъ
Съ весельемъ поминая шрудъ,
Тебѣ обильны движущъ воды,

Тебѣ, Монархъ, / плѣдящъ народы,
Несущъ довольство всѣхъ пошребъ,
Чшо воздухъ и вода раждаетъ,
Чшо мягкая земля пишаетъ,
И жизни главну крѣпость хлѣбъ.

Тамъ мерзлыми шумишь крилами
Опець гуспныхъ снѣговъ борей,
И опворяешь ходъ межъ льдами
Дашъ волѣ пушь въ Воспокъ швоей,
Чшобъ Хины, Инды и Японны
Подверглись подъ швои законы,
Тебѣ опъ вѣрной глубины
Руками плещушь воды бѣлы;
Ликуюшь западны предѣлы,
Предвидя счастье войны.

Европа ныцѣ восхищенна
Внимая, смошришь на Воспокъ,
И ожидаешь изумленна,
Какой опредѣлишь ей рокъ.
То видишь зракъ швой предъ полками
Подобный Марсу межъ врагами;
То предшавляешь общій пиръ,
Оспрады ради упомненныхъ,
Избавы ради раззоренныхъ,
Тобою обновленный миръ.

Когда по глубинѣ невѣрной
Къ невѣдомымъ брегамъ пловець
Снѣшишь по дальности безмѣрной,
И не являешся конецъ;
Прилѣжно смопришь пищицъ полещы,
Въ водѣ и въ воздухѣ примѣшы,
И какъ ужъ помную главу
На брегъ желанный полагаешъ,
Въ слезахъ опъ радости лобзаешъ
Песокъ и мягкую шраву.

Германія сему подобно
По собственой крови плывешъ;
Во время смушно, неспособно
Конца своихъ не видишь бѣды;
На Фарось силъ своихъ зриаешъ,
Къ шебъ дорогу направляешъ,
Тебъ себя въ покровъ опдаешъ
Въ согласіи желаешъ спройномъ
Въ швоемъ приспанищѣ спокойномъ,
Оливны вѣшви цѣловашъ.

Тогда по славнѣйшихъ побѣдахъ,
Какъ общій ускорилъ покой,
Пребудешъ знашнѣйшій въ сосѣдахъ,
Прехваленъ миромъ и войной.
Тогда въ шрудахъ шебъ любезныхъ,

Россійскимъ обласшямъ полезныхъ,
Все время будешь провождашь;
И каждой день злашаго вѣку,
Коль долго можно челоуѣку,
Благодѣяньями вѣнчашь.

Когда пучину не смущаешь
Спремленіе насильныхъ бурь;
Въ зеркаль жидкомъ предспавляешь,
Небесной ясноспи лазурь,
И солнце съ вышины дивишся,
Чшо само шоль глубоко зришся.
Такъ шы, о нашихъ дней вѣнецъ,
Во внутреннихъ грудяхъ сіяешь,
И свѣшмый ликъ изображаешь
Въ спокойной радоспи сердцеъ.

Великолѣпно облекися
Россійскій радоспный Сіонъ,
Главой до облакъ вознесися,
Самсонъ, Давидъ и Соломонъ
Въ ПЕТРЪШобокъ обладающъ,
И Голяеовъ презирающъ.
Сильнѣе шигровъ онъ и львовъ,
Геройска бодроспъ въ немъ избранна.
Изохнешь на земли пошранна
Свирѣпоспъ змиевыхъ головъ.

Голшпинія возвеселися,
Что опъ тебя цвѣшеть нашъ Крикъ.
Ты къ морю въ празднествѣ спремися,
Цвѣшущій славою Цвейшинь.
Хошя не силенъ ты водою,
Но радостью сравнись съ Невоею,
До Зунда шумъ швой разпроспри.
Соединенные Россійскимъ
Пославъ по берегамъ Балпійскимъ
Желаній вѣрныхъ алшари.

Спѣши, спѣши, весна злаяя,
Умножь ошраду шеплошой;
И новы вѣки начиная,
Спихія здравіемъ напои;
Вели благоухашъ Зефиру;
Съ ПЕТРОМЪ поля одѣнь въ порфиру,
И всѣмъ пріялносшямъ швоимъ
Подобную ЕКАТЕРИНУ
Надежды нашея причину
Снабди, снабди плодомъ драгимъ.

Небесь и всѣхъ вѣковъ Зиждишель,
Испочникъ всякаго добра,
Царей и царшвъ земныхъ Правилель,
Ты оправдалъ владѣшь ПЕТРА
Подсолнечной великой часпью,

Утѣшь его народы власью,
Преславный вѣкъ ему подай,
Супругъ вѣшви вождѣнной,
И больше какъ во всей вселенной
Въ ПЕТРОВѢ домѣ обитай.

О Д А XVII.

НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ ВОЗШЕСТВИЯ НА
ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛЪ ГОСУДАРЫНИ ИМ-
ПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. ЮНЯ 28
ДНЯ 1762 ГОДА.

Внемлите, всѣ предѣлы свѣта,
И вѣдайше, что можешъ Богъ!
Воскресла намъ ЕЛИСАВЕТА:
Ликуешъ церковь и черпогъ.
Она, или ЕКАТЕРИНА?
Она изъ обѣихъ едина!
Ея и бодрость и восходъ
Злашой наукамъ вѣкъ воспавишь,
И ошъ презрѣнїя избавишь
Возлюбленный Россійскій родъ.

Россійскій родъ, коль шы ужасенъ
Въ поляхъ прошивъ своихъ враговъ;
Толь домъ швой въ нѣдрахъ безопасенъ.
Ты внѣ гроза, шы внупръ покровъ.
Полки сражая, внѣ воюешъ;
Но внупръ безъ крови шоржешвуешъ.
Ты буря шамъ, здѣсь шишина.
Умѣренность шебъ въ кровь бранну,
Въ главу побѣдами вѣнчанну
Ошъ шрехъ въ сей вѣкъ Богинь дана.

Часть I.

Петра Великаго супруга
Взведенная самимъ на шронъ,
Краса и честьъ земнаго круга
И слава скипшровъ и коронъ,
Прехраброму сему Герою
Среди пылающаго спрою
Даешьъ спасительный совѣщъ,
Военно сердце умягчаешь;
И миръ пріявши лобызаешь
Разженный яростью Магмешь.

ЕЛИСАВЕТА царшвомъ мирнымъ
Россійскія мягчишь сердца,
И какъ дыханіемъ зефирнымъ,
Взираньемъ крошкаго лица
Вливаешь благосклонность въ нравы,
Въ войнахъ не умаляя славы.
Возложенный себѣ вѣнецъ
Побѣдой, миромъ украшаешь,
Трофеями превозвышаешь
Державы своей конецъ.

Въ сіи прискорбны дни природнымъ
Россійскимъ испиннымъ сынамъ,
Ослабу духомъ благороднымъ
Даешьъ ЕКАТЕРИНА намъ.
Мы крошосщи Богинь навькнувъ,

И въ счастье ими данно вникнувъ,
Судбину щимся опшрапишь.
Ужь для общеспвенна покова
Согласно всѣхъ душа гошова
Въ ней дщерь Пешрову возврапишь.

Слыхаль ли кшо въ свѣшъ изъ рожденныхъ,
Чшобъ шоржеспвующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О спыдъ, о спранной оборощъ!
Чшобъ кровью купленны шрофеи
И побѣдишелей злодѣи
Приобрѣли въ напрасной даръ
И данную залогомъ вѣру.
Въ шебъ Россія нѣшъ примѣру;
И нынѣ опшращень ударъ.

Любовь швоя къ ЕКАТЕРИНѢ,
ЕКАТЕРИНИНА къ шебъ
Побѣду даровала нынѣ;
И Небо вѣрной сей рабъ
Безъ раздробляющаго звуку
Крѣпишь благословенну руку
На нашихъ буйныхъ сопосшашъ.
О коль видѣніе прекрасно!
О коль мечпаніе ужасно!
Чшо смошришь сей, чшо слышишь градъ?

*

Не мракъ ли въ облакахъ развился?
Или открылся гробъ Пешровъ?
Онъ взоромъ смущень пробудился
И произноситъ гласъ шаковъ:
„Я мерзвь шерплю несносу рану!
На шо ли вселюбезну АННУ
Въ супружествю я поручилъ,
Дабы чрезъ шо моя Россія
Подъ игомъ обласни чужія
Лишилась власши, славы, силъ?

„На шоль, чѣлобъ всѣ шруды несчешны
И прибрѣшенны плоды
Разрушились и были щещсны,
И новы возрасли бѣды?
На шоль воздвигъ я градъ священнй,
Дабы врагами населеннй
Россіянамъ ужасень былъ,
И вмѣсто радосшной сполицы
Тревожилъ дальнныя границы,
Кошоры я разпроспранилъ?“

О шѣнь великая, спокойся!
Мы помнимъ шѣмы швоихъ заслуть;
Безмолвна въ вѣчноспи ушройся:
Твой шрудъ межъ нами живъ вокругъ.
Не предадимъ швоей любви,

Не пощадимъ послѣдней крови.
Спѣшимъ опечесшво покрывъ
Во слѣдъ премудрой Героинѣ,
Любезной всѣмъ ЕКАТЕРИНѢ,
Любезны ей и вѣрны бышь.

Чшо чаяли, вы Невски Музы,
Въ великій оный громкій часъ?
„Согласны мысли всѣхъ союзы
Веселый возвышали гласъ.“
Какъ звали ревностну присягу?
„Благословенную опвагу.“
Чшо зрѣли, какъ закрылся день?
„Намъ здѣшніе брега и волны
Величеспва, пріятшспва полны
Сквозь шонкую казались шѣнь.

„Среди избраннѣйшихъ Героевъ
Между блисшающимъ ружьемъ,
Среди непобѣдимыхъ спроевъ
Сверкаеть красота мечемъ,
И нѣжностъ пола уважаетъ,
И шую храбросшь украшаетъ:
Объими сердца влечеть.
Всякъ видя, слѣдуя за нею,
Гласишь устами и дуцею:
Такъ шла на шронъ ЕЛИСАВЕТЬ!“

Гряди Россійская опрада,
Гряди желаніе сердець,
И буди ошь враговъ ограда,
Посшавъ опасносшямъ конецъ;
И оправдай ЕЛИСАВЕТУ,
Всему доказывая свѣшу,
Чшо полная пріумфовъ брань
Посшыждена поноснымъ миромъ,
И сопосшашъ почшенъ кумиромъ,
Ошь насъ пріемлешъ въ жершву дань.

Уже намъ дневное свѣшило
Свое пресвѣпное лице
Всерадоспнымъ очамъ явило
Лучей прекрасныхъ во вѣнцѣ;
Туманы, мраки разгоняя,
И радосшь нашу предваряя,
Поля, лѣса, брега живишь;
Въ росъ, въ сшруяхъ себя являешъ.
Ему подобный къ намъ сіяешъ
Избавившей Богини видъ.

Въ удвоенномъ Пешрополь блескѣ
Торжешпвенный подъемлешъ шумъ,
При громкомъ возхищаясь плескѣ
Опрадой, возвышаешъ умъ.
Взирая на свою избаву,

На мысль приводишь прежню славу.
Въ церквахъ, по спогнамъ, по домамъ
Несчешно множешво народу
Тремящу предспавляешъ воду,
Чшо гласъ возносишь къ небесамъ.

Теперь злоумышлене въ ямѣ
За гордосиь свержено лежишь;
ЕКАТЕРИНА въ Божьемъ храмѣ
Съ благоговѣніемъ споишь;
Хвалу на Небо возсылаешъ,
И купно сердце всѣхъ пылаешъ
О цѣлоси ея и насъ;
Чшо Вышній крѣпкою десницей,
Богиню намъ подавъ Царицей,
Ошь гибели невинныхъ спасъ.

Услышше судиі земные
И всѣ державныя главы:
Законы нарушашъ свяшые
Ошь буйноспи блюдишесь вы,
И подданныхъ не презирайше;
Но ихъ пороки исправляйше
Ученьемъ, милосшыю, шрудомъ.
Вмѣспише съ правдою щедрошу,
Народну наблюдайше льгошу;
То Богъ благословишь вашъ домъ.

О коль велико, какъ прославяшь
Монарха вѣрные раби!
О коль опасно, какъ оспавяшь,
Опъ пѣсношы своей въ скорби!
Внимайше нашему примѣру,
Любише ихъ, любише вѣру.
Она свирѣпоспи узда,
Сердца народовъ сопрягаешъ
И вамъ ихъ вѣрно покоряешъ,
Твердѣ всякаго щипа.

А вы, копорымъ здѣсь Россія
Даешъ уже опъ древнихъ лѣпъ
Довольсшиво вольноспи злапья,
Какой въ другихъ державахъ нѣпъ,
Храня къ своимъ сосѣдамъ дружбу,
Позволила по зрѣ службу
Безпрешкновенно приносишь.
На шоль склонились къ вамъ Монархи
И согласились Иерархи,
Чшобъ древній нашъ законъ вредишь?

И вмѣсно, чшобъ вамъ бышь межъ нами
Въ предѣлахъ должноспи своей,
Счишашъ насъ вашими рабами
Въ проптивноспи испинны вещей,
Искусшво нынѣшне доводомъ,

Что было надъ Россійскимъ родомъ
Умышлено ошъ вашихъ главъ,
Къ попранью нашего закона,
Россійскаго къ паденью прона,
Къ рушенію народныхъ правъ.

Обширность нашихъ спранъ измърше,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собспвеннымъ повърше:
Не вамъ подвергнушь нашъ предѣлъ.
Изчислише шьму сильныхъ боевъ,
Изчислише у насъ Героевъ
Ошъ земледѣльца до Царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у свяшаго алшаря.

О коль Монархъ благополучень,
Кто знаешъ Россами владѣшь!
Онъ будешъ въ свѣшъ олавой звучень
И всѣхъ сердца въ рукъ имѣшь.
Тебя шоль счастливу считаеъмъ,
Богиня, въ коей признаеаемъ
Въ единой всѣ доброты вдругъ,
Щедроты, вѣру, справедливосшь,
И съ поспоянствомъ прозорливосшь,
И испинной геройской духъ.

Оснадцать лѣтъ ты украшала
Благословенный домъ ПЕТРОВЪ;
ЕЛИСАВЕТЪ подражала
Монаршихъ въ высокоу даровъ.
Освобождая ушѣсненныхъ,
И ободряя оскорбленныхъ,
Склонила высокоу небесъ
Отъ злой судьбы шебя избавишь,
Надъ нами царшвовашъ цоспавишь,
И оперешъ намъ шоки слезъ.

Науки нынѣ поужеспвуйше:
Взошла Минерва на прешполь,
Пермесски воды ликовшвуйше,
Шумя крупишесъ въ зланный долъ;
Вы въ рѣки и въ моря спѣшише,
И нашу радосшъ возвѣспише
Лугамъ, горамъ и ошпровамъ;
Скажише, что для просвѣщенья
Повсюду ушвердишъ ученья,
Создавъ прекрасны храмы вамъ.

А ты, о ошрасль вожелѣнна,
Спасенная отъ сильныхъ рукъ,
Будь жизнь швоя благословенна,
Прекрасна посредѣ наукъ!
Дражайшій Павелъ нашъ, мужайся,

Въ объятыхъ рождшей ушѣшайся,
И бывши скорби забывай.
Она всѣ бури успокоитъ ;
Щедрой, ревностью усроитъ
Тебѣ и намъ прекрасный рай.

Герои храбры и усерды,
Которымъ промыслъ положилъ
Пріятъ намѣренія пверды
Противу беззаконныхъ силъ
Въ защиту нашей Героинѣ,
Красуйшесь, веселишесь нынѣ:
На васъ лавровы вѣнцы
Въ несчетны вѣки не увянушъ,
Доколѣ Россы не преспанушъ,
Гремѣшъ въ подсолнечной концы.

О Д А XVIII.

На новый 1764 годъ Государынь Импе-
ратриць ЕКАТЕРИНЪ II.

Пою наславшій годъ: онъ славенъ,
Онъ будетъ красоша вѣковъ,
Твоимъ намѣреніямъ равенъ,
Богиня, радость и покровъ!
Не обинуясь предвѣщаю,
Что гласъ мой правишь поручаю
Послушницѣ швоей судьбѣ;
И можноль, чшобы наши лѣта
Россійскаго ошрадъ свѣта
Не уподобились тебѣ?

Геройскихъ подвиговъ хранишель
И проповѣдашель Парнасѣ,
Временъ и рока побѣдишель,
Возвыси нынѣ свѣщлый гласъ,
Приближи къ небесамъ вершины;
И для похвалъ ЕКАТЕРИНЫ
Какъ наша радость разцвѣспай:
Шуми ручьями съ гласомъ лиры,
Бореи преврапи въ зефиры,
Предспавъ зимой въ полнощи рай.

Среди поржешивеннаго звуку
О ревности моей увѣрь,
Что нынѣ чия Пешрову внуку,
Пою, какъ пѣль Пешрову дочерь.
Ни моего преклонность вѣка,
Что слабишь духъ у челоуѣка,
Ниже гонящій въ гробъ недугъ,
Ниже зависливый злодѣи
Черезъ вредны воспяшашъ зашѣи
Почтишельный къ Монархамъ духъ.

Усыновленна добродѣшель
Россійскій украшаетъ свѣтъ:
Тому начало и свидѣшель
Избраніемъ ЕЛИСАВЕТЪ.
Усердіе всего народа
Крѣпиль, какъ кровная природа.
О скипиръ, вѣнецъ, о пронь, чершогъ,
Сужденны вновь ЕКАТЕРИНЪ,
Красуйтесь о вшорой Богинѣ!
Той Пешрь вручилъ, сей вѣрилъ Богъ!

Самъ Богъ ведетъ, и кто прошиву?
Кто ходъ его оспановишь?
Какъ океанскихъ водъ разливу
На встрѣчу кто посшавишь щипъ?
Гдѣ звуки? гдѣ огни и спражъ?

Гдѣ, гдѣ всегдашній дымъ и прахи?
Въ нихъ Вышній не благоволилъ,
Въ свою не принялъ благосмыню;
Но щедра крошку Героиню,
Покрылъ, воздвигъ, вѣнцемъ почшилъ.

Превыше облакъ возходящій
Недвижно зришь отъ звѣздъ Ашлантъ
На вихрь въ подножіяхъ шумящій:
Такъ блещущій ея шалантъ
Души и шѣла красою
Надъ мрачною налоговъ мглою
Въ лучахъ небесныхъ вознесенъ,
Туманы, бури презираешь,
И дни неспройны премѣняешь
На ясность радосныхъ времянь.

О! ты пресвѣтлый предводишель
Отъ вѣчности шекущихъ лѣшь,
Цвѣшущихъ, дышущихъ живишель,
Ты око и душа планешь,
Позволь ко швоему мнѣ дому,
Ко храму швоему злашому,
Позволь приближившись возрѣшь!
Уже изъ свѣтлыхъ врашь сафирныхъ
Направиль коней ты Ефирныхъ
Ржушь, шогчушь швердь, спѣшашъ лешѣшь.

Ты съ новымъ шоржешвуа годомъ,
Между блиспающихъ колесъ
Лазуревымъ пушился сводомъ,
Течешь на крушизну небесъ;
Сшремясь къ пріяпшвамъ вешней нѣги,
Одолъваешь зиму, снѣги.
Таковъ ЕКАТЕРИНИНЪ правъ,
Народну грубосшь умягчаешь,
И всѣхъ къ блаженспву приближаешь
Теченьемъ обновленныхъ правъ.

Пошомъ сильнѣйшими лучами
Сія въ большей высотѣ,
Прольешь испочники полями
Въ цвѣшущихъ злаковъ красосѣ;
Лиспами увѣнчаешь лѣсы;
Въ куспахъ кругомъ молодой Цересы
Возбудишь сладкогласныхъ пшиць.
Туда распуцимъ сель богашспвомъ,
Туда пшы привлечеш пріяпшпвомъ
Поющихъ юношъ и дѣвиць.

ЕКАТЕРИНИНЫ доброшы
Сіяли къ намъ изъ мрачныхъ шуть;
Но больше шѣмъ ея щедрошы,
Чѣмъ выше и яснѣ лучъ:
Державы свояя весною

Къ довольствію, славъ и покою
Обильно сыплешь сѣмена,
Печешься, ограждаешь, грѣешь.
О коль богатый плодъ поспѣешь
Въ шебѣ, Россійская страна!

Когда съ превыспреннихъ неспасной
Приблѣдился на землю жаръ;
То дождь прольешь намъ плодоносной
Поднявъ, сгустивъ во облакъ паръ,
Умѣришь шѣмъ прекрасно льшо,
Какъ сердце Росское нагрѣло
ЕКАТЕРИНИНЫМЪ лучемъ.
Ты сладостной росой прохладу,
Она щедрошою ошраду
Подасшь и удовольствію всѣмъ.

Украшишь пицась лице земное,
Ночную сокращаешь шѣнь;
Она о подданныхъ покоѣ
Печешься, ночь вмѣняя въ день.
Россіяне, народъ послушной
Монархинѣ великодушной,
Примѣромъ неусыпныхъ пчель
Въ шрудахъ Царицѣ подражайше,
И сладость счастья умножайше
Успѣхами полезныхъ дѣль!

Уже по изобильномъ лѣшѣ
Досстигнешь солнце, гдѣ вѣсы
Равняющъ день и ночь на свѣшѣ,
И слѣдомъ лѣшнія красы .
Прислѣнешь по шрудахъ ошрада,
Какъ сладосшной изъ винограда
Пошоками прольешся сокъ:
Тогда дыханія способны
Съ богашспвомъ въ приспани удобны
Поспавяшъ корабли на срокъ.

Я слышу Нимфъ поющихъ гласы,
Носящихъ сладкіе плоды,
Тамъ въ гумнахъ чиспашъ пучны класы;
Шумяшъ огромныя скирды.
Среди охошничей шревоги
Лѣсами раздающся рори,
Въ покоѣ предспавля брань.
Сіе Богинѣ несравненной
Въ избышокъ принесушъ осенной,
Земля, вода, лѣсъ, воздухъ дань.

Въ сіи часы благословенны,
Когда Всевышній оградилъ
Помазаньемъ швой верхъ священный,
И славою вѣнца покрылъ;
Когда по ожиданью многомъ

Часть I.

Снабдилъ дражайшимъ насъ залогомъ,
Младаго ПАВЛА даровавъ;
Какого мы добра предспавишь
Не можемъ, и Творца прославишь,
Толикіе дары пріянь.

На пронь взошла ЕКАТЕРИНА
Не шокмо, чшобъ себя спасши
Опъ бѣдъ, чшо ближила судьбина;
Но чшобъ Россіянъ вознесши.
Предвидя общія напасши,
Чъмъ угрожалъ вредны спрасши,
Гопова съ нами поспрадашь,
Чрезъ опмѣниное геройсшво
Себъ и намъ дала спокойсшво,
Какъ испинная чадамъ машь.

Блаженны мы, чшо ей послушны:
Покорносшь наша къ счасшью пушь!
О вы спраны единодушны,
Согласіемъ едина грудь
Обыкши живъ въ Монаршей вошь,
Лижуйше: правда на пресполь,
И ей премудросшь присѣдишь,
Небесными блеснувь очами,
Богини нашея успами
Законъ вѣчныя гласишь.

„Цвѣтушь во славу мною царства,
И пишушь правой судъ Цари;
Гнушаясь мерзостью коварства,
Рѣшу величѣнно при.
Могу дѣла изчислить задни,
И что рождается повсядни;
О будущемъ предвозвѣщу;
Мои полезны всѣмъ совѣщамъ,
Опть чашителей моихъ навѣщамъ
Предупреждай ошвращу.

„Господь шворенія начало
Премудростию положилъ;
При мнѣ впервые возсіало
На шверди множеству свѣшилъ;
И въ нѣдрахъ неизмѣрной бездны
Назначилъ словомъ бѣги звѣздны.
Со мною солнце онъ возжегъ,
Въ снѣгахъ прекрашилъ раздоры,
Унизилъ доль, возвысилъ горы,
И предписалъ пучинѣ брегъ.“

Премудрый гласъ сей Соломоновъ,
Монархиня, сей гласъ ешь швой.
Пробудешь швердъ швоихъ законовъ,
Ограда испинны свяшой.
Онъ предварилъ тебѣ вѣками,

Превзойдешь ты его дѣлами,
Въ чемъ власшь господствуешь ума,
По ясныхъ знанія возходахъ
Въ повѣренныхъ шебѣ народахъ
Невѣжества исчезнешъ شما.

Твой прудъ для насъ обогащенье,
Мы чшимъ снѣною подвигъ швой;
Твой разумъ наше просвѣщенье,
И неусыпность наше покой.
О Пиндаръ, ешьлибъ въ они вѣки
Подъ сею власшью жили Греки,
Тобъ пѣлъ ты о своихъ богахъ,
Что могущъ всегда въ забавѣ,
Не мысля о земной управѣ,
Свой нектаръ пишь на небесахъ.

Какіе представляешь виды
Оспрадой восхищенный умъ?
Не вы угрюмые Друиды,
Не мрачной лѣсъ, не грозной шумъ,
Не изъ дымящейся пещеры
Звѣрообразны изувѣры
Дающъ глухимъ вышьемъ ошвѣтъ:
Ко мнѣ пророчицы согласны,
Касшалькія сесшры прекрасны
Съ Парнасса лющъ и гласъ и свѣтъ.

„Смотри, смотри, внимай, вѣщаюшь,
Въ обширны Россіе края,
Гдѣ сильны рѣки протекаюшь,
Народы многіе поя:
Изъ нихъ чрезъ горъ хребты высоки
Прольюшся новые попоки
ЕКАТЕРИНИНОЙ рукой,
Дабы чрезъ сочешанцы воды
Другъ другомъ пользуюсь народы,
Размножили избышокъ свой.

„Дабы сердце какъ спруй союзы
Удобный намъ опверзли ходъ,
Дабы усердныя мы Музы
Повсюду приносили плодъ.
И се Богиня несравненна
Возлюбленна и просвѣщенна
Сіяешь радостнымъ лицомъ,
Обищель нашу посвящаешь
И дверь ученьямъ опверзаешь
Во всемъ владычествѣ своемъ.

„На полночь кажешь Уранія:
Се здѣсь сквозь холмы льдовъ, сквозь градъ
Руно златое взяшь Россія
Денницы доспигаешь врашь;
Язоны, Тифсы и Алкиды

Россійской въ волю Амфиприди
Ощдавшись, какъ въ способной вѣспрь,
Препяпсшва, спрахн презирающъ
И счастье ПАВЛОВЫМЪ кончающъ,
Чего желалъ великій Пешрь.

„Озрися на спрану десную,
Гдѣ напыщенный исполнѣ
Сѣдишь и чаешь, что земную
Рукою держишь власшь единъ;
Толстыми окруженъ спѣнами
И ошдаленными морями,
Въ ничто вмѣняешь прочій свѣшь,
Не зная, что обширны силы
Безъ храбраго искуссва гнилы,
Какимъ Европы край цвѣщешъ.

„Кишай! предупреждая бѣдсшво,
Не спрашя времени блюдишь,
Гордыней раздражишь сосѣдсшво,
И гнѣву Россекаго спрашисъ.
Безплодны спени и пущиши
И пучи спрѣль швоихъ гущиши
Послужашъ въ неизбѣжной спидѣ.
И сей послушный нашъ любисель,
Каковъ швой бѣгъ и побѣдисель,
Съ Парнасса свѣгпу возвѣспишь.“

Сія желанія сердечны
Героевъ духъ и судъ Небесъ
Исполнишь и доспавишь вѣчны.
Въ надеждѣ шаковыхъ чудесъ
Россія окомъ умиленнымъ
И сердцемъ въ щассть услажденнымъ
Какой въ возпоргѣ казешь видъ!
Взирая какъ на нѣжнм крини
Въ объяшяхъ ЕКАТЕРИНЫ,
Младому ПАВЛУ говоришь.

„О шы цвѣтуца опрада,
О вѣрноснъ чаянїи моихъ,
Тебя родила мнѣ Паллада
Для продолженья дней злпшыхъ;
О плодъ божеспвенныя крови,
Распи, крѣпись въ ея любви,
Во слѣдъ шрудовъ ея зриай,
Какъ съ радосшью носишь державу,
Хранишь свою съ моею славу
Ея примѣрамъ подражай.

„О чада ревносны, усерды,
Славеновъ въ свѣшъ славный родъ,
О корень вѣрноснїю швердый,
Владѣшель многихъ царшнхъ и водъ,
Покрыпный орлимѣ крылами,

Украшенный ея дѣлами,
Чѣмъ долгъ Богинѣ возвратишь?
Въ шрудахъ полезныхъ обращайся
Въ сей годъ, и завсегда спарайся
Достоинства ея почишишь.“

Талантъ высокое рожденье,
Дала нашура красоту,
ЕЛИСАВЕТА присвоенье,
Какъ небо духа вышоту,
Планета бытъ любезной міру,
Судьба корону и порфиру;
Чшожъ, Россы, посвящимъ ей въ даръ?
За нашъ покровъ, за царство спройно
Чшо можемъ принесли достойно?
Усердія безсмертныи жаръ!

Кашищесь щасливимъ свѣшила
Во весь ЕКАТЕРИНИНЪ вѣкъ;
Живительная ваша сила
Съ пріяшностью Едемскихъ рѣкъ
Вливайся въ сердце ей и въ члены
И въ очи духомъ ободренны
И на прекрасное чело,
Чшобъ дравіе ея безцѣнно
Для нашей пользы безпремѣнно
Какъ вѣчная весна цвѣло!

ВЪЗНАННАЯ НАДЕЖДА РОССІЙСКІЯ ИМПЕРІИ
ВЪ ВЫСОКІЙ ПРАЗДНИКЪ КОРОНОВАНІЯ
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШИЯ, ДЕРЖАВНѢЙШИЯ,
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
Е Л И С А В Е Т Ы П Е Т Р О В Н Ы
И М П Е Р А Т Р И Ц Ы
И
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ,

ПРИ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ
САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ
А К А Д Е М І И Н А У К Ъ

ВСЕРАДОСТНО И ВСЕПОДДАННѢЙШЕ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ АПРѢЛЯ 29 ДНЯ 1742 ГОДА
СТИХАМИ ПРЕДСТАВЛЕННАЯ

ОТЪ

ГОТЛОВА ФРИДРИХА ВИЛЬГЕЛЬМА ЮНКЕРА,
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА НАДВОР-
НАГО КАМЕРНАГО СОВѢТНИКА ИНТЕНДАНТА СОЛЯ-
НЫХЪ ДѢЛЪ И ЧЛЕНА АКАДЕМІИ НАУКЪ.

СЪ НѢМЕЦКИХЪ РОССІЙСКИМИ СТИХАМИ ПЕРЕВЕЛЪ

М И Х А Й Л О Л О М О Н О С О В Ъ,
АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЪЮНКЪТЪ.

О Д А XIX.

Россія, что тебя за веселье духъ живишь?
Какъ можешь рада быть? Европа вся скорбишь:
Тебѣ грозить раздоръ, лукавство съпи спавишь,
Продерзкій полкъ земель и моремъ бѣгъ свой
правишь,

Что мыслью въ швой предѣлъ уже давно вспунилъ,
Пограбилъ всѣ мѣста, швое добро сглошилъ.
Орлы, какъ вы еще веселой гласъ послали,
Подкравшись шигры къ вамъ, внезапно львы напали.

Но радость истинна; уже призналъ весь
свѣтъ:

Какъ ты на пронь ПЕТРОВЪ взошла, ЕЛИ-
САВЕТЪ,

Черезъ сильной духъ его въ прошивныхъ спрахъ
вложиши,

Онъ будешь свой шрофей, швой щипъ наслед-
ство крыши,

Вспунила вольной ты въ спезю его ногой,
Гдѣ рокъ его вспяшилъ, шупъ пушь начался швой,
Ты будешь, шакъ какъ онъ, любовь во всей
вселенной,

Князей примѣръ, покровъ земли шебѣ врученной,

Велико дѣло въ семь равно душѣ швоей:

Какъ онъ опецъ нашъ былъ: ты мать Россіи всей.
Когда Олимпъ давалъ шакихъ Монарховъ славныхъ?
Весь свѣтъ, что чпишь его, ему не узришь
равныхъ.

Сквозь всѣ препящсва онъ главу свою вознесъ,
Монархъ здѣсь, шамъ ошець, хвадой къ верху
небесъ.

Приспойны, скажешъ кшо, къ правленью схранъ
науки,

Гдѣ не былъ духъ его и храбри купно руки?

Надежда схранъ его вѣнчанна днесъ въ шебъ;
Понеже всякой чинъ пособы ждешъ себѣ.

Ты, пы Монархиня, на пользу все исправишь,
Неполной кончишь шрудъ его совсѣмъ, просла-
вишь.

Ты скипшръ рукой берешъ, коварна злоспъ дро-
жишь,

Хошъ шяжко злапо въ немъ, любовь шебя крѣ-
пишь.

Щасплива будешъ шѣмъ земель Имперашрица,
Печаль прогонишь всю сердець людскихъ Царица.

Какъ ясной солнца лучъ въ немрачной
ушрѣ часъ,

Такъ швой пріашной взоръ опрадой свѣщипъ
въ насъ.

Въ шебъ съ величешвомъ сіяешъ къ намъ при-
яшсшво.

Съ небесъ вліянной даръ добротъ швоихъ изряд-
сшво.

Къ почпенью насъ ведешъ прекрасной зракъ лица,

Въ шебъ дивимся мы премудрости Творца,

Въ шаланшахъ чшо швоихъ вѣнца досшойныхъ
шся,

Чрезъ кои мы давно желали въ вѣкъ плѣнишся.

Твоя высока мысль Цесарску кровь значить,
Что ны Геройска дщерь, швой бодрой духъ
гласить,

И склонность върности чинишь всегда награду,
Невинныхъ брашь подъ кровь и бѣднымъ дашь
опраду.

Коль сильныхъ сихъ доброшь въ шебѣ велика
власшь!

Хвалы доспойна мысль и славой полна спрасишь,
Живошь души швоей, что шципся шоль ревниво
Прилично шрону ждшь, являшь породы диво.

Тебя къ сему избрашь Творецъ изволял самъ,
И древо дней швоихъ распишь въ цвѣшахъ къ
плодамъ.

Являешь склонность къ намъ, что прежде ны
шайла,

Копору съ бодростью спарацьемъ ны опкрыла.
Твоя десница что на пользу намъ чинишь,
То правишь зрѣль совѣшь, и добръ успѣхъ ско-
ришь.

Пресильной разумъ швой послѣшно все при-
заетъ.

Намѣренье швое съ желаньемъ всѣхъ кончатъ.

Мы можемъ нашъ шалантъ уже впередъ
прозришь:

Духовной будешь чинъ ученьемъ насъ крѣпишь,
И числу жизнь блющи, съ словами оныхъ сходну,
Съ наукой крошкой нравъ и съ шѣмъ премуд-
рошь сродну,

И мирно въ Бозѣ жишь и ревности въ цюмъ
казашь,
Чшобъ бѣднымъ помощь дашь, спрасшей на-
бѣгъ попрашь,
Они покажутъ всѣмъ промежь собой согласно,
Чшо шо сама любовь, чшо зримъ во оныхъ ясно.

Тобою будешь сей почтение чинъ имѣшь,
Чего досшойнъ онъ, всегда шо будешь зрѣшь:
Чшобы просшой народъ пороковъ впредь чуждался
И свяшо въ мѣрѣ жишь по ихъ словамъ спарался.
Священство въ ревности предъ Божій спанешъ
пронъ,
Имѣя чисшу мысль, хранивъ его законъ,
И духъ его гоповъ небесну власъ склониши,
Чшобъ сердце взятъ его, и миръ благословиши.

Твой вѣры полный умъ умножишь щасье
въ насъ:
Понеже правда, свѣшь съ шобой на всякой часъ,
Чшо шы чрезъ швой совѣшь въ единъ союзъ
приводишь,
Чрезъ умно слѣдство всѣ препяшсша превосхо-
дишь.
Ты держишь зависць злу и ненависць въ бро-
здахъ,
И правду съ разумомъ всегда въ швоихъ очахъ,
И вѣрность истинну и вольну мысль въ совѣшѣ,
Источникъ шоль богатъ къ дѣламъ преславнымъ
въ свѣшѣ!

Хотя велика поль Монарша власъ швоа;
Но видимъ, правишь какъ самую шы себя.
Ты мысль швою шогда на инной пушь склоняешь,
Когда другихъ совѣшь правдивъ бышь познаваешь.
Тебѣ сіа хвала пребудешъ въ вѣкъ красой,
Возвысишь швой народъ на шасшья верхъ съ
собой,
Не зная, что Цари съ Князями мимо ходяшь,
Когда шѣ ложну власъ, какъ сонъ на мысль на-
водяшь.

Тебѣ единой данъ высокой верхъ хвалы,
Твоими должно звашъ, пошомъ другихъ, шруды:
Что ошпой разумъ швой въ вещахъ ошмѣну
знаешь,
Извѣстное чинишь не шо, что шолько чаешь.
За ясной солнца свѣтъ луны не чпишь лучей;
Князей искусство все, совѣшь, разборъ вещей,
Различныхъ склонносшей въ слутахъ и всей дер-
жавѣ,
Для шасшья ихъ земель и къ большей шрона
славѣ.

Коль здраво мыслишь шм, шоль скоро все
кончишь,
Въ чемъ здѣсь совѣшь даешь, шо дѣломъ шамъ
велишь
Съ присшпойной бодростью во всѣхъ дѣлахъ сво-
бодно,
Что Царску кажешъ кровь, Монархамъ что
природно.

Ты зришь всегда умою, что долга мысль въ
дѣлахъ
Дася чашо худшій плодъ, нежъ въ скрыпыхъ
жарь сердцахъ,
И чрезъ единъ моментъ, излишно что проба-
вленъ,
Разумной замыслъ прочъ бываешъ шакъ опасна-
вленъ.

Твоя спрана и шакъ большая свѣта чася,
Разумна храброся гдѣ надъ злобой держя
влася.
И звукъ ея хвалы возбуждаешъ что долженъ къ
чеся
Какъ шеря въ чужихъ ногахъ и ося въ очахъ у
леся.
И завися мѣшя въ насъ, гдѣ не лзя силой
взяя,
Тупя ложной дружбой коя жаеашъ насъ прель-
щаю.
Державнѣша! швоихъ совѣтовъ онъ не знаешъ,
Коль скоро разумъ швой шакую съя перзаешъ.

Нынѣ завися какъ змя ведешъ лукавой
взглядъ,
И ядомъ полно мысль на ону ночь назадъ,
Когда Россійскій родъ подъ игомъ въ шмѣ держался,
И злаго Башмя кумиру ницъ склонялся.
Та мыслишъ шаки впрядъ шомуже бышъ у насъ,
Однако все сіе лишъ снисся ей на часъ.
Не будешъ съ нами шакъ въ бою ошашъ глумишся,
Чтобы прошиву сна и шмьчѣ склонишся.

Нѣшь, о Монархиня! въ помѣ разумѣ
швой во всѣмъ.

Блещи ПЕТРОВЫМЪ въ верхъ чрезъ равну
мочь мечемъ,
Что дерзка гордосшь вновь себя казнишь возбу-
дила;

Онъ вышелъ самъ наружъ, лишъ ша себя явила.
Поспигни сихъ враговъ, побѣду съ ними всю,
Принуди къ миру ихъ чрезъ крашкую войну,
Неблагодарносшь что воздвигнула съ хулою
И мздой зависливъ родъ подкупленный чужою.

Покрой швой племомъ верхъ, Минерва, на-
шихъ лѣпъ,

Вошкни коньѣ швое, швой полкъ гошовъ идешь,
Полтавскихъ сѣмя поль, къ побѣдамъ склонны
дѣши,

Попранна что врага въ ногахъ обыкли зрѣши,
Ошъ коихъ Мелибокъ и Кавказъ самъ дрожаль
И съ Вислой черныи Поншъ, какъ сильныхъ
буръ, бѣжалъ,

Побишыхъ что враговъ принудили къ покою,
И пальмъ снопы несли геройскою рукою.

Въ хвалу Балшійскихъ водъ ихъ храброй
духъ горяшъ,

Съ весельемъ какъ на боршъ, шакъ въ долѣ
бышъ спѣшишъ.

Въ долинахъ и въ горахъ и гдѣ свирѣпы волны
Поспавящъ грудь свою, опшважныхъ мыслей по-
лны.

Морской народъ спѣшишь, возносишь весель
гласъ:

Что долго ждали шель, уже проходишь часъ.
Каморы полны всѣ, далубы пушки кроюшь,
Гоповы въ пушь совсѣмъ, вошь въ море вдругъ
пороюшь.

Вели швой флагъ подняшь и вымпель въ
вѣпръ пуспишь,
И спрашной лѣсъ въ волнахъ Россійскихъ машшь
ошкрышь,

Пресильной вывешшь флошь изъ ледныхъ усшій
въ море.

И мочь швоихъ галеръ къ пособъ оныхъ вскорѣ;
Вогнали что великъ въ морски заливы спрахъ,
Мушила чѣмъ боязнъ Евксинской Поншь въ брѣ-
гахъ.

Судамъ на брань бѣжашъ вели въ ужасномъ видѣ:
Ощецъ швой былъ Непшунъ, пы равна будъ
Фешидъ.

Дай имъ указъ къ шому; ружье уже ошпро
И вѣрносшь силу дасшь въ солдашь швоихъ плечо.
Съ весельемъ правъше пушь въ поля полки ор-
лины,

Гдѣ вашъ насмѣшливъ врагъ, пройдише всѣ долины;
Разройше гнѣзда ихъ, добыча хошь мала;

Однако будешъ въ шомъ велика вамъ хвала,
И съ ней довольштво намъ, чѣмъ вашу хра-
бросшь пѣши:

Не возмемъ хошь богапшпвъ, но будемъ миръ
имѣши.

Пускай, Державнѣйша, пускай шуда пойдуть,
Куда собой хошяшъ, гдѣ пальмы ихъ цвѣшуть.
Безъ страха мы живемъ, чѣмъ Богъ врага смущаешъ,

Онъ рокъ примѣшилъ свой, къ намъ ближе не держаетъ.

Границы съ крѣпосными имѣють швердъ покровъ,
Твой храброй полкъ и съ нимъ снарядъ по верехъ валовъ,

На гору дерзоспъ чшо, рыгая огнь жерлами,
Твой грозной мещепъ громъ и смерпъ между врагами.

По праву должно шакъ ихъ силою смиряшъ,
Чшо Богъ изволилъ самъ шебѣ для насъ послашъ:
Твой бодрой духъ спѣшилъ любви щедрошу даши,

И сильнѣйшимъ ружьемъ шебѣ шриумфъ сыскаши.
Тебя прославишъ шю, не помнишъ чшо обидъ,
И щедро презрила просшупокъ, гнусной видъ:
Хошя пріятна месшъ; но бышъ въ шебѣ не смѣешъ:

Чшо швой высокой духъ собою самъ владѣешъ.

Я мышлю, чшо нашъ врагъ въ швоей добротѣ зришъ,

Чшо склонна къ милосши, хошя полки крѣпнишъ.
Онъ спавишъ войско въ спрой, припомъ и мершвыхъ числишъ,
То перемирныхъ дней просишъ, шю миру мыслишъ.

Изволь, Державнѣйша, явида шь предъ симъ,
Чшо хочешъ миловатьъ, не врема быши имъ.
Вся власшь въ швоихъ рукахъ, когда ихъ прозь-
ба нравна,
Твоя земля и шакъ своимъ пространшвомъ славна.

Какъ Норду миръ подашь, имъшь все бу-
дешъ онъ;
Премудру кажешъ мысль, на швой возшедши
пронъ.
Подобна шь во всемъ Бришанской Лисавешъ,
Славнѣй чшо разумомъ была, не бранью въ
свѣшъ.
Науки введъ, хвалу Бришанцевъ вознесла,
Богащшва и ума довольно имъ дала,
Въ воздержныхъ шоржешвахъ казну и чеспъ
доспала,
По царски вѣкъ жила, въ побѣдахъ жизнь скон-
чала.

Ты видишь равно ей къ шаланшу путь прямой,
Извѣсны будущъ намъ науки всѣ побой.
Чрезъ оны человекъ приходишь къ совершеншву,
Къ сему насъ Богъ избралъ съ напурою блажен-
шву.
Тѣ красящъ нашу цлошь, оспрящъ и разумъ въ
нашь;
Безъ нихъ мы мрачны какъ нечищеной алмазь,
Чшо въ дикомъ камнѣ скрыщъ очей людскихъ
штаищся,
Гдѣ свѣщлосшь и цѣна въ всегдашней шмѣ не
зрищся.

Кшо имъ добро чинишь, воздашь шѣ мо-
гушь все,
И дѣломъ кажешь намъ ихъ свѣшь лице свое.
Художеснвъ разныхъ плодъ обильный въ пѣмахъ
являющъ,
Чрезъ прибыль славную своихъ обогащающъ.
Тираннамъ мерзки шѣ: они враги себѣ.
Монархи любяшь ихъ подобныя себѣ.
Когда покоишь ихъ какая гдѣ держава,
Бывающъ щасшьемъ спранъ, коронъ краса и слава.

Имперія швоя проспранный домъ для нихъ.
Коль много скрыпныхъ ешь богашснвъ въ го-
рахъ швоихъ!
Чшо прошлой вѣкъ не зналъ, напура чшо
цаила,
То все опкроешь намъ швоихъ спараній сила.
Ты помощъ въ помъ даешь, какъ самъ Родисель
швой.
Чшо намъ прилѣжнось дасшь, шо прашишь
врагъ собой.
Послѣдню мочь его голодна скудоснь склонишь,
И горду мысль его сильнѣй огня прогонишь.

Позволь купечеснву шоргомъ довольну бышь
Въ излишеснвъ швоемъ и безопасно жишь;
Позволь свободной пушь, умножь суда, шовары
Чрезъ крошкѣ швои доброщъ душевннхъ дары:

Спрана какъ человекъ, какъ сердце бьется въ
немъ,

Содержить кровь всегда въ прямомъ бѣгу своемъ,
То можешь каждой членъ напишанъ быть удобно:
Какъ шло духъ живишь, такъ земли поргъ
подобно.

Въ дѣлахъ съ рѣчьми людей согласія прибавь,
Съ надеждой вѣрну мысль на равной вѣсь поспавъ:
Чшоби въ поргу своемъ никшо не зналъ урону,
Гони опъ поршовъ прочъ обманъ, ушрашу, спону;
Чрезъ вольносшь къ намъ введи шланшь земель
чужихъ.

И для шого, чшо всякъ прибышковъ ждешъ
своихъ,

Дай большу вольносшь шѣмъ, чшо намъ живущъ
согласно,

И нашъ шоваръ берущъ, какъ мы опъ оныхъ
власно.

Въ швоей премудросши высокой даръ сей
скрышь.

Пославъ правдивой судъ, опшуду ложъ бѣжишь,
Лукавшво, ковъ и лесшь низринъ изъ мѣсщъ
судебныхъ,

Вели на правду зрѣшь, какъ шы, въ дѣлахъ
враждебныхъ.

Безъ шрашы времени въ обидахъ помощь дай,
Коварну зависишь, злосшь по ихъ дѣламъ карай.

Невинныхъ шоку слезъ послш швою ушѣху.

Избавъ опъ хищныхъ рукъ швоихъ людей къ
ушѣху.

Благословенъ будь день, что избранъ былъ
къ тому,
Когда склонилась пы къ народу своему.
О коль предрагъ залогъ опъ сей высокой спраспи!
И коль пресладокъ плодъ, любовь подданныхъ къ
власпи!
Колика радоспъ намъ шебъ врученнымъ бышъ!
Велика сладоспъ коль себя любиму зришъ!
Геройска бьешся грудь, смотря швоихъ забаву,
А наша, чтобъ швою почпишъ довольно славу.

Господспвуй и имѣй надъ щаспьемъ полноу
власпъ,
Всевышній даспъ шебъ въ шаланшъ лучшу часпъ:
Чтобы познашъ могли въ грядущій вѣкъ попомки,
Что пы всѣхъ женъ краса, швои дѣла коль громки.
Желая шо, гласпъ брега Балшійскихъ водъ
Дошоль, гдѣ кажешъ свой Японцамъ солнце
всходъ;
И опъ Каспійскихъ волнь до горъ, гдѣ мразъ
насилный,
Гдѣ малъ народъ, большихъ звѣрей спада обильны.

Восшокъ и Западъ весь большая часпъ земли
На промыслъ смотришъ швой и чпишъ дѣла швои.
И сила войскъ швоихъ и чеспъ опъ многихъ
шроновъ,
И оныхъ спранъ союзъ и швердъ швоихъ законовъ
Будь какъ начальной лучъ въ срединѣ всѣхъ пла-
нешъ,
Что самъ собой споишъ и кругъ себя шечешъ,

И сполько тяжкихъ шлъ проспраннымъ ви-
хремъ водишь,
Что каждое изъ нихъ чрезъ вѣчный пушь свой
ходишь.

Тебя Творецъ для насъ до времени скрываль,
Когда премѣнный рокъ бѣдами насъ смущаль.
Въ мяшежны шъ часы и мудры всѣ молчали;
Что рокъ опшняшь не могъ, шо злы насильно
взяли,

Смушили все въ одно. Въ союзъ силы нѣшь!
Полишика зришь вдаль; но слабъ ея совѣшь.
Ужасна будешь коль ея пошомъ кошчина?
Того намъ не лзя знашь, покажешь впрעדъ го-
дина.

Довольно небо будь пошокомъ слезъ люд-
скихъ;
Поспавъ ужъ съ нами миръ за кровь рабовъ
швоихъ.
Низвергни мерзкой ковъ, что вводить брань въ
народы,
Подай спокойной вѣкъ, стони опъ насъ погоды.
Вздыхаепъ вѣрносъ, шакъ шого Россія ждешь.
Тебъ Всесильнаго рука вѣнецъ даешь,
Гдѣ непорочной лавръ, гдѣ чистъ жемчугъ и
ясный,
Тебъ, Монархиня, нашъ Ангель мира красный.

О Д А ХХ.

На день коронации Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, сочиненная на Нѣм. языкъ Иоганномъ Георггомъ Бокомъ, а на Россійской переведенная Михайлою Ломоносовымъ 1758 года.

Нашуры хиприя возможныхъ опытъ силъ,
Къ кошорому свой взоръ весь смерпныхъ родъ
впериль,

Россіи щасливой Богиня просвѣщенна,
Ты восхищаешь умъ, какъ солнце, вознесенна;
Корона съ швоея главы ліюща свѣтъ
Злащыхъ округъ въ швоемъ наслѣдствѣ значишь
льшъ.

И шѣмъ побуждены подсолнечной всѣ часши
Усерднось жерцвующъ швоей крѣпчайшей вла-
сши.

Кшо шпранъ швоихъ предѣлъ и множесство
позналь,

Твою великосшь шощъ по власши измѣрять,
Я мѣру праведну не въ силахъ полагаю,
Души величешво за ону признаваю.
Ему принадлежашъ обширныя шпраны,
Чшо вышнимъ промысломъ шебѣ подарены.

Открышь къ щедрошамъ пушь пы на пресполь
вспушила;

Высокъ онъ; но твоихъ даровъ превыше сила,

Съ державою равно любленье щедрыхъ дѣлъ,
И крошосшь изъ нея преходишь за предѣль.

Ты больше щипишься бышь прямымъ добромъ
вселенной,

Какъ слышь Монархиней надъ всѣми вознесенной,

И злопо надъ побой не знаешь власти взяшь:

Величешвомъ твоимъ что можешь обладашь?

Твое богатство всѣмъ на щасье и опраду,

Къ почтенію наукъ, художествамъ въ награду.

Опеческій твой градъ премудрости ешь
храмъ,

Сокровище твоимъ нескрытое спранамъ:

Тамъ лира бодрая веселы водишь лики,

И струны оныя супъ радостей языки.

Парнасъ въ очахъ твоихъ не холмъ лишень красы,

Что можешь разцвѣсти безъ солнца и росы.

Какъ на главѣ твоей Минервинъ шлемъ сіяешь,

Ея щипомъ рука науки покрываешь.

Хощя душъ твоей несносны злы дѣла;

Но казней спрогая жестокосшь тяжела;

Прискорбнымъ сердцемъ пы повинныхъ осу-
ждаешь,

И вмѣсто крови ихъ щедрошы проливаешь.

Пускай чрезъ хитросни предъставяшся лучи,
И радоснѣ общую изобразяшъ въ ночи,
Пусшъ мрачносшъ пламеннымъ размахомъ раздѣ-
лишся;

Усердіе въ сердцахъ ярчѣ возпалишся.
Цвѣтами разными возженныя свѣщи
Являющъ каждыя веселіе души.
Когда блиспанія соспавы въ верхъ возводяшъ.
То значашъ, что къ звѣздамъ желанія восходяшъ,

Богиня, коей блескъ вседневно восплаещъ
Доспойный плодъ ПЕТРОВЪ вѣнца ошъ нѣжныхъ
лѣшъ,

Ошъ, жизни ошъ ошшель; геройскихъ мыслей
сила

Пренесена въ шебъ, ПЕТРА воспановила.
Всевышній дай шебъ свяшную благодашъ,
Доспоиншвамъ швоимъ вѣкъ равный обладашъ;
Да въ сей шоль крашно день на шронѣ возсіяешъ,
Какъ веселишъ народъ, щедрошой побѣждаешъ.

О Д А
на
Щ а с т и е
г о с п о д и н а
Ж А Н Ъ Б А Б Т И С Т А Р У С С О .

ПЕРЕВЕДЕННАЯ

Г. Сумороковымъ и Г. Ломоносовымъ.

ЛЮБИТЕЛИ И ЗНАЮЩІЕ СЛОВЕСНЫЯ НАУКИ МОГУТЬ
САМИ ПО РАЗНОМУ СИХЪ ОБОИХЪ ПИТОВЪ СВОЙ-
СТВУ КАЖДАГО ПЕРЕВОДЪ УЗНАТЬ. ОВА СИ ПЕ-
РЕВОДЫ ПЕРВЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ НАПЕЧАТАНЫ ВЪ ПО-
ЛЕЗНОМЪ УВЕСЕЛЕНІИ НА МЪСЯЦЪ ГЕНВАРЬ 1760
ГОДА; А ОРИГИНАЛЬ ВЗЯТЬ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Г. Руссо.

O D E.

Fortune, dont la main couronne
Les forfaits les plus inouis,
Du faux éclat qui t'environne
Serons-nous toujours éblouis?
Jusques à quand, trompeuse idole,
D'un culte honteux et frivole
Honorons-nous tes autels?
Verra-t-on toujours tes caprices
Consacrés par les sacrifices
Et par l'hommage des mortels?

Le peuple dans ton moindre ouvrage
Adorant la prospérité,
Te nomme grandeur de courage,
Valeur, prudence, fermeté:
Du titre de vertu suprême
Il dépouille la vertu même
Pour le vice que tu chéris:
Et toujours ses fausses maximes
Érigent en héros sublimes
Tes plus coupables favoris.

Mais de quelque superbe titre
Dont ces héros soient revêtus,

О Д А на щастіе.

перевода г. Ломоносова.

Доколѣ щастье пы вѣнцами
Злодѣевъ будешь украшать?
Доколѣ ложными лучами
Нашъ разумъ хочешь ослѣплять?
Доколѣ, испуканъ прелестной,
Мы спанемъ жершвой намъ безчестной
Твой щещиной почиашъ алшарь?
Доколѣ будешь спроишь храмы,
Твои чшишь замыслы упрямы,
Прельщенная словесна шварь?

Народъ порабощенъ обману,
Малѣйшія швои дѣла
За умъ, за храбросшь чшишь избранну.
Ты власшь, пы чесшь, пы силъ хвала;
Въ угоду швоему 1) пороку,
И добродѣпель превысоку
Лишаешь собшвенныхъ красощь.
Его неправедны успавы
На верьхъ возводяшь пышной славы
Твоихъ люблмцевъ злобной родъ.

Но пущь великостію сею
О шишлахъ хвалящся своихъ;

1) То ешь, опъ шебя произходящему пороку.

Prenons la raison pour arbitre,
Et cherchons en eux leurs vertus,
Je n'y trouve qu'extravagance,
Foiblesse, injustice, arrogance,
Trahisons, fureurs, cruautés.
Etrange vertu qui se forme
Souvent de l'assemblage énorme
Des vices les plus détestés!

Apprens, que la seule sagesse
Peut faire les héros parfaits:
Qu'elle voit toute la bassesse
De ceux, que ta faveur a faits:
Qu'elle n'adopte point la gloire,
Qui naît d'une injuste victoire
Que le fort remporte pour eux;
Et que devant ses yeux Stoiques,
Leurs vertus les plus héroïques
Ne sont, que des crimes heureux.

Quoi! Rome et l'Italie en cendre
Me feront honorer Sylla?
J'admurerai dans Alexandre
Ce que j'abhorre en Attila?
J'appellerai vertu guerrière
Une vaillance meurtrière,
Qui dans mon sang trempe ses mains?

Поспавимъ разумъ въ шомъ судьбею,
И добрыхъ дѣлъ поищемъ въ нихъ.
Я вижу лишь одну безмѣрносшь,
Надменносшь, слабосшь и невѣрносшь,
Свирѣпсшво, бѣшенсшво и лещъ.
Доброша спранная! ошкуду
Изъ злосши сложенному чуду.
Дашся оной должна чесшь?

Ты знай; герои совершенны
Премудросшю въ свѣшъ даны;
Она лишь видишь, коль презрѣнны,
Чшо чрезъ шебя возведены.
Она шу славу презираешъ,
Чшо рокъ неправедной раждаешъ
Въ побѣдахъ слѣпошой своей;
Предъ спрогими ея очами.
Герой съ суровыми дѣлами
Ничшо, какъ щаспливой злодѣй.

Почтишь ли шюки шѣ кровавы,
Чшо въ Римѣ Сулла продиваль?
Доспойноль въ Александрѣ славы,
Чшо въ Ашшилѣ всякъ зломъ призналь?
За добродѣшель и геройсшво
Хвалишь ли звѣрско неспокойсшво
И власшь окровавленныхъ рукъ?

Часть I.

Et je pourrai forcer ma bouche
A louer un héros farouche
Né pour le malheur des humains?

Quels traits me presentent vos fastes,
Impitoyables conquérans!
Des vœux outrés, des projets vastes,
Des rois vaincus par des tyrans;
Des murs que la flamme ravage,
Des vainqueurs fumans de carnage,
Un peuple aux fers abandonné,
Des meres pâles et sanglantes
Arrachant leurs filles tremblantes
Des bras d'un soldat effréné.

Juges insensés que nous sommes,
Nous admirons de tels exploits!
Est-ce donc le malheur des hommes
Qui fait la vertu des grands rois?
Leur gloire féconde en ruines
Sans le meurtre et sans les rapines
Ne sauroit-elle subsister?
Images des dieux sur la terre,
Est-ce par des coups de tonnerre
Que leur grandeur doit éclater?

Mais, je veux, que dans les allarmes
Réside le solide honneur:

И принужденными уссами,
Могу ли возносишь хвалами
Начальника поликких мукъ?

Издравле чшо обь вась извѣсно,
О хищники чужихъ державъ!
Желанье въ мирѣ всемъ невмѣспо,
Попраніе вѣнчаннихъ главъ,
Огня и шруповъ полны снѣны,
И вы въ пару кровавой пѣны,
Народъ пожранный опъ меча,
И въ шумѣ блѣдна машъ великомъ
Свою дочь пищипся съ плачемъ, съ крикомъ
Ошпяшь съ насильнаго плеча.

Слѣпые мы судьи, слѣпые,
Чудимся шаковымъ дѣламъ!
Однѣ ли приключенья злыя,
Даюшь доспоинспво царямъ?
Ихъ славъ бѣдспивами обильной,
Безъ брани хищной и насильной
Не можно развѣ успюяшь?
Не можно божеспву земному
Безъ ударяющаго грому
Своимъ величеспивомъ блиспашь?

Но бышь должна во время бою
На первенспвѣ прямая чесшь:

Quel vainqueur ne doit qu'à ses armes
Ses triomphes et son bonheur ?
Tel qu'on nous vante dans l'histoire,
Doit peut être toute sa gloire
A la honte de son rival :
L'inexpérience indocile
Du compagnon de Paul Emile
Fit tout les succès d'Annibal.

Quel est donc le héros solide,
Dont la gloire ne soit qu'à lui ?
C'est un roi que l'équité guide,
Et dont les vertus sont l'appui,
Qui prenant Titus pour modèle,
Du bonheur d'un peuple fidèle
Fait le plus cher de ses souhaits :
Qui fuit la basse flatterie ;
Et qui, père de sa patrie,
Compte ses jours par ses bienfaits.

Vous, chez qui la guerrière audace
Tient lieu de toutes les vertus,
Conçevés Socrate à la place
Du fier meurtrier de Clitus :
Vous verrés un roi respectable,
Humain, généreux, équitable ;
Un roi digne des vos autels.

И кто поправь врага собою,
Побѣду могъ себѣ причесть?
Издревле войны извѣстны,
Похвальны, знашны, славны, чесны,
Оплошносью прошивныхъ силъ.
Худымъ Варроновымъ призоромъ,
Упрямымъ и неправымъ споромъ
Ганнибалъ славу получилъ.

Когоже намъ почишь героемъ.
Великимъ общенной хвалою?
Царя, что правдой и покоемъ
Себя, народъ содержишь свой;
Послѣдую Веспасіану,
Едину радосиь несказанну
Имѣешь въ щасшии людей,
Опець опечесива безъ лести;
И спавишь выше всякой чести
Числомъ своихъ щедрости дней.

О вы! что въ добродѣтели чинише
Единъ въ войнахъ геройской шумъ,
Себѣ Сократа вобразише
За Клишова убицу въ умъ!
Вамъ будешь царь въ немъ несравненный,
Правдивой, крепосью почтенный,
Достоинный ошаря во вѣкъ;

Mais, à la place de Socrate,
Le fameux vainqueur de l'Euphrate
Sera le dernier des mortels.

Héros cruels et sanguinaires,
Cessés de vous énorger
De ces lauriers imaginaires
Que Bellone vous fit cueillir.
En vain le destructeur rapide
De Marc Antoine et de Lépide
Remplissoit l'univers d'horreurs:
Il n'eût point eu le nom d'Auguste
Sans cet empire heureux et juste
Qui fit oublier ses fureurs.

Montrés-nous, guerriers magnanimes,
Votre vertu dans tout son jour;
Voyons, comment vos coeurs sublimes
Du sort soutiendront le retour;
Tant que sa faveur vous seconde
Vous êtes les maîtres du monde,
Votre gloire nous éblouit:
Mais au moindre revers funeste,
Le masque tombe, l'homme reste,
Et le héros s'évanouit.

L'effort d'une vertu commune
Suffit pour faire un conquérant.
Celui qui dompte la fortune
Mérite seul le nom de grand.

Тогда спрашилище Евфраша
Прошивъ вѣнчаннаго Сокраша
Послѣдней будещь человекъ.

Герои люпы и кровавы!
Поспавыше гордосни конецъ,
Рожденной ошъ воинской славы
Забудыше лавровой вѣнецъ.
Напрасно Рима повелищель
Окшавій, свѣша побѣдичесель,
Навелъ въ его предѣлы спрахъ;
Онъ Августомъ бы не нарекося,
Когда бы въ крошосшь не облекся,
И спраха не скончалъ въ сердцахъ.

О воины великосерды!
Явише вашихъ лучъ доброшь;
Посмопримъ, коль шогда вы шверды,
Какъ щасшье возмещъ поворошь.
Когда шо къ вамъ великодушно
Земля и море вамъ послушно,
И блескъ вашъ очи всѣхъ слѣпишь;
Но шолько лишь оно ошспанешъ,
Геройска похвала увянешъ,
И смершнній будещъ всѣмъ ошкрыть.

Способносшь средшвенна довлещъ
Завоевашелями бышь:
Кшо щасшиѣ преодолещъ,
Одинъ великимъ можещъ слышь:

Il perd sa volage assistance,
Sans rien perdre de la constance
Dont il vit ses honneurs accrus ;
Et sa grande ante ne s'altère
Ni des triomphes de Tibère,
Ni des disgraces de Varus.

La joie imprudente et légère
Chez lui ne trouve point d'accès ;
Et sa crainte active modère
L'yvresse des heureux succès
Si la fortune le traverse,
Sa constante vertu s'exerce
Dans ces obstacles passagers.
Le bonheur peut avoir son terme,
Mais la sagesse est toujours ferme,
Et les destins toujours légers.

En vain une fière déesse
D'Enée a résolu la mort ;
Ton secours, puissante Sagesse,
Triomphe des dieux et du sort.
Par toi, Rome, au bord du naufrage,
Jusque dans les murs de Carthage
Vangea le sang de ses guerriers ;
Et suivant tes divines traces,
Vit au plus fort de ses disgraces
Changer ses cyprès en lauriers.

Хощь помощь ошъ него шеряешъ ;
Но съ поспояншвомъ пребываешъ,
Для коего оцъ всѣхъ почшенъ ;
Всегда не низокъ и не пышенъ,
Съ Тиверіемъ ли онъ возвышенъ,
Или какъ Варусъ пораженъ.

Излишне радощь не внушаешъ
Въ недвижности своей предѣль,
И оспорожно умѣряешъ
Неисповшно успѣшныхъ дѣль.
Пущь щасіе преобращишя ;
Недвижна добродѣтель щцишя
Презрѣнной разрушаешъ упоръ.
Конецъ имѣешъ благоденшво,
Сшощь въ премудрости блаженшво,
Непостояненъ рока взоръ.

Вошще гошовилъ гнѣвъ Юноны
Енею смерть среди валовъ,
Премудрощь! чрезъ швой законы,
Онъ выше рока и боговъ ;
Тобою Римъ по злой напаси
Въ срединѣ Кареагенской власпи
Своихъ героевъ смерть ошмсшилъ ;
Ходя въ швой небесны слѣды
Во время слезныхъ побѣды,
Въ Трофеи гробы превращилъ.

ПЕРЕВОДЪ Г. СУМАРОВОВА

Ты Форшуна украшаешь
Злодѣяннѣя людей,
И мечпаніе мѣшаешь
Разсмошрѣши жизни сей.
Долголь намъ повиновашься
И доколь покланяшья
Намъ обману швоему?
Всѣ шобою побѣжденны,
Всѣ ли смершныя рожденны,
Супрошвивишья уму?

Малосши съ швоимъ покровомъ
Кажущя не малы бышья;
Пышнымъ именемъ и словомъ
Должны превелики слышья.
Всѣ народъ шому свидѣшель,
Чшо пороки добродѣшель,
Коимъ помогаешья шы,
И во смрадноши природы
Беззаконнику доводы
Шлающъ безсмертнѣя цвѣшны.

Имя сихъ героевъ пышно:
Но разсмопримъ ихъ дѣла,
Будешъ намъ иное слышно,
Коль судьба намъ умъ дала:
Какъ мы ихъ ни почишаемъ,
Жадносшь, гордосшь обрѣщаемъ,
И свирѣисшво шолько въ нихъ:
Все, что ихъ ни прославляешъ,
Добродѣпель соспавляешъ
Изъ пороковъ лишь однихъ.

Ты не можешъ бытъ причиною
Славы опимѣненныхъ душъ,
Но премудросшью единой
Славипся великой мужъ;
Опъ швоей одной державы
Нѣшъ безсмерщя, ни славы;
Смершныхъ шо незапна часшь;
Не геройски шо успѣхи,
Но шيرانскіе успѣхи
Ближнимъ приключашъ напасшь.

Какъ почишишь могу я Силлу,
Пепломъ зря прикрышой Римъ?
Хулимъ одного Ашшилла,
Помня Александра съ нимъ.
Человѣковъ убиваюшь,

А другіе называють
Добродѣтелью кровь лишь.
Праведноль искашь вишійшва
Къ прославленію убійшва,
И разбойника хвалишь?

Побѣдишели злосерды!
Всѣ зрю ваши я плоды:
Вы въ желаньяхъ вашихъ шверды,
Міру извлекашь бѣды.
Тамо слышу бѣдныхъ споны,
Тамъ валящся ваши шроны,
Грады превращенны въ прахъ,
Возлагающся желѣзы,
Вдовъ, сиротъ люющся слезы,
Тамъ смященіе и спрахъ,

На сіе, что шако хваляшь,
Разсуждая кшо воззри,
Иль безъ бѣдъ людскихъ умаляшь
Дарованный санъ цари?
Вънценосцы! для опляки
То ли способы велики,
Чѣмъ вы можете блисшашъ?
Въ васъ боговъ изображенъе:
Тольколь онымъ подраженъе
Громъ и молнію мешашъ?

Въ приключеніяхъ прошивныхъ
Обрѣшаю важну чеспъ;
А въ побѣдахъ и предивныхъ
Лавръ оружію должно паѣспъ.
Побѣдипель часшо славенъ,
Чпо прошивнику не равенъ,
И его соперникъ малъ,
За побѣду малоспорну
Долженъ вождю непрворну
Всѣмъ успѣхомъ Аннибалъ.

Коему хвала герою
Въ шочномъ имени его?
Щедрой кроющу рукою
Чадъ народа своего;
Образцомъ кошорой Тиша,
Подданнымъ опъ бѣдъ зацциша;
Жалосшно смошря на нихъ,
Леспи кпо и вняшь не мыслишь,
И владѣнія дни числишь
По числу щедрошъ своихъ.

Вмѣшпо яроспію взяша,
Звѣрски Клипа кпо убиль,
Вобразимъ себѣ Сокраша:
Есшьлибъ онъ на шронѣ былъ,

Въ немъ царя не горделива
Зрѣлибъ мы и справедлива,
И доспойна олшарей.
А Евфрагта побѣдишель
Вмѣспо былъ его бы зришель
Только подлосши своей.

Крови жаждущи герои
Возмущенія шворцы!
Вась мечшою славяшъ бои
И лавровые вѣнцы.
Раззоренія безсмѣшны
Всѣ Окшавіевы шщепшны
Вознесшися до небесъ:
Правосудія блаженшвомъ
И спокойшва благоденшвомъ
Тако онъ себя вознесъ.

Мужи храбрые! являйше
Въ полномъ свѣшъ вы себя,
Равномѣрно прославляйше
Имя, щасшье погубя,
Души ваши въ немъ велики,
Мира вы сего владыки,
Слышанъ лишь огромный вѣкъ,
Щасшье шолько упадаешъ;

Все геройство увядаешь,
Оспаешься человекъ.

Для побѣды изобильно
Духъ посредственный имѣшь,
И похребно сердце сильно,
Коль форшуну одолѣшь.
Мужъ великій презираешь,
Что форшуна имъ играешь,
И въ бѣдахъ неколебимъ,
И въ благой и въ люпой часпи
Сердце держишь онъ во власпи,
Въ швердомъ пошояншвѣ зримъ.

Вся его успѣха сладость
Не въ излишесствѣ своемъ,
Неумѣренная радость
Не обрящешь мѣсна въ немъ;
Всѣ ему препяшсшва вшунѣ,
Онъ ругаешь форшунѣ,
И спокойно видишь ихъ.
Щаспье въ жизни скороспечно;
Но достоинсшво еспъ вѣчно,
Сколько рокъ ему ни лихъ.

Тщешно гордоспью Юоны
Осужденъ на смерть Еней!
Добродѣшель въ обороны,

Ты пропивилася ей.
Римъ шобою Кареагены
За него рассыпалъ спѣвнмъ,
Славу ихъ пославъ на низъ;
И въ его люшѣйшей часли,
Преврашилъ, шѣ зря напасни,
Въ вѣчны лавры кшарисъ.

РАЗГОВОРЪ СЪ АНАКРЕОНТОМЪ.

АНАКРЕОНТЪ.

О Д А Г.

Мнѣ пѣшь было о Троѣ,
О Кадмѣ мнѣ бы пѣшь,
Да гусли мнѣ въ покоѣ
Любовь веляще звѣнѣшь.
Я гусли со спрунами
Вчера перемѣнилъ,
И славными дѣлами
Алкида возносилъ;
Да гусли по неволѣ
Любовь мнѣ пѣшь велятъ
О васъ герои болѣ,
Прощайше, не хошяшь.

ЛОМОНОСОВА

ОТВѢТЪ.

Мнѣ пѣшь было о нѣжной,
Анакреоншъ! любви,
Я чувствовала жаръ прежней
Часть I.

Въ согрѣвшейся крови,
Я бѣгашъ спалъ першпями
По поненькимъ спрунамъ,
И сладкими словами
Послѣдовашъ спонамъ.
Мнѣ спруны по неволѣ
Звучашъ геройскій шумъ.
Не возмущайше болѣ
Любовны мысли умъ;
Хошь нѣжноспи сердечной
Въ любви я не лишень;
Героевъ славой вѣчной
Я больше восхищень.

АНАКРЕОНТЪ.

О Д А ХХІІ.

Когда бы намъ возможно
Жизнь было продолжишь,
То спалъ бы я неложно
Сокровища копишь,
Чпобъ смершь въ мою годину
Взявъ деньги, ошошла,
И за опкупъ кончину
Опсрочивъ, жишь дала.
Когда же я шо знаю,
Чшо жишь положень срокъ:
На чшо крушусь, вздыхаю,

Что мзды скопишь не могъ,
Не лучшель безъ шерзанья
Съ пріятельми гуляшь,
И нѣжны въздыханья
Къ любезной посылашь?

Л О М О Н О С О В А

ОТВѢТЬ.

Анакреонтъ! ты вѣрно
Великой Философъ,
Ты дѣломъ равномѣрно
Своихъ держался словъ.
Ты жилъ по шѣмъ законамъ,
Кошорые писалъ;
Смѣялся забобонамъ.
Ты пѣшь любилъ, плясалъ,
Хощь въ вѣчнось ты глубоко
Не чаялъ больше бышь,
Но славой послѣ року
Ты могъ до насъ дожишь.
Возмише прочъ Сенеку:
Онъ правила сложилъ
Не въ силу чловѣку;
И кшо по онымъ жилъ?

А Н А К Р Е О Н Т Ъ.

О Д А Х І.

Мнѣ дѣвушки сказали:
Ты дожилъ спарыхъ лѣшь,

И зеркало мнѣ дали,
Смоужи, шы лысь и сѣдъ.
Я не шужу нимало,
Ещель мой водось цѣль,
Иль шемя гладко спало,
И весь я побѣльль.
Лишь въ шомъ могу божишься,
Чно должень спаричокъ
Тѣмъ больше велелишься,
Чѣмъ ближе видишь рокъ.

ЛОМОНОСОВА

ОТВѢТЪ.

Опъ зеркала сюда взгляни, Анакреонъ!
И слушай, чшо ворчишь, нахмурившись Капонъ.
Какую вижу я сѣдую обезьяну?
Не злосшь ли адская шакой оспавя шумъ,
Опъ ревности на смѣхъ склонишь мой хочешъ
умь?
Однако я за Римъ, за вольность швердо спану,
Мечпаніями я шаками не смущусь,
И симъ опъ Кесаря кинжаломъ свобожусь.
Анакреоншъ! шы былъ роскошень, весель, сла-
дохъ;
Капонъ спарался ввесць въ республику порядокъ.
Ты вѣкъ въ забавахъ жилъ, и взялъ свое съ собой;
Его угрюмшвомъ въ Римъ не возвращень покой.

Ты жизнь упошреблялъ, какъ временну ушѣху;
Онъ жизнь пренебрегаль къ республики успѣху.
Зерномъ швой опнялъ духъ пріятной виноградаъ;
Ножемъ онъ самъ себѣ былъ смершннй супо-
спашъ.

Беззлобна роскошь въ шомъ была шебѣ причина;
Упрямка славная была ему судьбина.
Несходспва чудны вдругъ и сходспва понялъ я.
Умиѣ кшо изъ васъ, другою будъ въ шомъ судья.

А Н А К Р Е О Н Т Ъ.

О Д А ХХVIII.

Масперъ въ живописшвѣ первой,
Первой въ Родской споронѣ,
Масперъ научень Минервой,
Напиши любезну мнѣ.
Напиши ей кудри черны,
Безъ искусныхъ рукъ уборны
Съ благовоніемъ духовъ,
Буде способъ ешь шаковъ.

Дай изъ розъ въ лицѣ ей крови,
И какъ снѣгъ предшавъ бѣлу;
Проведи дугами брови
По высокому челу;
Не сведи одну съ другою,

Не распавъ ихъ межъ собою,
Сдѣлай хитроспью своей,
Какъ у дѣвушки моей.

Цвѣшь въ очахъ ея небесной,
Какъ Минервинъ покажи,
И Венеринъ взоръ прелесной
Съ шихимъ пламенемъ вложи;
Чшобъ усна безъ словъ вѣщали,
И пріяшшвомъ привлекали,
И чшобъ ихъ безгласна рѣчь,
Показалась медомъ шечь.

Всѣхъ пріяшносней зашѣи
Въ подбородокъ умѣши,
И кругомъ прекрасной шеи
Дай лилеямъ разцвѣши,
Въ коихъ нѣжноспи дыхаюшь,
Въ коихъ прелеспи играюшь,
И по множесшву опрадъ
Водяшь усумнѣнной взглядъ.

Надѣвай же плашье ало,
И не щись всю грудь закрышь,
Чшобъ ея увидѣвъ мало,
И о прочемъ рассудишь.
Коль изображенъе мочно!

Вижу здѣсь себя заочно,
Вижу здѣсь себя мой свѣшъ.
Молвижь дорогой поршреть!

ЛОМОНОСОВА

ОТВѢТЬ.

Ты счасливъ сею красошою !
И масперомъ, Анакреонъ !
Но счасливѣй пы собою
Черезъ пріятной лиры звонъ.
Тебѣ я нынѣ подражаю,
И живописца избираю,
Дабы пошцился написашъ
Мою возлюбленную машъ.

О масперъ въ живописшѣ первой!
Ты первой въ нашей споройъ,
Доспоинъ бышь рождень Минервой,
Изобрази Россію мнѣ!
Изобрази ей возрастъ зрѣлой,
И видъ въ довольствіи веселой,
Ошрады яносшь по челу
И вознесенную главу?

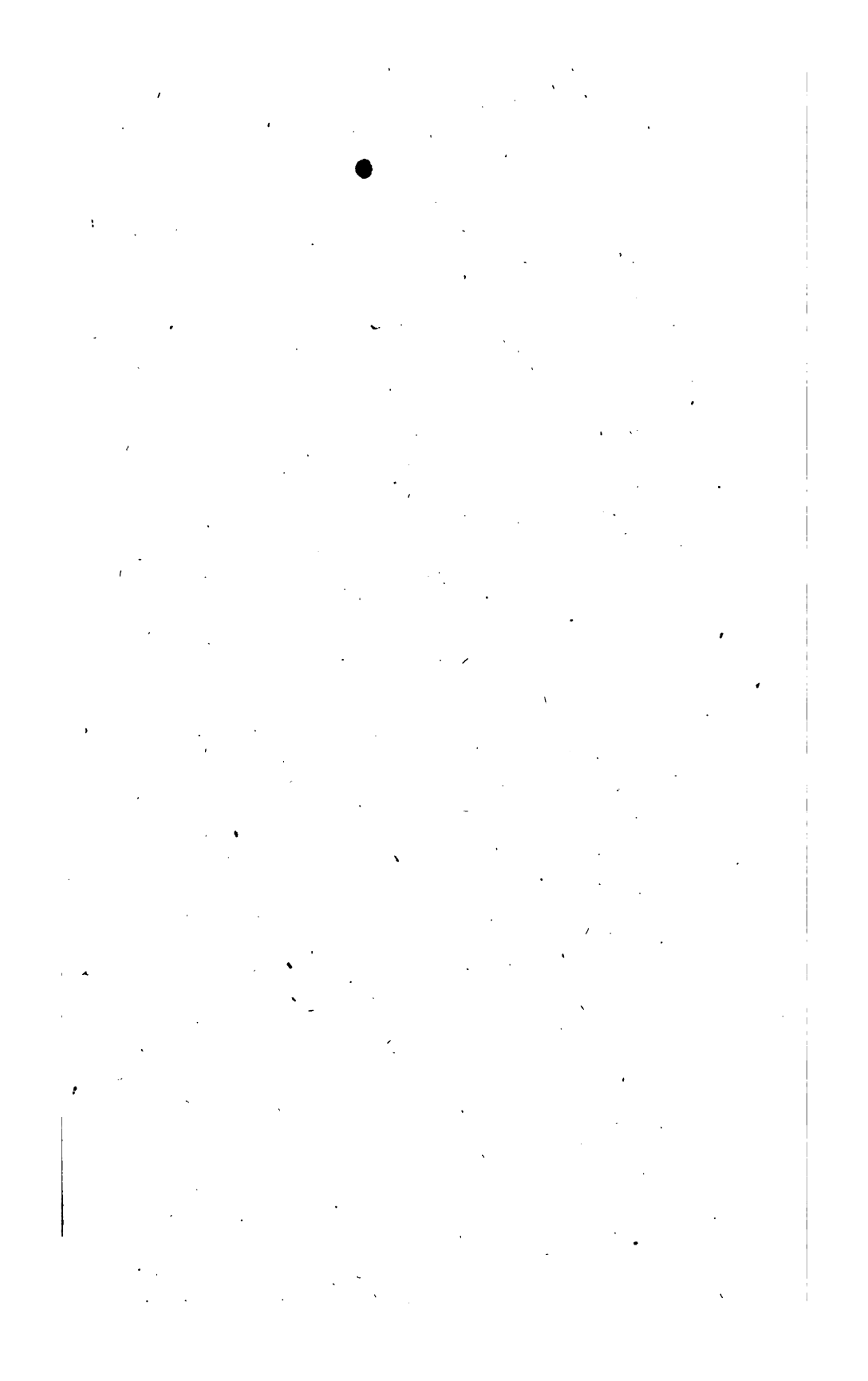
Пошщисъ предспавишь члены здравы,
Какъ должны у богини бышь,
По плечамъ волосы кудрявы

Признакомъ бодрости завить.
Огонь вложи въ небесны очи
Горящихъ звѣздъ въ срединѣ ночи,
И брови выведи дугой,
Чтобъ кажеть послѣ шучь покой.

Возвысь сосцы млекою обильны,
И чтобъ созрѣвши красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живописи успа
Въ бесѣдѣ важность общали,
И такъ бы слухъ нашъ ободряли,
Какъ чистой голось лебедей,
Коль можно, хитроспью швоей.

Одѣнь, одѣнь ее въ порфиру,
Дай скипетръ, возложи вѣнецъ,
Какъ должно ей законы міру,
И распрямь предписашъ конецъ.
О коль изображенъ сходно!
Красно, любезно, благородно!
Великая промолви машь!
И повели войнаю преспашъ.

ПОХВАЛЬНЫЕ НАДПИСИ.

НАДПИСЬ I.

Къ спашуъ ПЕТРА Великаго.

Се образъ изваянъ премудраго героя,
Чшо ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ, и царсвуя служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ ушвердилъ,
Рожденны къ скипетру просперъ въ работу руки,
Монаршу власшъ скрывалъ, чшобъ намъ ошкрышь
науки.

Когда онъ строилъ градъ, сносилъ пруды въ
войнахъ,

Въ земляхъ далекихъ былъ, и спранспивовалъ въ
моряхъ.

Художниковъ сбиралъ и обучалъ солдатшвъ,
Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ сопосшашовъ;
И словомъ, се ешъ ПЕТРЪ ошечесшва ошецъ.
Земное божесшво Россія почишашъ,
И спшлько алшарей предъ зракомъ симъ пылаешъ,
Коль много ешъ ему обязанныхъ сердець.

НАДПИСЬ II.

Къ шойже.

ЕЛИСАВЕТА здѣсь воздвигла зракъ Пешровъ
Къ ушѣхъ Россовъ всѣхъ: но кшо онъ былъ ша-
ковъ;
Гласишь сей градъ и флотъ, художества и
войски,
Гражданскіе шруды и подвиги геройски.

НАДПИСЬ III.

Къ шойже.

Мешалъ, чшо пламенемъ на брани успра-
шаешъ,
Въ Пешровомъ градѣ се Россіанъ ушѣшаешъ,
Изобразивъ въ себѣ лица его черпы!
Но естѣлибы его душевны красоны
Изобразить могло припомъ раченъ наше,
То былъ бы образъ сей всего на свѣшѣ крапѣ.

НАДПИСЬ IV.

Къ шойже.

Ваяннымъ образамъ, что въ древни времена
Героямъ спавили за славные походы,
Невъжеспвомъ въковъ чеспъ божеска дана,
И чпили жершвой ихъ послѣдовавши роды,
Что въра праая шворишь всегда прешишь.
Но вамъ проспищельцо, о позднѣ попомки,
Когда услышавъ вы дѣла Пешровы громки,
Поспавише алшарь предъ сей геройскій видъ:
Мы васъ давно своимъ примѣромъ оправдали:
Чудясь дѣламъ его превышшимъ смершныхъ силъ,
Не върили, что онъ единъ ошъ смершныхъ былъ,
Но въ жизнь его уже за Бога почитали.

НАДПИСЬ V.

Къ шойже.

Гремѣтцѣя по всѣмъ концамъ земнымъ по-
бѣды
И Россовъ чрезъ весь свѣтъ шоржеспвовавшихъ
слѣды,
Собраніе наукъ, исправленны суды,
Премѣнное въ рѣкахъ печеніе воды,
Покрѣпшій флосшомъ поншъ, среди волнъ грады
новы
И прочія дѣла увидѣвъ смершъ Пешровы,

Рекла: сей челоѡкъ предѣлъ мой нарушилъ,
И долѣ въ мѣрѣ семъ Маѡусаила жилъ.
Такъ лѣша по дѣламъ щипая, возгласила,
И въ гробъ великаго сего героя скрыла.
Но образомъ его красуешся сей градъ.
Взирая на него Персъ, Турокъ, Гошеъ, Сарманъ,
Величеству лица геройскаго чудилъся,
И мершваго въ мѣди безчувственной спрашилъся.

НАДПИСЬ VI.

Которая изображена на великолѣпной серебряной ракъ святому, благовѣрному и великому Князю Александру Невскому поспроенной Высочайшимъ повелѣниемъ Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ въ Троицкомъ Александроневскомъ Монастырѣ.

Свяшый и храбрый Князь здѣсь пѣломъ
почиваешъ,
Но духомъ ошъ небесъ на градъ сей призираешъ,
И на берега, гдѣ онъ прошивныхъ побѣждалъ,
И гдѣ невидимо ПЕТРУ спослѣшпшвовалъ.
Являя дщерь его усердіе свяшое,
Сему зацшишнику воздвигла раку въ чеспѣ
Ошъ перваго сребра, чшо нѣдро ей земное
Ошкрыло, какъ на цронъ благоволила сѣспѣ.

НАДПИСЬ VII.

На прибытіе Ея Величества Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ изъ Москвы въ Санктпешербургъ 1749 года.

Поднявшись солнце въ верхъ, возводишь
взоръ по свѣшу,
Спѣшащу зришь во градъ Пешровъ ЕЛИСАВЕТУ,
Дивился, что зима покорна ей и снѣгъ,
И что по оному полю быспрой видишь бѣгъ;
На коней пламенныхъ зардѣвшись негодуешь,
И огненнымъ бичемъ за лѣношь наказуешь.
О солнце, не спыдись: краснѣйшая луны
Богиня къ намъ грядешь Россійскія спраны:
Мы блеску швоего не сполько ожидаемъ,
Какъ видѣшь свѣшное лице ея желаемъ.

НАДПИСЬ VIII.

На спускъ корабля, именуемаго свяшій Александръ Невскій 1749 года.

Гора, что горизонтъ на сушъ закрывала,
Внезапно съ берегу на бысприну сбѣжала,
Между палашь споишь, гдѣ былъ недавно лѣсъ;
Мы веселимся здѣсь въ срединѣ пѣхъ чудесь.
Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чушь сидѣли,
Когдабъ великаго ПЕТРА мы не имѣли.

НАДПИСЬ IX.

Къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ
ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНѢ на маскарады 1751
года.

Природа какъ тебя на свѣтъ производила,
На шо испощена была ея вся сила,
Дабы ни одного шаланша не опняшь.
Великъ былъ швой ошець, была прекрасна машь;
Герой тебя родиль, носила героиня;
Какой бышь долженъ плодъ? не инной какъ
богиня.

Но сколько смершныхъ ты превыше почтена,
Ты сполько сердцемъ къ нимъ и щедра и склонна;
И въ тѣ часы, когда лице свое скрываешь,
Къ народу своему щедрошою сіяешь.

НАДПИСЬ X.

На шѣ же.

Увидѣвъ множесшво одеждъ и лицъ опшмѣн-
ныхъ,
Я въ мысляхъ нинѣ зрю восшоргомъ восшнщен-
ныхъ,
Монархиня, конци державы швоея,
И въ оныхъ нахожу ушѣхи видъ сея.

Ошъ шихихъ вшочныхъ водъ до береговъ Бал-
шійскихъ

Ошъ непроходныхъ льдовъ до шеплыхъ спранъ
Каспійскихъ

Въ одеждахъ много коль и въ лицахъ перемьнь!

Сугубымъ нынѣ я видѣнемъ удивлень!

Я слышу шамъ, какъ здѣсь, пріятную мѹзку:

Тамъ ошъ усерднаго народовъ разныхъ клику

Чрезъ горы, чрезъ поля согласный шумъ шечешъ,

Чшо шы едина всѣмъ покровъ, ошпрада, свѣшь.

НА Д П И С Ь XI.

На иллюминацію предшавленную предъ лѣш-
нимъ домомъ Ея Величешва Государни Им-
перашрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ въ
шоржешвенный день Тезоименишшва Ея
1747 года, гдѣ изображена была Минерва въ
храмѣ значащая премудрость Ея Величешва,
по споронамъ символическія изображенія
мира и войны и прочая.

Ты миромъ и войной въ подсолнечной сіяешъ,
И шѣмъ людей своихъ веселье умножаешъ,
Тебѣ съ усердіемъ Минервѣ мы своей
Приносимъ радосшныхъ сіяніе огней.
Но ешшлибъ съ нашею любовью шо сравнилось,
То солнцебъ передъ нимъ въ полудни усшыдилось.

НА Д П И С Ъ XII.

На иллюминацію предсшавленную въ шорже-
спшвенный деѣвъ возпешствіа на Всероссійскій
пресполь Ея Величества 1747 года предъ
зимнимъ домомъ, на кошпору изображена
была криспальная гора, а на ней Имперашпор-
скій пресполь съ около споящими Импера-
шпорскими на сполпахъ признаками, а надъ
шпрономъ вензловое имя Ея Величества.

Какъ вѣчная гора спойтъ блаженспво наше,
Крѣпчае мрамора, рубина много краше.
И швой, Монархия, пресполь благословень,
На нашей вѣрности недвижно ушвержень.
Пуспь мнимая другихъ свобода угнѣпаешъ,
Нашъ рабспво подъ швоей державой возвышаешъ.

НА Д П И С Ъ XIII.

На иллюминацію предсшавленную въ шорже-
спшвенный день коронованія Ея Величества
1748 года предъ зимнимъ домомъ, гдѣ пред-
сшавленъ былъ въ храмъ алшаръ изъ сердець
сложенный, на верху Имперашпорскій вѣнецъ,
по споронамъ галлерей къ восходящему и за-
ходящему солнцу.

Во храмъ ревности на алшаръ сердець
Къ подавшему шебѣ съ высотъ своихъ вѣнецъ
Ошъ подданныхъ швоихъ чиспѣйшій огонь пы-
лаешъ,

Да щаспіемъ швоимъ Россію увѣнчаешъ,
Да солнце восходя и заходя, дивишся,
Что всюду красота швоихъ пріумфовъ зрится.

НА Д П И С Ь . XIV.

На иллюминацію предсавленную въ шорже-
сшвенный день шезоименишсшва Ея Вели-
чесшва 1748 года Сеншября 5 дня предъ
лѣшнимъ домомъ, на колпору изображень
былъ фоншанъ, а по шпоронамъ храмы мира
и войны.

Богиня красотой, породой шы Богиня,
Повсюду громкими дѣлами Героиня,
Ты машь щедрошми, шы именемъ покой:
Смущенный бранью мръ миршшь господъ побой.
Россійска шшшина предѣлы превосходишь,
И лешшь избышокъ свой въ окресшныя шпраны:
Воюешъ воинштво швое прошивъ войны,
Оружіе швое Европѣ миръ приводишь.

НАДПИСЬ XV.

На иллюминацію предсшавленную Ея Импера-
порскому Величешву опъ ихъ Имперашор-
скихъ Высочешвъ въ Ораніенбаумъ 1750 го-
да Іюля 31 дня, гдѣ изображены были два
соединенныя сердца, пылающія на алпарѣ къ
сіющему надъ ними солнцу, по споронамъ
молодой мѣсяць и восходящая денница.

Какъ солнце съ вышины, Богиня, къ намъ
сіяешь,

И въ нашихъ жарь сердцахъ усерднѣйшій раж-
даешь.

Мы оба чувсивуя любовь швою къ себѣ,

Приносимъ ревности взаимно жарь шебѣ.

Монархиня, шы всѣмъ единъ источникъ свѣща,

Россійскій горизонтъ шобою освѣщенъ,

Тобою нашъ восходъ на ономъ озаренъ.

Мы свѣшь заимшвуемъ, даешь ЕЛИСАВЕТА.

НАДПИСЬ XVI.

На иллюминацію предсшавленную въ шорже-
швенный день возшешвіа на престоль Ея
Величешва Нолбря 25 дня 1750 года предъ
зимнимъ домомъ, гдѣ изображенъ былъ Вави-
лонъ окруженный зеленѣющимъ садомъ, по
споронамъ шоржешвенные шолпы.

Во время швоея, Монархиня, державы

Сугубой шасшлivity мы лѣша красошой.

Одну даешь намъ Богъ, округъ вѣковъ создавшій,

Другую даршвуешь приходъ, Богиня, швой.

Изъ Вавилона бѣдъ изведены шобою,
Вошди спокойшвія въ прекрасные сады,
И спавя нынѣ сполны съ швоею похвалою,
Вкушаемъ радости пріятные плоды.

НА Д П И С Ъ Х V I I .

На иллуминацію представленную въ шорже-
спвенный день рожденія Ея Величества Де-
кабря 18 дня 1750 года предъ зимнимъ до-
момъ, гдѣ изображена была сіяющая звѣзда
надъ алшаремъ, на кошоромъ пылаеть сер-
дце, по шоронамъ храмы.

Щасливая звѣзда на горизонтѣ блиспала,
Когда ЕЛИСАВЕТЪ Россіи возсіяла.
Монархиня, швой къ намъ сверкнулъ пресвѣт-
лый лучъ,
Возжегъ и освѣшилъ всѣхъ сердце послѣ шучь.
Единымъ сердцемъ всѣ равно къ тебѣ пылаемъ,
И шое на алшарь усердій возлагаемъ.
Изъ храмовъ ревности желанія гласяпть,
Да Вышній дашъ сей день шоржеспивованъ спо-
крашъ.

НА Д П И С Ъ XVIII.

На иллюминацію въ новый 1751 годъ предспа-
вленную предъ зимнимъ домомъ, гдѣ изобра-
жень былъ земный глобусъ, на которомъ
спояло вензловое имя Ея Величества и число
новаго года; по сторонамъ опверзтые хра-
мы и алтари съ возженнымъ на нихъ пламе-
немъ.

Опверзты храмы всѣ и алтари дымятся,
Желанья всѣхъ къ шебѣ, Монархиня, спремятся,
И ревность подданныхъ со временемъ расшесть,
И оныхъ щастіе съ числомъ восходишь лѣтъ,
Полсвѣта, что шволя десница управляетъ,
Согласный шумъ до звѣздъ усердно возвышаетъ,
Да Вышній новый годъ съ побой благословитъ,
И слухъ швой и другу полсвѣта удивитъ.

НА Д П И С Ъ XIX.

На иллюминацію предспавленную въ шорже-
спвенный день коронованія Ея Величества
Апрѣля 25 числа 1751 года предъ зимнимъ
домомъ, гдѣ изображена въ амфишантрѣ
окруженная сіяніемъ Императорская корона
и скиптръ на украшенномъ постаментѣ съ
вензловымъ именемъ Ея Величества; по обѣ-
имъ сторонамъ два поршала далече просши-
рающихся аллей, при которыхъ поставлены
грудныя изображенія чепырехъ часпей свѣща.

Лучи отъ швоего, Монархиня, вѣнца
Въ чепыре разлились вселенныя конца,
Европа, Африка, Америка, Асія
Чудятся ясности, отъ коея Россія

НА Д П И С Ъ ХХІ.

На иллюминацію предшавленную въ день Коронованія Ея Величества Апрѣля 25 дня 1752 года, на копорой изображень былъ зодіакъ съ вѣшними зодіями и съ пекущимъ посредѣ его солнцемъ, внизу межъ обелискомъ алтарь съ пламенемъ.

Монархія, нося порфирудесяшь лѣтъ,
Гремящей славой пы наполнила весь свѣтъ.
Геройской былъ возходъ, и славѣ побѣды:
Тобой побѣждены и спасены сосѣды:
Тобою ускорень во всей Европѣ миръ:
Тобою дышетъ въ ней покойспвія Зефиръ.
Во успокоенномъ пы свѣтѣ нынѣ сіяешь,
И славу дѣлъ своихъ съ числомъ лѣтъ умножаешь.
Державства швоего свѣщащій зодіакъ
По вся дни кажетъ намъ благополучный знакъ.
И нынѣ празднуя, какъ пы вѣнчанна Богомъ,
Вѣнчанну зримъ себя покойспвія залогомъ.
Намъ радуга швое пріятіе вѣнца,
Посшавлена весной въ созвѣздіе шельца,
Довольспиво и покой и радосшь изъясляешь,
И здравіе шибъ и крѣпосшь обѣщаешь.
Ликуя, веселясь мы празднеспвомъ швоимъ,
Усердно всѣ въ шибъ усердно сердце чшимъ.

НА Д П И С Ъ ХХІІ.

На иллюминацію предспавленную въ сезоиме-
нишсво Ея Величсства Сеншября 5 дня
1752 года, гдѣ изображена была приспань съ
Колоссомъ на подобіе Родскаго.

Желая нѣкогда преславный оспровъ Родъ
Пловущихъ по морю спасашь ошъ непогодъ,
Себѣ хвалу снискашъ, другимъ давашь опраду,
Поставиль на брежу пречудную громаду;
Великій Исполинъ седмидесяшъ лакшей
Свѣшильникъ чрезъ всю ночь держаль поверьхъ
зубей,

Далече блескъ пускаль чрезъ море неуспройно,
И корабли вводиль въ приспанище спокойно.
Ты именовъ и всемъ, Монархиня, покой,
Твой слухъ, какъ Исполинъ, касаясь звѣздъ
главой,

Лучемъ доброшъ швоихъ вселенну освѣщаешъ,
И именовъ возшокъ и западъ наполняешъ.
Спасайшесь здѣсь ошъ бурь, у насъ ЕЛИСАВЕТЪ.
Опраду въ пишинѣ съ довольшвомъ подаешъ.

НА Д П И С Ь ХХІІІ.

На иллюминацію представленную въ день возшешивія Ея Величества на Всероссійскій престоль Ноября 25 дня 1752 года, гдѣ изображено было восходящее солнце и вазы съ чувствительными шравами.

Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ,
Скрывающся поля, лѣса, берега и понизъ,
Чувствительны цвѣты во тьмѣ себя сжимають,
Огнь хладу кроющся и солнца ожидають.
Но только лишь оно въ луга свой лучъ прольетъ,
Открывшись въ щелокъ, сіяетъ каждой цвѣтъ,
Богатство красоты предъ онымъ опровергаетъ,
И свой пріятной духъ, какъ жершву, проливаетъ,
Подобень солнцу швой, Монархиня, возходъ,
Копорый освѣшилъ во тьмѣ Россійской родъ.
Усердны предъ шбой сердца мы опровергаемъ
И жершву върности щебъ всѣ изливаемъ.

НА Д П И С Ь ХХІV.

На иллюминацію представленную въ Москвѣ на новый 1753 годъ, гдѣ изображень былъ орель прилепающій огнь Санкшпешербурга къ Москвѣ и на Возшокъ и Западъ взирающій.

Въ любезной пишинѣ наставшій новый годъ
И швой, Монархиня, всерадостный приходъ
Сугубой радостью сей городъ оживляетъ,
Сугубо щасіе Россіи общаетъ.

Военной укротивъ во всей Европѣ шумъ,
Къ однимъ вперяешь намъ божественный пшвой
умъ.

Подобіемъ орла на высоту возводишь,
Повсюду опъ среды свой биспрой взоръ возво-
дишь,

На сѣверъ и на югъ, на западъ и возпокъ,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Двина, гдѣ чистый Невскій
покъ

Между Пешровыхъ спѣтъ ликуя прошекаешь,
Въ опсущствіи себя, Богиня, ощущаешь.

Россія вся пшвоей щедротой шакова,
Какъ нынѣ зря себя, красуешься Москва,
Гласишь: о Боже дай, чтобы ЕЛИСАВЕТА
Съ усердьемъ нацимъ къ ней свои сравнила лѣпа!

Н А Д П И С Ъ ХХV.

На иллюминацію предсшавленную въ Москвѣ
на день Коронованія Ея Величества Апрѣля
25 дня 1758 года, гдѣ изображено было вън-
чае вензловое имя Ея Величества на шор-
жественной колесницѣ, въ шріумфальныя во-
роша въѣзжающей.

Побѣдъ слѣдуешь весело шоржештво,
Герой приемлешь честь и жершву божештво.
Звучашъ въ полкахъ шрубы, на плѣнникахъ оковы,
Въ прошивничей крови несуть щипы багровы.

Побѣда швой восходѣ, пріумфѣ швой граз-
дникъ сей,

Монархія, мы чшо явимъ къ хвалѣ швоей?

Не городъ шм одинъ, ниже едино войско

Въ свою пріяла власшъ чрезъ мужество геройско;

Но царство многихъ царствъ, порфиру и вѣнецъ

И многи шмы къ тебѣ пылающихъ сердець.

Не кровію земля кипящей обагрилась;

Но радости въ спруяхъ Россія насладиась.

Не ярыи насъ спрашилъ пожаръ горящихъ спѣвъ,

Но ревностію пылалъ народъ къ тебѣ воажень.

Не пляжкія на насъ въ плѣну звучали узы;

Но съ плескомъ спавили мѣ вѣрности союзы.

Когда шоль радостно шобой плѣненнымъ бышь,

Коль громка похвала побѣду получишь!

Богиня, шоржествуй шѣмъ болѣе¹⁾ надъ нами,

Чѣмъ выше смертныхъ шмъ безсмертными дѣ-
лами.

Торжественны враша, шрофеи, колесница:

Въ насъ вѣрныя сердца и радостныя лица.

1) Долѣе.

НА Д П И С Ъ ХХVI.

На день пезоименишсва Ея Величештва 1753
года, гдѣ Россійскій покой уподоблешся пре-
красному селенію съ великолѣпными зданіями.

Хошя щаспливыя военныя дѣла
Монархамъ громкая на свѣшъ похвала;
Но въ ясной шишинѣ возлюбленнаго мира
Прекраснѣе ко всѣмъ сіяешъ ихъ порфира.
Велико дѣло въ шомъ, чщобъ часпо побѣждашъ;
Но болѣе шого всегдашней миръ держашъ.
Въ побѣдахъ надлежишъ полкамъ большая доля,
Въ побѣдахъ щаспкію почши дана вся воля,
Спокойной миръ хранишъ одна премудра власшъ,
Не можешъ войску бышъ, ни щаспкію въ шомъ
часшъ.
Производишъ плоды природно шолько лѣшу,
И крошкѣй миръ единъ даешъ богашсшво свѣшу.
То правда, надлежишъ и зиму шѣмъ хвалишъ,
Чшо можешъ суровсшво повѣшрѣй опшврапишъ,
И вредны умершвишъ въ лѣсахъ и нивахъ гады:
Подобныя даешъ щасплива бранъ опшрады.
Но какъ между спшихъ съ зимой минешъ война,
И намъ явлешся прекрасная весна;
Опш ней неисшовы бореи убѣгаюшъ:
Опш ней пріятныя зефиры вылетаюшъ,
Дыхая по землѣ, дыхая по водамъ,
Веляшъ всходишъ цвѣшамъ, веляшъ упасшъ вол-
намъ.

Ведуть суда въ моря и земледѣльца въ нивы,
Гоповяшь сладкой плодъ и въ приспань пушь
щасливый;

Лють радость въ понь, въ луга, и въ воз-
духъ, и въ ефиръ,

Толь щасливы мѣся, гдѣ домъ имѣешь миръ!

Но гдѣ прекраснѣ селеніе покою,

Какъ шо, Монархиня, что даль намъ Богъ
шобою?

Поспавлена чужимъ шобою шишина:

То коль спокойна бышь должна швоя спрана!

Подобенъ крѣпости великихъ пирамидъ,

Среди щасливыхъ мѣся недвижимо спонь,

Возлегли на него блаженная Россія,

Подъ скипетромъ швоимъ стипаешь дни зланыя.

Въ довольствѣ съѣешь шрудъ, довольствіе въ
шрудѣ,

Взаимно другу другъ способшвуя вездѣ:

Какъ вѣшся виноградъ на илимѣ высокомъ,

Держася, и его пишая сладкимъ сокомъ:

Толикимъ множешвомъ божешвенныхъ даровъ

Довольшвуемся мы, имѣя всѣмъ покровъ

Въ шебѣ Монархинѣ ошъ Бога просвѣщенной,

Къ нему и къ ошчешву любовію возженной.

Въ сей праздникъ веселься веселіемъ швоимъ,

Съ шоржешвеннымъ огнемъ мы къ Вышнему
горимъ.

Да продолжишь шобой дни мирны и прекрасны,

Со кропощью швоей и съ именемъ согласны.

НА Д П И С Ъ XXVII.

На день возшеспвія на пресполь Ея Величества
1753 года, гдѣ Ея Величество уподобляешся
Минервѣ молнією поражающей дракона мно-
гоглавнаго.

О древность славная пречудными дѣлами,
Чпо Пиндарь до небесъ шрубящими успами
Черезъ множештво вѣковъ въ концы земны гремишь,
Геройскихъ подвиговъ изображая видъ!
И вы великаго амфишепры града,
Народа по войнахъ Лапинскаго опрада,
Въ сей день скончайше вашъ доннѣ слышный
плескъ,

Яснѣ возсіалъ ЕЛИСАВЕТИНЪ блескъ.
Не зубы сперъ боець предъ Римлянами лъвиць,
Ниже кпо облешѣлъ всѣхъ прочихъ въ колесницѣ;
Но мужешвомъ прешла мужей ЕЛИСАВЕТЪ,
И подвига ея смопришель цѣлой свѣшъ!
Седьмъ главъ сіяли въ шѣлѣ вдругъ единомъ,
Гдѣ зависъ въ жалѣ ядъ носящая змѣиномъ,
И злобы мераскія свирѣпый крокодилъ,
И вепрь неисповспва неодолимыхъ силъ,
Съ языкомъ лисіимъ пронырливое льщенье,
Звъ волчія алчбы, шигръ ярый похищенье,
И львины челюспи рыкающей войны
Въ одномъ чудовиць на дерзосшъ рождены.
Взирая на сего ЕЛИСАВЕТЪ дракона

Лежащаго кругомъ опеческаго шрона,
Рекла: чшо сей мнѣ врагъ препяшспвуешь возходъ,
Кощораго давно желаешь мой народъ.
Не мой ли сей вѣнецъ? не я ли дщерь ПЕТРОВА?
И Россы моего всѣ пребуоушь покрова:
Ничцо не можешь мнѣ ко славѣ пушь пресѣчь.
Сію геройскую окончавая рѣчь,
Сіаніемъ въ округъ небеснымъ просвѣщилась,
И выше смершныя величешвомъ явилась:
Минервы чудный въ ней изображался видъ,
ПЕТРОВЪ духъ былъ ей шлемъ, любовь Россіанъ
щипъ.

Безъ грому молніа изъ жноспи блиспая,
Въ драконовы главы и въ сердце ударяя,
Смушила горду кровь, пронзила грозный взоръ:
Сражень, прогнань, убѣгъ Рифейскихъ далъ горъ.
Угасла молніа, однѣ лучи сіяли:
Вселенныя концы руками восплескали.

Тогда красудь Россъ, главу свою вознесъ:
Пешрополь мнилъ себя превыше быль небесъ.
Мы нынѣ празднуя шой часъ благословенный,
Огнями кажемъ огнь во всѣхъ сердцахъ возженный.
О еспълибъ съ внушреннимъ огнь внѣшній ра-
вень былъ!

Онъ выше бы возшелъ въ ночь блещущихъ свѣшилъ.
Монархиня, шобой любовь еспъ въ насъ рожденна:
Какаяжъ въ свѣпѣ вещь съ ней можеть быль
сравненна?

НАДПИСЬ XXVIII.

На день рожденія Ея Величества, гдѣ оное возходящей зарѣ уподобляешся во время оныя шоржеспивеннаго въѣзду Пешра Великаго оныя Полшавы.

О вы, кошоры все по разсужденью злому
Обыкли случаю приписывавъ слѣпому,
Увѣрьшесь нынѣшнимъ превожделѣннымъ днемъ,
Что промысль Вышняго господшвуешъ во всемъ.
Когда гошовидъ онъ блаженство нащихъ лѣтъ,
Оныя чреслы Пешровыхъ намъ послалъ ЕЛИСАВЕТЪ,
И знаки предъявилъ, кошоры оныя Полшавы
Тогда наполнили весь свѣтъ Пешровой славы.
Съ рожденіемъ Ея шоржеспивенный былъ въѣздъ.
Тогда взнесла свой гласъ и духъ Москва до звѣздъ.
Младенца въ пеленахъ шрофеи окружали,
И воплю первому войскъ плески ошвѣщали.
Подвиглись радостью земля, моря, ееръ.
Пешръ шесшвовалъ во градъ, ЕЛИСАВЕТА въ
міръ;
Низвергнулъ Пешръ враговъ; Она въ Пешровы
слѣды
Ко одержанію подобныя побѣды.
Коль явшвенно тогда самъ промысль предъявилъ
Что послѣ къ радости всеобщей совершилъ!
Родясь; какъ ясная заря намъ возсіяла,
И царства своего день свѣшлый предвѣщала.
Монархія, мы шѣмъ освѣщены всегда
Избавились во шѣмъ сокрышаго вреда;
Часть I.

И радостнымъ въ ночи огнемъ Тебѣ явля-
емъ ,
Что ночи мы въ сердцахъ и шемношъ не зна-
емъ.

И Д П И С Ь ХХІХ.

На новый 1754 годъ, гдѣ время уподобляешся ве-
ликому зданію.

Взирая вѣчноспи на зданіе обширно,
На множество вѣковъ, на жишіе всемірно,
Мы видимъ разноспѣ дѣль со разноспію лѣпшъ.
Тамъ брань горитшъ, шамъ миръ возлюбленный
цвѣтешъ ;
Тамъ вѣки ясноспію ученій просвѣщенны ;
То въ мракѣ варварспва глубоко погруженны ;
Терзаешъ смерспныхъ шамъ гоненіе и гладъ ;
Тамъ всѣ довольспвія безчисленныхъ опрадъ.
Сіи неравноспи прилѣжно рассуждая,
Зримъ ясно, ошъ чего премѣна шаковая.
Монарховъ милоспи, премудроспѣ, бодрый духъ
О щаспѣ многихъ спранъ просперли вѣчный
слухъ.
Благополучны ихъ державы были лѣпша ;
Но лучше нынѣ намъ даешъ ЕЛИСАВЕТА.
Подобяшъ время Ей въ божеспвенныхъ дѣлахъ,
Являешъ образъ намъ во всѣхъ своихъ часпяхъ.

Весна красяеъ всегда прїятными цвѣтами,
Равнишся съ льющими опраду вѣсьмъ усшами;
И лѣпо съ осенью обильные плоды
Намъ сыплешъ, какъ она съ избышкомъ за шру-
ды.

Зима въ спокойствїи довольствомъ улаждаешъ,
Какъ миромъ вѣсьмъ Она богатымъ украшаешъ;
И щитишя ускоришъ щедрошой вшодъ наукъ,
И хипросишъ разную художественныхъ рукъ.
Россїя, ликовшуй, изчисли лѣпа новы:
Щасшливы щасшїемъ Наслѣдницы Пешровы.
Проси, какъ просишъ шы, ошъ Вышняго проси,
И громкїй къ небу гласъ и сердце вознеси,
Да здравїемъ Ея всегда пребудемъ здравы,
И громкихъ дѣлъ Ея да насладимся славы!

Н А Д П И С Ъ XXX.

На день коронаванїя Ея Величества 1754 года,
гдѣ добродѣтели Ея прекрасной и великой
горѣ уподобляющся.

Кшо знашныя дѣла въ нашурѣ разсуждаешъ,
Пешровой Дщери въ нихъ примѣры обрѣша-
ешъ.

Посмошримъ въ поншъ, въ поля, во весь посмо-
шримъ свѣшъ;

Чшо славно найдемъ въ нихъ, въ чемъ къ Ней
примѣра нѣшъ?

Коль всѣхъ красоть число въ нашурѣ ешь про-
спранно,
Толь множество доброшь въ Ней видимъ не-
сказанно.

Не лзя предспавишь всѣхъ предъ мысленный
нашъ взоръ :

И шакъ предспавимъ съ Ней едину славу горь.
Онѣ за облака, онѣ къ звѣздамъ восходяшь ;
Онѣ намъ щипъ, когда войну враги наводяшь ;
Пловущимъ въ глубинѣ онѣ являюшь ходъ ;
Изъ нихъ шумяшь ключи и шоки многихъ водъ ;
Поюшь лице земли, плодомъ обогащаюшь ,
Пріянные сады и доли орошаюшь .

Не въ сихъ ли образъ всѣхъ ЕЛИСАВЕТЫ зримъ?
Она взошла къ звѣздамъ величествомъ своимъ :
Мы крѣпосшю Ея опъ сопосшашъ покрышы,
И бѣдшвія въ волнахъ бѣжимъ къ ней для за-
щипы :

Опъ Ней на подданыхъ шечешъ щедрошь по-
шокъ ,

И разливаешся на западъ и востокъ .

Прекрасная гора опъ Бога ушвержденна,
ЕЛИСАВЕТЪ въицемъ и славой увязенна,
Среди Россійскаго рая недвижно спой,
Сіе гласишь любовь и вѣрносшь предъ Тобой,
И удовольшвіе съ надеждой несомѣнной
Подъ шѣнію Твоей щедроты несравненной.
Покровъ Твой смѣжныя пребудушь небеса :
Къ намъ снидешъ опъ Тебя всегда ошрадъ
роса.

Коль чудныя дѣла ЕЛИСАВЕТЪ являютъ!
Черезъ прохлажденіе въ насъ пламень возбуждаешъ.

НА Д П И С Ь XXXI.

На иллюминацію предсавленную въ день шестоименишства Ея Величества 1754 года, гдѣ изображенъ былъ храмъ Россійскаго благополучія, предъ копорымъ на вратахъ обелискъ съ вензловымъ именемъ Ея Величства, при шомъ сидящая въ радости Россія.

Россія вознося главу на высоту,
Взираешъ на своихъ предѣловъ красоту;
Чудишся въ радости обильному покою,
Что въ оной утверждень, Монархиня, Тобою;
Считая многія довольства, говоришь:
Коль сладкое меня блаженство веселишь!
Прошивники къ моимъ предѣламъ не дерзають,
И алчны мытари внутрь шоргу не смущають:
Спаль шѣсенъ къ злобѣ пушь коварникамъ въ судахъ:
Свобода съ шишиной и въ селахъ и въ градахъ:
Приспанищъ, крѣпосшей и храмовъ всходящъ спѣвны,
И знанія цвѣтущъ щедрою снабдѣнны.
Что я Монархинѣ своей могу воздашь?
И въ славу имени Ея мнѣ что создашь?
Какія радости въ сей день предсавлю виды?
Мнѣ шѣсны храмы всѣ и низки пирамиды.

Ахъ, есплибъ съ ревностью сравнилась крѣпость
силъ,
Тобъ Кавказъ на хребтѣ Россійскомъ нынѣ былъ,
Поставилабъ Ей въ честьъ пречудны обелиски
Превыше облаковъ, къ предѣламъ звѣзднымъ бли-
зки!

НА Д П И С Ь XXXII.

На деньъ возшествія на престолъ Ея Величества
1754 года, гдѣ оное уподобляешся великому
свѣщильнику, возженному огнемъ небеснымъ
и лучи свои просширающему на швахъ, на-
полненный изображеніями дѣлъ Петра Вели-
каго.

Ошца опечесшва Великаго Петра
Положены шруды для общаго добра:
Ужасные врагамъ полки вооруженны
И флошамъ моря велики покровенны:
Полезныя вездѣ обряды и суды,
Художесшвъ и наукиъ всходящіе плоды
Ошъ сѣмени его, ошъяшны колебались,
И шемной зависци во мракѣ покрывались.
Нѣ Богъ ихъ осіялъ неизреченнымъ чудомъ,
Не попусшвъ спояшъ свѣщильнику подѣ спудомъ.
ЕЛИСАВЕТИНЫ доброты какъ свѣщи
Ошкрыль, и деньъ блеснулъ пресвѣплымъ намъ въ
нощи.

На проньъ возвышена , Монархия , сіяешь ,
И просвѣщеніе Пешрово умножаетъ ,
И Вышній утвердилъ чрезъ ПАВЛА намъ за-
вѣщъ ,
Что племени подасишь неугасимый свѣщъ .

Н А Д П И С Ь XXXIII.

На рожденіе Государя Императора ПАВЛА I.

Подъ славнымъ скипетромъ своимъ, ЕЛИ-
САВЕТА ,

Къ блаженству Росскаго не доспавало свѣща ,
Въ пошомкахъ одного наслѣдія Пешру .

Сего всѣ подданны въ усерднѣйшемъ жару ,
Сего единого чрезъ девять лѣтъ желали ,
И гласы къ Вышнему и очи возвышали .

„Когда ты чрезъ Пешра и чрезъ Пешрову Дщерь
„Благоволилъ отворить къ довольствамъ нашимъ
дверь ,

„О Боже ! призи къ намъ единого лишеннымъ ,
„И успокой нашъ духъ довольствомъ совершен-
нымъ :

„Великія шруды Пешровы помяни ,

„Со славою его наслѣдіе сравни.„

Сей гласъ , Монархия , съ Твоимъ соединенный
Доспигнулъ къ Небесамъ , и Богъ имъ прекло-
ненный

Возвеселилъ Пепровъ благословенный домъ ,
И съ нимъ Россію всю желаемымъ плодомъ .
Къ его же щедрости съ усердною мольбою
Зовемъ , да подъ цвоей щасливойо рукою
Младаго ПАВЛА вѣкъ до зрѣлости возрастишь ,
Тебя , родицелей и насъ возвеселишь ;
Да племенемъ его какъ нынѣ мы сердечно,
Возрадующа всѣ пошомки безконечно!

Н А Д П И С Ъ XXXIV.

На маскарадъ 24 числа Октябрия 1754 года въ
домъ Дѣйствительнаго Камергера и Кавалера
Ивана Ивановича Шувалова.

Европа что родишь , что прочи часпи
свѣта ,

Что осень , что зима , весна и кропосшь лѣсна ,

Что воздухъ и земля , что море и лѣса ;

Все было у себя довольство и краса .

Вчера я видѣлъ все , и нынѣ вижу духомъ ,

Музыку , громъ и шрескъ еще внимаю слухомъ :

Я вижу скачущи различны красоти ,

Котпорыхъ , Меценащъ , подвиглъ къ веселью шны .

Оспраду общую своюю умножаешь ,

И радосшь внущрению со всѣми сообщаешь .

Красуемся среди обильныхъ Райскихъ рѣкъ .

Коль щасливѣе , коль красенъ ЕЛИСАВЕТИНЪ
вѣкъ!

НАДПИСЬ XXXV.

На рожденіе Государя Императора ПАВЛА I.

Мы радости ошъ небесъ , щедрости , благо-
дашь

Пріемлемъ чрезъ Тебя, Россіянъ вѣрныхъ, Мать!
Въ шринадцать лѣтъ Твоей Божесшвенной дер-
жавы

Мы наслаждались всѣ щедростъ , покоя , славы.
Но нынѣ промыслъ намъ сугубо доказаль.
Чшо бодрсшвуетъ для насъ , какъ ПАВЛА намъ
посааль ,

Чшо для швоихъ доброшъ, Богиня, несравненныхъ
Довольсшво удвоишъ во дняхъ благословенныхъ.
О щасшливой народъ! блаженная спрана!
Кощорой шакова Монархія дана!

НАДПИСЬ XXXVI.

На иллюминацію и маскарадъ Графа Пешра Ива-
новича Шувалова , Октября 26 дня 1754
года.

Россія нѣкогда чрезъ грозную судьбину
Поверженца свою близъ видѣла кончину!
Чшо Рурикъ съ скипетромъ Монаршескимъ
пріаль
Чшо Ольга, Свяшославъ, Владимиръ Россамъ даль;
Чшо Ярославомъ мы и храбрымъ Моноахомъ
Досшигли, какъ враги взирали къ намъ со спра-
комъ;

Пошомъ что Александръ ошъ бѣдъ Геройствомъ
спасъ;

Что ошъ враговъ покрылъ Димитрій въ спран-
ный часъ;

И чѣмъ насъ вознесли два спроги Іоанны ,
Всѣ славы ихъ пруды оплакала цопранны;
Едва главу свою изъ пепла подняла ,
И въ прадѣдъ Твоемъ помощника нашла;
Монархиня , онъ спѣтъ развалины возспавиль ,
Неспройшво прекрашилъ , и ошъ враговъ изба-
вилъ:

Твой Дѣдъ на вышшую спепенъ Россію взвелъ,
И свѣшу показалъ хвалу преславныхъ дѣлъ :
Великій Твой Опець широкими спопами
Всходя, возвысилъ насъ надъ прочими спранами:
Но не дошедъ верха по общей всѣхъ судьбѣ ,
Весь прудъ свой совершилъ преноручилъ Тебѣ.
И бодрости пвоей Всевышній споспѣшаешъ ,
На верхню насъ спепенъ шобою посспавляешъ.
Что вѣчно въ насъ его пребудешъ благодашъ,
Младый въ шомъ ПАВЕЛЬ данъ залогъ намъ и
печаешъ.

О предковъ красота , Пешрова Дщерь и слава!
Пріяшна мужеспвомъ Твоимъ его держава ,
Черезъ спизхожденіе Твое къ намъ возспашъ ;
И жершва искреннихъ желаній вопіешъ :
Да милоспи свои всевидящее око
Посспавилъ надъ Тобой, какъ верхъ небесъ вы-
соко.

И А Д П И С Ъ XXXVII.

Б О Г У

Всемогущему'
и Его Угоднику
Благовѣрному и Вели-
кому Князю
АЛЕКСАНДРУ Нев-
скому ,

Россовъ усердному за-
щипнику, презрѣвше-
му прещеніе мучише-
ля, шварь богошворишь
повелѣвшаго,

укропившему варвар-
сшво на воспокъ ,
низложившему за-
виспъ на западѣ,
по земномъ княженіи
въ вѣчное царсшво
преселенному въ лѣшо
1263,

усердіемъ ПЕТРА ВЕ-
ЛИКАГО на мѣшпо
древнихъ и новыхъ по-
бѣдъ пренесенному
17 .. года,

Державнѣйшая
ЕЛИСАВЕТА
опеческаго ко свя-
шымъ почишаніи
подражаніельница,
къ нему

благочесшiemъ усерд-
сшвуя ,
сію
мужесшва

и
св я ш о с ш и
его дѣлами
украшенную раку изъ
первообрѣшеннаго

при Ея
благословенной дер-
жавѣ
сребра
сооружишь благоводи-
ла

Въ лѣшо 1752.

Н А Д П И С Ь XXXVIII.

На новый 1755 годъ, гдѣ владѣніе Ея Величества
уподобляешся приспани съ храмомъ упокое-
нія и съ входящими и исходящими кораблями.

По правдѣ вѣчношь естѣ проспранный
Океанъ,

Чшо вихрямъ завсегда на колебанье данъ.
Въ ней лѣша корабли, чшо скоро пробѣгають,
И въ дальности себя безвѣспной закрывають.
Кшо рока злобнаго въ пучинѣ погружень,
Или волненіемъ боязней ушомлень,
Топь черезъ спремнины и жерла бѣдъ глубоки
Не можешь видѣшь ихъ сквозь горькихъ слезъ
пошоки.

Но какъ приспанища чрезъ ихъ въ себя прихоть
Богатствомъ веселяшь и зрѣніемъ народъ ;
Подобно крошкая и намъ ЕЛИСАВЕТА
Въ приспанищѣ щедрошь являешь долги лѣша.
Сии наполнены довольствомъ корабли
Мы видимъ, веселясь, со щаспливой земли.
По многимъ радостямъ мы долгосшь лѣшъ счи-
щаемъ,

И милосши Ея ихъ мѣрой признаваемъ.
Пусшь мимо шѣ другихъ среди валовъ лепяшь,
Ошь нашей щипины опъздомъ не спѣшашь.
Въ прекрасномъ оспровѣ державы вождельной
Препровождаемъ вѣкъ спокойной, несравненной.
Изшедцимъ наслаждаь обильнымъ кораблемъ,
Чшо насъ увеселимъ въ приспанищѣ Твоемъ,

И новаго дождавъ , Монархия , прихода ,
Прими желанія ошь вѣрнаго народа :
Дабы среди Твоихъ спокойныхъ царства водъ
Великъ былъ щаспемъ корабль сей новый годъ ;
Да многіе попомъ довольствъ увидимъ полны ,
Не вѣдая , что вихрь , не вѣдая , что волны .

НА Д П И С Ь XXXIX.

На спускъ корабля именуемаго Іоаннъ Злапо-
успный .

Сойдижъ намъ , Злапоуспъ , оставивъ небеса
Достойна швоего здѣсь зрѣнія краса .
Петрова Дщерь шебъ корабль сей посвящаешъ ,
И именемъ швоимъ все море наполняешъ .
Когда шы пойдешъ въ пушь на немъ между ва-
ловъ ,

Греми прошивъ Ея зависшавыхъ враговъ :
Злашными преждешы гремѣлъ въ церквахъ усшами ,
Но пламенными впредъ звучи въ водахъ словами .

НА Д П И С Ь XL.

На конное лишее изъ мѣди изображение Ея Им-
ператорскаго Величешва Государыни Импе-
раприцы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ въ
Амазонскомъ уборѣ .

Увидѣвъ Аполлонъ въ мѣди изображенный
Богини Росскія великолѣпный видъ ,

И бодростью шого мешалль одушевленный,
Со щцаніемъ спѣшилъ къ нему съ Парнаскихъ
горь;

Промолвилъ восхищенъ къ спроишелю перуновъ:
Сшоялъ бы и поднесъ мой городъ и Непшуновъ,
Когда бы защищашь Пріамовъ скипшрь и шронъ
Пришла подобна сей Царица Амазонъ;
И щцешнабъ вся была коварныхъ Грековъ сила,
ЕЛИСАВЕТАбъ ихъ въ одинъ часъ низложила.

НАДПИСЬ ХLI.

На шо же изображеніе.

Великаго Ошца и Машери прекрасной
Подобную мешалль здѣсь Дщерь изобразивъ,
Геройской бодростью и крошкимъ взоромъ живъ,
Вѣщаешъ, кажешя, опъ вещи къ намъ безгласной
Надежду, мужештво, щедросты, милосшь, миръ;
Пріяшна какъ весна, лешаешъ какъ зефиръ.
Свѣшлѣе злаша мѣдъ въ семь образъ сіяешъ,
Чшо шоль великую Богиню предсшавляешъ.

НАДПИСЬ ХLII.

На опъвѣздъ изъ Санкшпешербурга въ Москву Ея
Величештва 1752 года Декабра дня.

Чшо воздухъ шихъ споишъ по шоль бурли-
выхъ дняхъ?

Просшперся мягкій снѣгъ въ spokойшвѣ на поляхъ?

ЕЛИСАВЕТА въ пушь прещедра поспѣшаетъ;
Монархиня, Твой взоръ къ Тебѣ все привлекаетъ.
Не шокмо на земли Твоя любезна власпъ,
Но небо плешъ свою Тебѣ подѣ ноги часпъ.

НА Д П И С Ь Х L I I I .

На оказаніе Высочайшей милосши Ея Величештва
въ Москвѣ 1753 года.

Монархиня, Твоя прещедрая рука
Обиліе намъ льешъ и радоспъ, какъ рѣка,
Сильнѣ, нежели ключей Каспальскихъ шокки,
Сшремленіе къ спихамъ и духъ даешъ высокій.
О радоспной восшоргъ! куда я полечу?
Но большее языкъ богашспшо словъ являешъ,
Когда умѣренно веселіе бываешъ :
Веселіе мое безмѣрно — я молчу.

НА Д П И С Ь Х L I V .

На новое спроеіе Сарскаго Села.

Хопя по царспвамъ Римъ поверженнымъ
спушалъ ,
Однако седмь вѣковъ и больше возспавалъ ;
Скорѣ крошкой Ты, Монархиня , рукою
Россію безъ войны возводишь за собою ;
И щедролюбіемъ возносишь насъ своимъ ,
Не разрушая царспвъ, въ Россіи спроеишь Римъ.

Примѣръ въ шомъ Сарской домъ : кто видишь ,
всякъ чудипся ,
Сказавъ , что скоро Римъ предъ нами поспыдишся.
Ни время , ни шруды , ни подданной весь свѣшь
Тамъ такъ не успѣваль , какъ здѣсь ЕЛИСАВЕТЪ.

Н А Д П И С Ь XLV.

Къ ракъ свяшаго Димитрія Митрополиша Рос-
шовскаго.

ВСЕМОГУЩИЙ и НЕПОСТИЖИМЫЙ
Б О Г Ъ

Чудными изкони дѣлами , явиль
свяшую свою великолѣпную славу
и во дни наши ,

Въ благословенное государствованіе
Благочисливѣйшія , Самодержавнѣйшія ,
Великія Государыни
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ,
Самодержицы Всероссійскія ,
новыми чудотвореніями въ Россіи про-
сѣившаго ,

з д ѣ с ь

почивающаго свяшаго Мужа ,
Преосвященнаго
МИТРОПОЛИТА ДИМИТРИЯ
Росшовскаго и Ярославскаго ,
Отдавшаго Божія Богови:

Вѣрою , кропостию , воздержаніемъ ,
ученіемъ , шрудолубіемъ ,

Кесарево Кесареви:
Ревностію и шерпніемъ,
поборствую
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ
прошъ суемудраго раскола.
Въ Богоспасаемомъ градѣ Києвъ
родился сей жипель небесаго Іерусалима
Декабря 1651 года,
Ангельскій образъ принялъ 18 ши лѣпшъ,
На свяшительскій Пресполь
возведенъ
Марша 23 дня 1701 года,
Пасъ церковь Божию
7 лѣпшъ, 9 мѣсяцевъ, 26 дней,
живъ 58 лѣпшъ,
Въ вѣчной покой преселился 1709 года.
Написавъ жишія Свяшыхъ,
самъ въ ликѣ оныхъ вписанъ быпшъ
удостоился
въ лѣпш 1754 Апрелья 9 дня.

О! вы, чшо Божешиво въ предѣлахъ чшише шѣ-
сныхъ,
Подобіе его мня быпшъ въ часпяхъ шѣлесныхъ,
Вперипе въ мысль, чему Свяшитель сей училь,
Чшо нынѣ вамъ гласипшъ опшъ лика горнихъ силъ.
На милосщъ Вышняго, на испинну склонипесь,
И къ машери своей вы церкви примирипесь.

НАДПИСЬ XLVI.

Напечатана въ успавѣ Воспитательнаго въ Москвѣ дома 1764 года.

Блаженство обществу вседневно возра-
спаетъ ,

Монархиня къ прудамъ прудъ присоединяетъ ,
Спараясь о добрѣ великихъ имъ опрадь ,
О воспитаніи печешся малыхъ чадь ,
Дабы , что въ ошчествѣ оспавлено презрѣнно ,
Приобрѣло ему сокровище безцѣнно ;
И чшобъ изъ шяжкаго для обществу числа
Воздвигнушь съ нравами похвальны ремесла.
Внемлише съ радостью полезному пиномству ;
Рачители добра грядущему попомству ,
Похвалѣно дѣло еспѣ убогихъ призирашь ,
Сугуба похвала для пользы воспиташь :
Напура шо гласишь , повелѣваетъ вѣра.
Внемлише важности монаршаго примѣра :
ЕКАТЕРИНА васъ предводишь къ чести сей :
Спѣшите щедростью , какъ вѣрностью за Ней.

НАДПИСЬ XLVII.

На Сарское сѣло, Августа 27 дня, 1764 года.

Луга, кустарники, пріятны высошы ,
Примѣръ и образецъ Едемской красошы ,
Досшойно похвалишь я нынѣ васъ желаю ,
Но выше почему почшишь , еще не знаю ,

Не шѣмъ ли, что вездѣ пріятности въ садахъ
И нѣжны Зефиры роскошнвуютъ въ цвѣпахъ?
Или что ради васъ художествъ славныхъ сила
Возможность всю свою и кипрость истощила?
Или что мечешь съ васъ златая блескъ гора,
Ошкуда видимъ градъ Великаго ПЕТРА?
Гора, или по домъ богамъ земнымъ приспойной,
Къ опдохновенію величества спокойной?
Всѣхъ больше красишь сей ЕКАТЕРИНА край:
При Ней здѣсь вѣкъ златой и разцвѣщаетъ рай:
Она всѣ красоты присушествомъ оживляетъ,
Какъ свѣтъ добротами и славой восхищаетъ.

Н А Д П И С Ь XLVIII.

На изобрѣшеніе роговой музыки.

Ловцовъ и паспуховъ межъ селами опрада,
Одни ловящъ звѣрей, другіе смощрящъ спада.
Охощникъ въ рогъ ревещъ, паспухъ свиспощишь
въ свирѣль.

Тревожишь оной Нимфъ; пріятна шиха прѣль.
Тамъ шумной песей ревъ; а здѣсь у шихой рѣчки
Молоденьки блеощъ по мащери овечки.

Здѣсь нѣжностъ и покой, здѣсь царспвуетъ
любовь,

Охощнической шумъ, какъ Марсовъ, движещъ
кровь.

Но нынѣ къ обоимъ, вы Нимфы, собирайщесь,
И равно обоей музыкой услаждайщесь:

Что было грубости въ охошничьихъ шубахъ,
Нарышкинъ умягчилъ при нашихъ берегахъ :
Чего и дикія жившны убѣгали ,
Въ шомъ служи нѣжныя пріятности сыскали.

Н А Д П И С Ь Х L I X .

Се ЕЛИСАВЕТА

ПЕТРА ВЕЛИКАГО Великая Дщерь,
Благочеспивая, Щедрая,
Мужеспвенная, Великодушная,
Всемилоспивѣйшая Самодержица,
Моя Избавишельница,
Защишница, Просвѣпишельница,
Слава моя ,

Вознесшая главу мою,
Во гробъ низходишь!

Рыдайше обласши ,

Насладившися кропкою ея державою;

Въ слезы обратишесь

Великія мои моря и рѣки!

Всѣ вѣрныя мои чада

Къ Богу возопише :

Упокой, Спасе, въ вѣрѣ къ тебѣ преславль-
шуюся, Царствія твоего сопричастницу
сошвори ; на тя бо упованіе возложи ,
Человѣколюбче.

Конецъ части первой.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СОЧИНЕНІЯМЪ СОДЕРЖАЩИМСЯ ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ :

	спран.
Жизнь сочинителя - - - -	I.
Предисловіе Сочинителя о пользѣ книгъ церковныхъ - - - -	xliiv.
Письмо его же о правилахъ Россійскаго спихошворства - - - -	lvii.
Оды духовныя или преложеніе псалмовъ	1.
Ода выбранная изъ Іова - - - -	25.
— содержащая утренняя размышленіе о величествѣ Божіемъ - - - -	30.
— содержащая вечернее размышленіе	31.
Оды похвальныя - - - -	37.
Ода на щасіе изъ сочиненій Г. Руссо пе- ревода Г. Ломоносова - - - -	238.
Таже ода перевода Г. Сумарокова - - - -	252.
Разговоры съ Анакреоншомъ - - - -	257.
Похвальныя надписи - - - -	267.
